

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№9 2010

Повесть:

Антон Тудаков
«АПОКАЛИПСИС
ВЧЕРА»

Рассказы:

Юлия Гофри
«О СЛАБОСТЯХ
СИЛЬНЫХ НАТУР»

Александра Давыдова
«УМ»

Кинопортал:

Сергей Бережной
«СХЕМА ЭВАКУАЦИИ
ИЗ СНА ПРИ ПОЖАРЕ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 9 (85) 2010

1. Антон Тудаков	/ АПОКАЛИПСИС ВЧЕРА	4
2. Дмитрий Детинич	/ НЕЛЮДЬ	45
3. Катерина Королевич	/ ТОРГОВЦЫ КОНИНОЙ.	60
4. Алексей Зайцев	/ ГРАБИТЕЛЬ.	74
5. Марк Лимаренко	/ ШЕСТЬ ДНЕЙ.	86
6. Виктор Колюшняк	/ ПЯТНАДЦАТЫЙ ДОМ ПО УЛИЦЕ КАМЮ	99
7. Юлия Гофри	/ О СЛАБОСТЯХ СИЛЬНЫХ НАТУР	111
8. Анна Береза	/ СПИЧКА	121
9. Иван Шепелев	/ МЫ БУДЕМ ВАС ЖДАТЬ	131
10. Олег Кожин	/ СНЕЖНЫЕ ВОЛКИ	140
11. Константин Колесник	/ КРИЗИС.	147
12. Александра Давыдова	/ «УМ»	154
13. Евгений Константинов	/ ОДНО СОКРОВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ	158
Критика		
14. Плихневич Татьяна	/ ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЗОАМЕРИКИ.....	161

Рецензии и отзывы

15. Kkk72	/ ВРЕМЯ КОЛОДАНА.	178
16. Kkk72	/ ШАРЖ НА XIX ВЕК	182
17. Иван Попов	/ ВПЕРЕД И ВВЕРХ	186

Кинопортал

18. Сергей Бережной	/ СХЕМА ЭВАКУАЦИИ ИЗ СНА ПРИ ПОЖАРЕ	189
19. Павел Бойко	/ В ПОИСКАХ СИНЕЙ ТАБЛЕТКИ	192

Репортаж

20. Сергей Пальцун	/ ТРИ ДНЯ ТРИКОНА.	200
--------------------	----------------------------	-----

Opus mixtum

21. Премияльный месяц	207
-----------------------	-----------	-----

АНТОН ТУДАКОВ

АПОКАЛИПСИС ВЧЕРА

Звонок телефонного аппарата разорвал тишину, прочно обосновавшуюся в новом кабинете Джеймса Далли.

Конечно, это был не его кабинет, а только временно выделенная каморка, которую еще пару недель назад занимали коробки с бумагой и канцелярскими принадлежностями. Но теперь сюда протянули телефонную линию, поставили компьютер, а так и не вынесенные картонные коробки вполне успешно заменили полки.

Телефон звонил не переставая.

Далли какое-то время смотрел на него, пытаясь понять, что нужно этому эбонитовому анахронизму, затем сдался и поднял трубку.

— Далли у телефона, — произнес он, опасливо придерживая трубку подальше от уха.

Опасения оказались не напрасными: черный диск динамика разразился громогласными воплями, кошмарной смесью коверканного английского, испанского и какого-то местного индейского бульканья.

Значит, звонила охрана. Трехсотметровая чаша радиотелескопа в Аресибо располагалась в естественной впадине и особо не нуждалась в том, чтобы ее стерегли. Сумасшедших, готовых карабкаться по обросшим деревьями крутым скалам только для того, чтобы свалиться в алюминиевую чашу, на которой в солнечный день можно было спокойно печь яйца, пока еще не находилось. Да и здания обсерватории, разбросанные вокруг телескопа, не представляли ни для кого особенного интереса. Но, между тем, на въезде в комплекс все равно стояли автоматические ворота и будка для охранников. Последних, ввиду резкой нехватки финансирования, набирали из местных жителей, которые и по-испански говорили как-то странно. А уж их английский для Далли вообще находился за гранью понимания.

Голос в трубке возвестил еще что-то, после чего смолк, видимо, ожидая ответа.

— Простите, что вы сказали? — поинтересовался у трубки Далли.

В последовавшем в ответ потоке бурных словоизлияний, из знакомых слов Далли уловил только «ворота», «машина» и свое имя. Хотя насчет последнего полной уверенности не было. Поразмыслив, он пришел к выводу, что охранник также упомянул некоего посетителя. Таким образом, выходило, что к нему, Джеймсу Далли, кто-то приехал.

— Сейчас буду, — сказал он и бросил трубку, благодаря чему избежал необходимости выслушать мнение охранника по поводу своего ответа.

Далли набросил на плечи льняной пиджак (по местным меркам на улице стоял жуткий холод) и перешагнул через так и не разобранные ящики со справочниками и дипломами в рамках. Последними он планировал украсить стены.

Конечно, его удивил тот факт, что к нему прибыл посетитель. Далли попал в Аресибо только благодаря тому, что нынешний руководитель радиообсерватории Патрик Олдберн дружил еще с отцом Джеймса. Олдберн часто бывал у Далли в гостях, и именно благодаря ему Джеймс увлекся астрономией. А потом подался в Корнельский университет. Отучившись, он остался в аспирантуре и успешно защитил диссертацию. После этого Далли предложили остаться преподавать. Он согласился, взялся за докторскую и... через три года понял, что вся эта возня с бумагами ему до смерти надоела. Бросив все, он ушел в обсерваторию Огайо, где провалял дурака еще пару лет. Случайно встретив на одном из симпозиумов Олдберна, общение с которым после Корнелла ограничилось рождественским открытками по электронной почте, Далли получил предложение перейти к нему в Аресибо. Особого желания тащиться в Пуэрто-Рико Далли не испытывал, но и работа в Огайо его уже начала доставать... Так что в один прекрасный день он собрал свои немногочисленные вещи, сделал один международный звонок, и вылетел ближайшим рейсом в Пуэрто-Рико. Многочасовой перелет завершился в аэропорту Сан-Хуана встречей с почти не говорящим по-английски коротышкой, который держал в руках табличку с именем Далли. Несколько позже Далли понял, что на самом деле здесь все отлично понимали английский, и даже весьма бегло говорили на нем, когда дело касалось денег. Полчаса езды на джипе — и перед Далли предстали свежепокрашенные ворота в обсерваторию.

По истечении месяца восторги Далли по поводу возможностей телескопа поутихли. За исключением экзотического окружения и толп туристов, обстановка в Аресибо мало отличалась от Огайо — та же подкованная возня, интриги, драки за машинное время и приоритеты исследований. Вдобавок ко всему, здесь остро ощущался недостаток финансирования. Корнелл и Национальный Научный Фонд не могли полностью оплатить все запросы обсерватории, и Олдберну приходилось прибегать к невероятным ухищрениям, чтобы самостоятельно привлечь средства.

На самого Далли первое время смотрели косо — слухи о том, что его привел лично Олдберн, разползлись быстро. Он был закреплен за группой, занимающейся проблемой SETI, которой руководила весьма мнительная особа по имени Сильвия Белл. Первое время при встречах ее взгляд был готов испепелить Далли, затем все более-менее устаканилось, но она так и не стала доверять ему полностью.

Дверь из «кабинета» Далли открывалась в многозначительную тишину машинного зала, изредка прерываемую перестукиванием клавиш и шелестом кондиционеров. По всему залу были развешаны колонки, призванные транслировать загадочные голоса бесконечной вселенной, но они молчали уже многие месяцы. Эти голоса можно было слушать неделю, две, месяц или год — от этого они не наполнялись ни каплей смысла. Более того, они так успели всем надоест, что когда колонки включали для туристов, вся лаборатория разбегалась кто куда. Искать в космосе разумную жизнь и слышать лишь звук колебания межзвездных газов, а то и вообще просто бессмысленный шум... Некоторые не выдерживали. За неделю до приезда Далли один из сотрудников, Мартин Элиссон, вбил себе в голову, что от одного из обследуемых секторов в районе скопления М-13 получен повторяющийся осмысленный сигнал. После двух суток без сна от компьютера Элиссона пришлось отрывать силой. Проверка его записей, к всеобщему удивлению, действительно выявила повторяющийся сигнал. Удивление, судя по рассказу Олдберна, оказалось настолько сильным, что Далли пришел к выводу, что никто в группе SETI давно не верит в возможность получения радиосигнала от братьев по разуму. Впрочем, ажнотаж быстро спал, а Элиссона отправили в Канкун восстанавливать психику. Принятый сигнал оказался эхом сошедшего шесть лет назад с орбиты европейского телекоммуникационного спутника. История, настолько привычная для поиска внеземных цивилизаций, что о ней забыли через два дня.

Миновав лабиринт коридоров, Далли вышел под пуэрториканское солнце, прорывающееся осязаемо горячими лучами под прозрачный пластик перекрытий пешеходных маршрутов обсерватории. Прикрывая глаза руками от слишком яркого света, он быстрым шагом направился к проходной.

За воротами стоял пикап цвета хаки, покрытый грязью до самой крыши. Курящий около него тип показался Далли смутно знакомым, но его лицо было скрыто надвинутой почти на самый нос бейсболкой. Охранник, выскочивший из будки при приближении Далли, что-то залопотал, тыкая пальцем в сторону пикапа. Далли отмахнулся от него и, пройдя через будку, внутри которой надрывался телевизор, вышел к посетителю.

— Добрый день. Чем могу быть полезен? — поинтересовался он.

— Скажи, Джеймс, — произнес посетитель, не выпуская из зубов сигарету и вода ботинком по дорожной грязи. — Ты уже так же не веришь, что инопланетяне существуют, как и все остальные в этой дыре?

Этот голос оказался хорошо знаком Далли. Он принадлежал Августу Блейлоку. Последние несколько лет Далли и Блейлок общались только по электронной почте, хотя были знакомы еще со школы, где оба были завзятыми членами астрономического общества. Тогда в их головы и начали закрадываться первые мысли о том, что человек должен быть не одинок во вселенной. Вместе они поступили в Корнельский университет, где их пути стали расходиться. Далли с головой ушел в астрофизику,

а Блейлока потянуло на исследования в области квантовой теории. После окончания Корнелла он ушел в Калифорнийский технологический. Там, судя по письмам, Блейлок занялся какими-то глобальными исследованиями скоростной передачи данных. В чем их суть, Далли так и не понял. Как и руководство Калтека, с которым у Блейлока складывались все более напряженные отношения. На последнее отправленное на электронный адрес Блейлока письмо, Далли получил короткий ответ, извещавший его, что тот больше не является сотрудником Калтека.

Они обнялись, и Далли тут же принялся сыпать вопросами:

— Ты где пропадал столько времени?

— Да так, — пожал плечами Блейлок. — Можно сказать, подвизался на вольных хлебах.

— А что с Калтеком?

Блейлок фыркнул, достал новую сигарету и закурил.

— Обычная история. Раньше как шарлатанство воспринималось все, что не вписывалось в рамки фундаментальной науки... Я думал, что с открытием квантов стало чуток полегче, но, видимо, механизм настолько заржавел, что смазка уже не помогает. Его надо разбирать полностью.

— Погоди, ты хочешь сказать, что ТЕБЯ объявили шарлатаном?

— Ну да. Знаешь, обычная история — ты хоть раз видел, чтобы теория, выходящая за рамки представлений большинства пишек от науки проходила с первого раза?

— Для этого, вроде как, и существуют научные исследования. Фундаментальная наука, знаешь ли, серьезно отличается от философии тем, что словесные построения за доказательство не принимает.

— Ага, конечно, — Блейлок скривился. — Проблема в том, что сама она при этом сильно зависит от такой штуки, как бюджет.

— Нам здесь про это можешь не рассказывать, — усмехнулся Далли.

Он слышал, что когда СССР еще не развалился, тамошние ученые даже не знали, что такое ограниченные ассигнования на исследования. Конечно, там имела место ведущая роль коммунистической партии и соответствие объектов исследования марксистско-ленинской идеологии, зато здесь перспективность научной работы оценивалась исключительно в зависимости от ее ценности для транснациональных корпораций.

— В общем, правительство в очередной раз произвело секвестр расходов на науку. Как всегда, после этого выкрутились только те, кто занимался прикладными исследованиями или вкалывал на деньги корпораций. Мою работу объявили излишне расходной с минимальными перспективами на внедрение... Тут я еще имел глупость поспорить. Ты сам знаешь, к чему приводит в наших кругах пойти против незыблемых авторитетов. Короче, мою программу пустили под нож. А чтобы упростить этот процесс — вообще объявили, что я занимаюсь лженаукой...

— Стоп-стоп, Август! А чем ты занимался на самом деле?

Лицо Блейлока расплылось в улыбке.

— Вот поэтому-то я здесь, Джеймс! Мне стоило большого труда найти тебя. А уж то, что ты оказался в Аресибо, так это вообще удача, ниспосланная свыше.

Тут Далли спохватился, что они уже давно перегораживают ворота. С трудом объяснив охраннику, что от него требуется, они загнали пикап на стоянку. Продолжить разговор Далли предложил в кафе на территории обсерватории.

— Предположим, что ты заинтриговал меня, — продолжил Далли, размешивая сахар в кофе. — Давай, выкладывай, что за крамолу ты толкнул в Калтеке и при чем здесь я.

Блейлок откинулся на спинку стула и достал новую сигарету.

— Здесь курят? — осведомился он.

Далли кивнул и пододвинул пепельницу.

— Знаешь, Джеймс, мне не хотелось бы заходить издалека, но ответ мне на вопрос: сколько лет вы уже бьетесь над проблемой SETI?

— Сложно сказать... Человечество ищет иную жизнь с тех пор, как сообразило, что звезды не приколочены боженькой к небесному куполу.

— И как успехи?

— Конкретно в поиске иного разума — никаких. Только не забывай, что это не основная наша работа. Так что если ты хотел пожаловаться на то, что деньги налогоплательщиков уходят в никуда, то будешь прав только частично.

— Джеймс, хватит городить чепуху. Я приперся сюда не для того, чтобы попенять на то, что вас еще не прикрыли, в отличие от моей работы.

— Извини.

— Суть не в этом. Я спросил тебя про результаты, потому что прекрасно знаю, что их нет. И, подозреваю, не будет много лет.

— Вполне возможно, — согласился Далли. — Мы крутимся, как можем. Дошли уже до того, что данные по SETI обрабатываются через Интернет добровольцами. Все это отнюдь не от того, что финансирование льется рекой.

— А если дело в том, что вы не там ищите?

— Что значит не там? Телескоп не пялится в одну точку, мы сканируем весь доступный из Аресибо сектор. Кроме того, есть еще Огайо, Парк, «Феникс»...

— Да я не об этом. Если спросить тебя, какие звезды в вашем секторе ты считаешь перспективными в плане обнаружения жизни, ты назовешь их мне под сотню.

— Верно. Но это не значит, что мы получим с них какой-нибудь сигнал. Это только наши предположения и...

— Да никакого вы сигнала не получите, Джеймс, — опять перебил Далли Блейлок. — Посмотри правде в глаза. Вселенная, скорее всего,

бесконечна. Единственное послание, который вы сможете поймать — это узконаправленный сигнал, отправленный такими же старперами с другого конца нашего спирального рукава. Представляешь — они, как и вы, упорно бомбардируют какой-нибудь участок своего небосвода своими гребанными радиосигналами. Короче говоря, все, на что вы можете рассчитывать, это наткнуться на ихнее SETI...

— Август, если вселенная действительно бесконечна, шанс на это также бесконечно велик, как и мал, если ты это хотел сказать.

— Вот! Вот поэтому меня и выперли из Калтека. Ну, поймаете вы этот упорядоченный сигнал и что? Да вам еще пару лет надо будет его получать непрерывно, чтобы расшифровать и убедиться, что он действительно искусственного происхождения! И даже если вы его расшифруете, то что? Пошлете обратно в ответ атомарную схему водорода? И сколько надо будет ждать, пока они вам тоже ответят? Сто лет? Тысячу? Миллион? И даже если ваш сигнал дойдет до адресата, кому он там уже нужен будет через столько лет? Кто его поймет? Я так думаю, что этруски тоже написали массу ценных наставлений своим потомкам. И что, много народу их прочитало? Дай Бог, чтобы этрусками во всем мире интересовалась хотя бы пара тысяч человек! Так что этот ваш сигнал от иного разума будет такой же сенсацией, как пластическая операция на сиськах какой-нибудь плейбоевской старлетки. Что вы покажете людям? «Бип-бип-бип» и пару синусоид на экране?

Далли опешил от напора Блейлока. Ему в голову начало закрадываться подозрение, что, выпустив его на территорию обсерватории, он совершил крупную ошибку. Может быть, того не зря выдворили из Калтека?

— Пять минут назад ты жаловался на то, что злые корпорации дают денег только на исследования, имеющие практическое применение, — попытался возразить он Блейлоку. — А теперь из твоих слов можно сделать вывод, что наука должна развлекать людей.

Блейлок хотел что-то сказать в ответ, но обнаружил, что от его сигареты остался только фильтр. Он яростно вмял его в пепельницу и снова закурил.

— В чем-то ты прав, — очевидно, новая сигарета несколько успокоила нервы Блейлока. — Возможно, я слишком разошелся. Наука должна приносить цивилизации реальные плоды, а не существовать ради самой себя. На самом деле никому из нас не хотелось бы вдруг обнаружить, что мы живем в Касталии Гессе. Но знаешь, что самое смешное? Мне пришлось туго, но я много успел сделать в Калтеке. И мои бывшие боссы были столь милостивы, что позволили кое-что забрать из лаборатории. Не безвозмездно, конечно. Тяжелое финансовое положение, Джеймс, как выяснилось, необычайно обостряет умственные способности — я закончил свой проект буквально на коленке в мотеле. Теперь он полностью завершен и готов развлекать толпу, вызывать сенсации и помогать миру науки. Но есть одна мелочь. И ты должен мне с ней помочь.

Далли почувствовал себя неуютно.

— Август, не пойми меня неправильно... — начал, было, он.

— Но я тут недавно, у меня нет времени, запишись ко мне на прием через годик-другой, — передразнил его Блейлок. — Перестань, Джеймс, я уже вижу, что ты мне уже не рад. Чхать я на это хотел. Но тебе не кажется, что ты мне кое-что должен еще со студенческих времен? Поверь мне, я дошел до ручки и, зная о твоих отношениях с Олдберном, теперь с тебя не слезу. Я хочу точно знать — работает моя идея или нет.

Последние слова Блейлок практически выкрикнул.

— Так, давай для начала снизим тон, Август, — Далли начал беспокоиться и озирается по сторонам. — Может быть, ты хотя бы скажешь, что конкретно от меня нужно?

— Извини, сорвался, — пробормотал Блейлок. — На самом деле я уверен, что все сработает. Я, конечно, несколько погорячился, но согласись, что даже если вы получите сигнал от внеземной цивилизации, это ничего не изменит.

— То есть? — удивился Далли.

— Сам подумай — половина населения Земли и так верит в существование маленьких зеленых человечков. Другая половина верит, что Яхве или Аллах создал человека единственным и неповторимым во вселенной, и все домыслы о существовании иной жизни во вселенной — это происки нечистого. Что ты докажешь, получив из космоса табличку с набором единиц и нулей? Что где-то далеко пару тысяч световых лет назад, пара высоколобых придурков вроде нас с тобой запустили в небо радиосигнал? Вот это будет новость, ничего не скажешь. Знаешь, Джеймс, я уверен в том, что ваш подход к проблеме поиска внеземных цивилизаций в корне неверен. Любая технически развитая цивилизация излучает огромное количество информации. Вся она уходит в космос...

— Ну да, конечно. Ты сам должен представлять, сколько может пройти, не рассеявшись, обычный радиосигнал в космосе. Не говоря уж о том, что с ним станет еще в атмосфере.

— Естественно. Именно поэтому вы и не поймали пока ничего, кроме передач своих спутников.

Далли не сдержался и фыркнул.

— Джеймс, — Блейлок укоризненно покачал головой. — Мой аппарат не принимает радиосигналы. Он принимает информацию.

— Что-что он принимает?

На стул рядом с Далли и Блейлоком опустилась Сильвия Белл. Далли почувствовал, что у него загораются кончики ушей. Пока он пытался выдать из себя что-то, подходящее случаю, Блейлок вдруг выдал:

— Вот уж не ожидал тебя здесь увидеть. Привет, Сил.

Еще большим идлотом Далли почувствовал себя, только когда Сильвия небрежно махнула рукой и сказала:

— Привет, Август. Ты все еще пытаешься доказать, что квант движется быстрее скорости света?

— Увы, нет. Теперь я уверен, что старик Эйнштейн был прав.

— Да ну?

— Точно. Я только что пытался объяснить это Джеймсу, но ты нас прервала.

— Джеймс, — Сильвия приспустила очки на кончик носа и пристально посмотрела на Далли. — Ты давно знаком с мистером Квантом?

— Что ты, мы только присели вышить кофейку, — огрызнулся пришедший в себя Далли. — А он тут же набросился на меня со своими сумасшедшими идеями.

— Правда? — изумленно вскинула брови Сильвия.

— Господи, конечно же, нет! Это я его сюда привел. Но о том, как он добрался до Пуэрто-Рико, я понятия не имею, — Далли повернулся к Блейлоку. — Ну а ты откуда знаешь мисс Белл?

— Белл? — настала очередь удивляться Блейлоку. — Когда мы виделись последний раз, она еще была Пристли...

— Это было очень давно, — коротко проинформировала его Сильвия. — Я успела выйти замуж и развестись, Август.

— Да, если бы я знал, что ты здесь, я бы не стал напрягать Джеймса. Ты обещала его загрызть насмерть, если он проведет туриста бесплатно?

Сильвия пожала плечами.

— Ну, колись давай, что ты ему втирал?

— Фактически я построил прибор, который может обеспечить вас слабой на веки вечные.

— Ага. И что это?

— Ты прервала нас на самом интересном месте. Итак, Джеймс, мой прибор позволяет принимать информацию. Понимаешь, я пришел к выводу, что сама по себе информация, раз появившись, никуда не пропадает. Если в космос из Аресибо ушла радиоволна, которой вы пытаетесь сообщить о себе братьям по разуму, но в облаке Оорта она рассеялась, то информация о том, что несла эта волна, все равно будет двигаться дальше...

— Знаешь, звучит как-то э-э... ненаучно.

— Пока Марконе не изобрел радио, мысль о передаче слов на расстояние тоже звучала ненаучно. Просто напряги мозги и представь себе, что информационная волна существует. Так вот, пока мне не известен фактор, который мог бы помешать ее прямолинейному движению. И если где-то во вселенной эти самые пресловутые братья по разуму построили излучатель сигнала, то мы здесь можем этот сигнал поймать. Если, конечно, он шел в нашу сторону.

— И зачем тебе мы? — спросил Далли.

— Во-первых, мне нужен радиотелескоп.

— Зачем?

— Можно я пока не буду вдаваться в технические подробности? Информационную волну тоже так легко не поймаешь. А во-вторых, я надеюсь, что вы сможете указать мне звезды, которые имеют больше всего шансов быть обитаемыми.

— И что еще? — Сильвия забарабанила кончиками ногтей по столу. — Ты надеешься поймать хит-парад созвездия Геркулеса?

— Вполне возможно. Но вообще-то я рассчитываю перехватить телесигнал.

— А сколько требуется, чтобы его расшифровать?

— Сколько? — Блейлок уставился на Сильвию непонимающим взглядом. — А сколько нужно твоему телевизору, чтобы принять ВВС? Распознав телепередачу, мой прибор считает ее содержимое, и выдаст на экран то, что когда-то отправилось с исходного телепередатчика.

— Когда-то? — Сильвия перестала барабанить по столу. — Разве не принято считать, что информация распространяется мгновенно?

— Это именно то, что я и пытался вам сказать. Ничто во вселенной не движется быстрее света. И сигналу, который мы получим с расстояния в тысячу световых лет, будет ровно тысяча световых лет.

Из доклада Патрика Олдберна на собрании общества «Друзья SERENDIP»:

Впервые услышать вневременной разум попытались в шестидесятых годах американские радиоастрономы, участвующие в проекте Озма под руководством Френсиса Дрейка. Они направили радиотелескоп диаметром двадцать шесть метров на звезды Тау Кита и Эпсилон Эридана, предполагая наличие у них планет, подобных Земле. Дрейк и его коллеги рассчитывали принять сигнал от технически развитой цивилизации, которая могла существовать там. Однако никаких сообщений они не получили.

Первое послание в космос было отправлено 19 ноября 1962 года из Центра космической связи в СССР. Ничего удивительного, что звучало оно так: «Мир, Ленин, СССР».

В следующий раз человеческая цивилизация проявила гораздо более прагматичный подход к контакту с иным разумом. В 1974 году к звездам ушло новое послание. Оно содержало 1679 бит информации, переданных с помощью импульсов двух частот в диапазоне 2380 мегагерц. На одной из частот импульс мог изображаться нулем, на другой единицей. Таким образом, в район созвездия Геркулеса ушло сообщение, состоящее из 1679 двоичных знаков, символизирующих произведение двух простых чисел 23 и 73. Братья по разуму, очевидно, должны были догадаться, что это неспроста. Для расшифровки сообщения им полагалось применить «телевизионную» развертку изображения 73 на 23 элемента. Проявив некоторую фантазию, адресаты узрели бы примерно следующее.

В первом ряду картинке двоичным кодом изображались числа натурального ряда от одного до десяти. Второй ряд включал их метки. Третий ряд содержал числа 1, 6, 7, 8, 15, символизирующие атомные номера водорода, углерода, азота, кислорода и фосфора. Далее шло двенадцать групп по пять элементов — обозначение молекул,

важных для жизни, и состоящих из указанных выше элементов. Ниже изображалась двойная спираль ДНК. Еще ниже — фигура человека. Двойная спираль, соединенная с изображением человека, отражала связь ДНК с авторами послания. Справа от фигуры человека находилось число 14, указывающее примерный рост человека. За единицу измерения бралась длина волны радиоизлучения, несущего послание. Слева от фигуры человека стояло число, отражающее численность населения Земли в 1974 году. В десятом ряду изобразили схему Солнечной системы с выделенной из общего ряда третьей от Солнца планетой. По тому, что она находилась рядом с фигуркой человека, несложно было догадаться, что на ней обитают разумные существа, отправившие послание. Наконец, в самом низу оказалась изображена схема радиотелескопа Аресибо, с которого было отправлено послание, и указан его диаметр — триста шесть метров.

Прибор Блейлока решили включить ночью, когда проходило тестирование программного обеспечения обсерватории. Блейлок божился, что, кроме самого телескопа, его аппарату ничего не понадобится. Добровольными свидетелями его звездного часа, кроме Далли, согласились быть Сильвия и сам Олдберн.

— Значит так, — Далли разложил на столе кальку, исчерченную сотнями линий. — Сегодня мы можем успеть охватить этот сектор. Практически все шаровое скопление. Здесь я обозначил наиболее перспективные области, полученные при проведении SERENDIP. В общей сложности около четырехсот звезд. Если точечные проверки не дадут результата, еще останется пара часов на сканирование по участкам.

Далли сделал паузу и выразительно посмотрел на Блейлока.

— Если и это ничего не даст, ты будешь должен нам ОЧЕНЬ много кофе.

— И, кстати, не стоит расстраиваться, Август, — добавил Олдберн. — У нас масса вакансий среди обслуживающего персонала. Нам позарез необходимы уборщики. Представляете, сколько у вас окажется свободного времени? Как раз успеете подать официальную заявку в общественный комитет на проведение повторных испытаний вашей чудо-машины...

— Спасибо, вы умеете поддержать человека в трудную минуту, — огрызнулся Блейлок, возившийся со жгутами проводов, вьющихся вокруг серой стальной коробки, скрывавшей его изобретение.

— Я серьезно, — Олдберн явно был в хорошем настроении. — По крайней мере, я могу обещать вам походатайствовать перед комитетом.

Блейлок фыркнул и вернулся к распутыванию проводов.

Далли обвел красным маркером еще несколько интересных, на его взгляд, звезд, и, удовлетворенный результатом, плюхнулся в кресло.

Им с Сильвией на удивление легко удалось протащить идею Блейлока. Олдберн, краем уха где-то слышавший о его теории, согласился практически сразу. Совершенно к месту оказалось, что со дня на день компьютерщики будут проверять все электронные системы

обсерватории и, соответственно, работа на это время встанет. Так как Блейлок клятвенно заверил Олдберна, что его прибору, кроме электрической розетки и подключения к телескопу, ничего больше не понадобится, тот немедленно связался с технической группой и договорился провести тестирование.

Блейлок, наконец, привел в порядок все провода. Часть он подтянул к системному блоку, с которого управляли моторами верхних платформ, и принялся изучать имеющиеся на нем разъемы. Прикинув, что к чему, Блейлок повтыкал все штекеры в произвольном, на взгляд Далли, порядке и вернулся к сваленным посреди зала вещам. Из общей кучи Блейлок извлек ноутбук, который подключил к своим приборам.

Олдберн и Сильвия наблюдали за манипуляциями Блейлока с нескрываемым интересом.

— Профессор Олдберн, здесь мы закончили, — около них остановился парень из техотдела с ноутбуком под мышкой. — Программное обеспечение поисковых систем и управление телескопом загружены.

Сильвия взяла кальки Далли, подошла к компьютеру и защелкала клавишами.

— У меня тоже все готово, — сообщила она. — Ну, Август, теперь попробуй нас удивить.

Блейлок, не говоря ни слова, водрузил ноутбук на ближайший стол и включил его. Пока тот загружался, он поискал взглядом ближайшее свободное кресло. Недостатка в них этой ночью в лаборатории не испытывалось — Олдберн почти всех отправил в город на какой-то местный праздник. Прикатив понравившееся ему кресло, Блейлок уселся на него и принялся колдовать над клавиатурой.

На экране ноутбука обои со снимком Млечного пути сменились окошком, заполненным белым шумом. Под ним располагалась шкала с шустро ползущим слева направо бегунком.

Глядя на экран, Далли никак не мог отделаться от мысли, что Блейлок настраивает обычный телевизор. Ему сейчас очень пошла бы синяя роба и кепка какой-нибудь из компаний кабельного ТВ.

— А канал для взрослых у тебя ловится? — не удержался он от шпильки.

Блейлок уставился на Далли непонимающим взглядом. Похоже, он уже был далеко отсюда. Далли развел руками — мол, проехали.

— Ну, если все готово, то я начну, пожалуй, — Сильвия щелкнула мышкой.

Рев моторов над головами возвестил, что двигатели откорректировали положение облучателя в направлении первого отмеченного Далли участка.

Заразившись состоянием Блейлока, все напряженно уставились на экран ноутбука, но... Бегунок проделал с сотню циклов, в углу экрана стремительно менялись цифры, но белый шум так и остался белым шумом.

— Дальше, — вздохнул Блейлок.

Сильвия запустила обследование новой области.

Интереса к работе ноутбука хватило на первый десяток заходов. На каждый из них уходило от трех до десяти минут. Через пару часов стало ясно, что выделенные Далли звезды последние двадцать-тридцать тысяч лет не были обитаемы. Или прибор Блейлока не работал.

— Ну, все, — Сильвия встала, рывком отправив кресло на другой конец зала. — Я уже носом клюю. Кто-нибудь хочет кофе?

Олдберн, углубившийся в изучение стопки распечаток, кивнул. Подумав, Далли сказал:

— Мне тоже, пожалуйста. Если можно — со сливками.

И зевнул так, что едва не вывихнул челюсть.

Блейлок, похоже, даже не слышал слов Сильвии. Вцепившись в подлокотники, он неотрывно всматривался в серый экран, периодически что-то переключая.

— Август, я запустила поэтапное сканирование небосвода, — Сильвия потрясла его за плечо. — Отвлекись на секунду.

Блейлок повернул к ней бледное лицо.

Сильвия вздохнула.

— Кофе будешь? — спросила она.

— А? Что? Да, конечно, если не сложно.

Блейлок потер переносицу и встал, вернувшись в реальный мир.

— Извините, — сообщил он. — Ужас как переживаю.

Олдберн, не отрываясь от чтения распечаток, махнул рукой — ерунда какая, валяй дальше.

Блейлок подкатил свое кресло к Далли, поставив его так, чтобы видеть экран. Опустившись в него, он откинулся на спинку, забросив руки за голову.

— Ты как?

— Ничего, — пожал плечами Далли. — Не боишься остаться здесь уборщиком?

— Как тебе сказать. Если я все это время ошибался и мы до утра так и будем пялиться на белый шум... Да какая тогда разница? Хоть уборщиком, хоть продавцом бананов.

— Здесь бананы не растут, — машинально поправил Блейлока Далли. — Зато делают отличный ром.

— Что, правда, что ли? Впрочем, какая разница. Но, знаешь, я предпочитаю думать, что не ошибся.

— А если не ошибся, что дальше?

— Это будет настоящая сенсация, а не просто «пара старперов из НАСА нашли в куске космического дерьма, прилетевшего к нам три миллиона лет назад и проломившего банку последнему динозавру, окаменевшие следы кишечной палочки», — Блейлок удачно передразнил интонации закадровых голосов с «Дискавери». — Мы, знаешь ли, сильно прославимся.

Как-никак первая достоверная информация о внеземном разуме. В цветном изображении, со звуком.

Блейлок на секунду замолчал.

— А, кроме того, у меня есть еще одна идея. Мне ее один мой знакомый продюсер подсказал. Если сможем ее осуществить... Знаешь, Джеймс, я последние несколько баксов вложил в бензин, чтобы сюда доехать. И мне надоело считать каждый цент. А именно этим я и занимался с тех пор, как меня выперли из Калтека...

В голосе Блейлока появились агрессивные тона.

— Да и там, честно говоря, было не лучше. Сделай то, сделай это, повиляй хвостиком перед большим дядей из Конгресса, чтобы в бюджете на следующий год не оказаться в следующей строке после ремонта сортира...

Блейлок не договорил. Экран ноутбука мигнул. Угловым зрением Далли уловил, что шум с экрана на мгновение исчез, а затем вернулся. Экран мигнул еще несколько раз. Блейлок, толчком отправив кресло и себя к столу, по его достижении отчаянно замолотил пальцами по клавиатуре ноутбука.

В ответ на это экран мигнул еще пару раз и стал мутно-серым. Затем через муть начали проступать неясные очертания.

Далли, забыв о приличиях, толкнул локтем Олдберна, выронившего от неожиданности распечатку. Вспорхнув, белые листы густо покрытые сетками символов, закружились вокруг них. Олдберн, взглянув на экран, тут же позабыл про бумаги, вскочил и склонился над ним через плечо Блейлока.

На экране проступили светлые и темные пятна.

— И отделил Дух Божий свет от тьмы, — пробормотал он.

Постепенно стало ясно, что темные пятна активно двигаются по экрану. Поколовав во всплывающих меню, Блейлок добился того, что темные пятна начали стремительно обретать четкость.

Спустя пару минут стало ясно, что темные пятна очень сильно смахивают на каких-то топких существ с огромными головами, активно жестикулирующих верхними конечностями. Серое месиво вокруг фигур тоже приобрело некоторую четкость и стало походить на пологие холмы. Становиться цветным изображение, похоже, не собиралось.

В лаборатории повисла мертвая тишина.

Все трое следили за метаморфозами на экране, боясь лишний раз вдохнуть.

Программа Блейлока уверенно делала свое дело — изображение все больше прояснялось. Стало очевидно, что это черно-белый фильм. Его героями были некие существа, точно имеющие две руки и две ноги. То, что сначала они приняли за огромные головы, оказалось широкополыми шляпами.

Блейлок вдруг вытянул шею, едва не уткнувшись в экран носом, и, издав сдавленный горловой звук, схватился за голову.

— Что такое... — начал было Далли, но тут изображение, наконец, обрело окончательную четкость.

— Поздравляю, мистер Блейлок, — раздался насмешливый голос Олдберна. — Все, чего нам здесь не хватало, так это возможности на халяву смотреть ТСМ. Персонал, безусловно, оценит ваше достижение.

Он встал.

На экране ноутбука разворачивался классический вестерн. Мрачные типы в широкополых шляпах и пончо посреди скал махали здоровенными ружьями и беззвучно разевали рты. Их оппоненты, одетые чуть более скромно, демонстрировали ответную приязнь, паля из револьверов.

Далли выпустил воздух из легких и обмяк.

— Эй, вы чего тут? — донесся сзади голос Сильвии. — Уже никто не спит?

— У нас только что появился новый уборщик помещений, — по голосу Олдберна сложно было понять, шутит он или говорит серьезно. — И возможность бесплатно смотреть старые вестерны. Сильвия, тебе нравятся фильмы с Джоном Уэйном? А те...

Однако что-то в выражении лица Сильвии заставило его прервать тираду.

— Вестерны, говоришь? — Сильвия, не глядя, поставила поднос на ближайший стол и наклонилась к ноутбуку Блейлока.

Раздался грохот. Поднос оказался удачно пристроен на стопку бумаги, которая не преминула накрениться и отправить кружки в полет к полу.

— Э-э, Сильвия, — Олдберн осторожно коснулся ее плеча. — Что с тобой? Неужели старые фильмы на тебя так действуют?

Сильвия с трудом оторвала взгляд от экрана и перевела его на растерявшегося Олдберна.

— Патрик, — Сильвия нервным жестом поправила очки. — Я что-то не припомню, чтобы в декорациях Дикого Запада на небо было принято вешать две луны, а?

Прежде чем колонки ноутбука издали квакающие звуки чужого языка, Далли успел услышать, как Блейлок пробормотал:

— И все-таки она вертится!

Из доклада Патрика Олдберна на собрании общества «Друзья SERENDIP»:

Исследования по программе SETI были начаты в конце шестидесятых годов. За время наблюдений мы обнаружили несколько интересных источников сигналов, но, к сожалению, большинство из них оказалось космическими водородными облаками, излучающими в очень узкой полосе частот. В августе 1977 года радиотелескопом Большое Ухо в Огайо был зарегистрирован особенно интересный сигнал, который назвали «Вау!». Так звучала запись профессора Эмана, оставленная им на ленте самописца, зарегистрировавшего сигнал. Это был очень мощный сигнал, во много раз превышающий уровень

шума, наблюдавшийся только в нескольких спектральных каналах. Мы предполагаем, что его характеристики явно указывают на внеземное происхождение сигнала. Однако сигнал наблюдался очень короткое время, а затем исчез и больше не появлялся. Имел ли он искусственное происхождение или нет, до сих пор остается предметом споров.

Конечно, кроме «Вау!», за время исследований небесной сферы Земли в ходе различных программ, была получена информация более чем о сотне звезд, в излучении которых просматриваются «подозрительные» сигналы. Но, увы, до сих пор мы можем лишь строить догадки о том, какие из них действительно имеют обитаемые планеты.

Олдберн нервно постукивал ручкой по столу, разглядывая сидящего напротив человека. Во внешности его собеседника не было абсолютно ничего примечательного. Среднего роста, довольно упитанный лысеющий клерк. Блестящая макушка прикрыта жидкой прядью слипшихся от пота волос. В кабинете Олдберна кондиционер сломался еще с утра, и сам он сидел в шортах и майке без рукавов. Но даже это не спасало его от царившей в Аресибо жары. Похоже, солнце решило взять реванш за все прошедшие относительно прохладные дни и палило нещадно.

Собеседник Олдберна, носивший имя Иеремия Смит, от жары страдал гораздо больше, чем кто-либо из присутствующих в кабинете, так как оставался облаченным в черный деловой костюм. Будучи владельцем одного из самых больших в мире медиа-холдингов и просто миллиардером, он мог позволить себе поддерживать имидж. Олдберн, после пяти лет проживания в Южной Америке, находил это просто глупым.

— Послушайте, Олдберн, — постукивание ручкой нервировало Смита. — Мне кажется, вы не вполне понимаете ситуацию.

— Да ну? — Олдберн саркастически ухмыльнулся.

— Я считаю, что мы находимся в равных условиях. Я повторю вам свое предложение на тот случай, если вы чего-то не поняли.

Итак, наш общий друг, мистер Блейлок, весьма убедительно доказал, что владеет технологией, позволяющей принимать телепередачи... э-э, скажем так, из космического пространства. И он эксклюзивный владелец этой технологии. Однако его прибор не может работать без вашего телескопа...

— Еще раз повторяю, он не мой, — Олдберн отложил ручку в сторону. — Здесь всем распоряжаются люди из Корнелла.

— Эти ваши люди из Корнелла ничего не знают о приборе Блейлока, — вздохнул Смит.

Он явно привык иметь дело с прожженными акулами бизнеса, а не упертыми учеными-астрофизиками.

— Даже если вы настаиваете, что не распоряжаетесь здесь ничем, — продолжил Смит. — У вас, в отличие от меня, мистера Блейлока, мистера Далли и даже прекрасной мисс Белл, есть возможность повлиять на решение упомянутых вами людей. Все, что вам нужно — это убедить их заключить со мной контракт на использование телескопа. Которое, хочу

заметить, не отвлечет его ресурсы от проводимых исследований, да еще и будет оплачено. При одном условии — они понятия не имеют, что за работу будет делать прибор мистера Блейлока.

После этого в игру вступаю я. Олдберн, вы понимаете, что поймали за хвост птицу удачи? Вот мистер Блейлок это понимает, иначе он бы меня сюда не позвал. Я это тоже понимаю, потому что иначе бы не приехал. Вы знаете, какова прибыльность телевидения в наше время? Мне принадлежит три национальных телесети, с полсотни кабельных каналов, десяток радиостанций и даже одна звукозаписывающая компания. Как вы может заметить, владея ими, я отнюдь не бедствую, и это при том, что половину того, что они транслируют, изготавливается ими самими. А также они несут определенные убытки. Теперь посмотрите на прибор мистера Блейлока. Это источник АБСОЛЮТНО бесплатных телепрограмм и фильмов, которые мы можем продать по всей Земле, заплатив только арендную плату Корнеллскому университету и налог с прибыли. Вы же не думаете, что жители этого, как его, Магелланова облака...

— Шарового скопления М-13, — подсказал Далли.

— Да хоть райских куц, — отмахнулся Смит, — предъявят вам иск за нарушение авторских прав? Если я правильно понял мистера Далли, у них уйдет на это примерно двадцать пять тысяч лет при самом идеальном раскладе. Так? Современного потребителя масс-медиа очень сложно удивить и завлечь чем-нибудь. Впрочем, вам всем эти сложности вряд ли знакомы. Но вы уж поверьте мне, что это так. А мы можем предложить ему не просто телевидение — инопланетное телевидение! Когда я прикидываю перспективы проекта подобного масштаба, то начинаю серьезно опасаться того, что мне придется закрыть часть своих телеканалов. Они могут стать просто нерентабельными!

Смит остановился, чтобы перевести дух.

— Да, но как же быть с научным сообществом? — спросил Олдберн. — Вы предлагаете скрыть от него величайшее открытие века!

Смит в притворном ужасе закатил глаза, а затем обратил свой взор на Блейлока. Ты был прав, они что малые дети, говорил этот взгляд.

— Олдберн, — пустился в разъяснения Блейлок. — Подумайте хоть немного той частью своего мозга, которая не отвечает за расчет излучения Альфа Центавры. Включите ту ее часть, что отвечает за обычный житейский прагматизм. Представьте на минуту, что мы поступим так, как предлагаете вы. То есть отправим в Корнелл отчет о том, что мы нашли способ принимать телесигналы с других планет. Как только там разберутся, что к чему, они начнут диктовать свои условия. Спросите Смита, и он назовет вам с десяток своих конкурентов, которые мыслят так же, как он и я. Но предложения от них поступит не вам, а в Корнеллский университет. А вам достанется дырка от бублика. Не факт даже, что вам удастся остаться на своей должности. Сами понимаете, что с моим прибором Аресибо превратится

в очень жирный кусок пирога. Но пока что я и Смит обращаемся к вам, так как в настоящий момент это самый выгодный вариант.

— Кроме того, у меня хорошие связи с русскими, — подлил масла в огонь Смит. — Учитывая, в каком состоянии сейчас находится их наука, они с радостью примут нас...

— Так что же вы сразу к ним не поехали? — огрызнулся Олдберн, чувствуя, что его припирают к стенке.

— Не люблю коммунистов, — нехотя сознался Смит.

— Их там уже давно нет, — фыркнул Олдберн.

— Ага, конечно. Вы что думаете, что вся их нынешняя верхушка поголовно прибыла из Лэнгли? Да они все выходцы из этой чертовой коммунистической партии...

— Ну все, хватит, — прервал Смита Блейлок. — Свои антисоветские взгляды будете пропагандировать по кабельному, Смит. И вам, Олдберн, хватит ломаться. Вы ведь все прекрасно понимаете, так чего ждете? Чтобы я собрал свой ящик и валал к русским?

Олдберн отложил ручку.

— Ладно. Меня волнует два момента. Первый — почему мы так долго должны держать открытие в тайне?

— О, вы тщеславны? — удивился Смит.

— Да! — отрезал Олдберн.

— Хорошо! Просто замечательно! Это существенно облегчит наше дальнейшее сотрудничество. Итак, объясняю. Если вы сейчас включите любой из каналов этого космического ТВ, что вы сможете понять?

— Ничего. Мы не знаем их языка... Языков. Верно, Джеймс?

— Точно. Сейчас мы можем принимать около полутора десятка каналов. Телевидение там находится на уровне шестидесятых годов Земли. Так что пик еще впереди.

— Чтобы пустить ЭТО в эфир, для начала надо изучить язык инопланетян и создать команду профессиональных переводчиков с... У них есть какое-нибудь название?

— Откуда? — пожал плечами Олдберн. — В скоплении столько звезд, что мы присваиваем им только номера.

— Плохо. Ни к черту не годится. Надо будет срочно придумать название.

Смит несколько раз чиркнул ручкой в блокноте перед собой и продолжил:

— Начать вести запись мы можем уже сегодня. А для обработки материала у меня имеется подходящий остров около Антарктиды. Оттуда невозможно сбежать...

— С ума сойти, Смит, вы там ГУЛАГ, что ли, устроить собрались? — рассмеялся Олдберн.

— Я не хочу, чтобы информация просочилась раньше времени, — отрезал Смит. — И ничего смешного в этом нет. Это бизнес, а не холодная война. В бизнесе, знаете ли, все серьезно.

— Хорошо, вот выдрессировали вы толпу переводчиков... Кстати, сколько на это уйдет времени?

— Год или два, не могу сказать точно. Надо советоваться с лингвистами.

— Год или два! Святой Боже! Ну, а потом что?

— Вещательные мощности у меня есть. За то время, пока будут изучать их язык, я прикупаю еще пару телекомпаний. Думаю, начнем мы с пары каналов, по которым пустим уже переведенные записи. Конечно, этому будет предшествовать бурная рекламная компания, главными героями которой станете вы и Блейлок.

— Этот день станет последним днем моей работы в Аресибо, — мрачно констатировал Олдберн.

— И вы по этому поводу переживаете?

— Смит, я, знаете ли, ученый, а не бизнесмен. И на ЭТОМ хотел бы не только деньги делать.

— Так в чем проблема? Как только мы раскрутимся, то сами построите себе телескоп. Да еще такой, что Аресибо будет рядом с ним как чайное блюдце.

— А как же я и Сильвия? — спросил Далли.

— Да уж и про вас не забудем, — усмехнулся Смит. — Все мы, здесь присутствующие, связаны тайной ящика мистера Блейлока. И плыть нам всем в одной лодке. Так что, я думаю, мы найдем способ укрепить желание хранить происходящее в тайне у вас и мисс Белл.

Но я говорил о нашем маленьком бизнес-плане. Так вот, я собираюсь пустить часть каналов, наиболее интересных, в прямой эфир с синхронным переводом. Из всего оставшегося сформируем несколько каналов, на которых все будет идти в записи. Кроме того, неплохую прибыль принесет продажа кассет, дисков, курсов их языка... Возможно для тех, кто возьмется изучать их язык, мы выделим пару каналов без перевода. Что-нибудь вроде «Дискавери». Кстати, Олдберн, ваши коллеги будут этому очень рады.

— О да, несомненно, — голос Олдберна был полон едкого сарказма.

— А еще реклама... Земная. Я думаю, нам ни к чему реклама шоколадных батончиков двадцатипятилетия давности. Если только ради развлечения. Мы продадим рекламное время нашим, земным, корпорациям.

— Да, вы умеете выжать идею до последней капли, — кисло заметил Далли, у которого от обилия проектов Смита уже стоял звон в ушах.

— Ага, точно, — поддакнула Сильвия. — Вы еще забыли про майки, ручки и сувениры.

— Между прочим, мисс Белл, — парировал Смит. — Ручки и сувениры тоже приносят прибыль. А прибыль — это моя работа, и я пока что делаю ее хорошо. Но если вам что-то не нравится — не участвуйте в проекте. Я готов прямо сейчас выписать чек за ваше молчание. Какая сумма примирит вас с моими амбициями?

— Нет, спасибо, — Сильвия выдавила из себя улыбку. — Я, пожалуй, останусь пока в вашей масонской ложе.

— Вот и замечательно, — Смит удовлетворенно откинулся на спинку кресла. — Ну, Олдберн, вы полностью удовлетворены моим ответом?

Тот кивнул.

— Тогда я готов выслушать, что у вас там «во-вторых».

— Меня не устраивает ваше предложение, — бесстрастным голосом выдал Олдберн.

— Что-о?! — Смит едва не выпал из кресла при этих словах. — Что это вас в нем не устраивает?

Он придвинулся вплотную к столу и вытянул шею к Олдберну.

— Может быть, я слишком радикально выразился, — Олдберн явно наслаждался произведенным эффектом. — На самом деле меня не устраивает один ма-аленький, но существенный аспект.

— Это какой же? — изумился Смит. — Учтите, что ради денег я готов даже перешагнуть через свою ненависть к коммунистам.

— Хм, Блейлок, я думаю, вы тоже меня поддержите.

— В чем? — спросил Блейлок.

— Видите ли, бизнес-план мистера Смита, безусловно, хорош. У него есть опыт в таких делах. Но вам не кажется, что нам в нем отводится роль свадебных генералов?

— А что вас не устраивает? — удивился Смит. — Кроме Блейлока и меня, из вас в проект никто особо не вложился.

— Если я все правильно понял, то всем в проекте будут заниматься принадлежащие вам компании?

— Естественно. А у вас есть своя телесеть?

— Блейлок, обратите внимание, что это будет означать, что все, что попадет в лапы Смигу, будет принадлежать ему.

— Ну и что? Мой прибор... — начал было Блейлок.

— Ваш прибор — это коробка радиодеталей без денег Смита, — оборвал его Олдберн. — И, готов поспорить, что через пару месяцев работы с ним у Смита будет точно такой же прибор. Который он найдет способ эксплуатировать и без вас.

— Ха, очень остроумно, — кислая рожа Смита никак не соответствовала его попыткам придать голосу насмешливый тон. — Олдберн, вы уверены, что не совершили большой ошибки, пойдя в астрофизики?

Блейлок, Далли и Сильвия уставились на Олдберна с открытыми ртами.

— Так, ладно, — вздохнул Смит. — Ваши предложения?

— Вы создаете компанию, которая будет обладать эксклюзивными правами на содержание передач, полученных через прибор Блейлока. Переписываете ее на нас четверых, как акционеров. И именно мы будем продавать вам телепрограммы...

— Да вы... Да вы... — Смит потерял дар речи от наглости Олдберна и какое-то время не мог совладать с собственным языком. — Да вы просто...

Он выдохнул:

— Олдберн, Скрудж часом не одним из ваших предков был?

— Скрудж — вымышленный литературный персонаж, — ответил Олдберн. — И не рассчитывайте на то, что скоро Рождество.

— Значит, у него был реальный прототип. Вы соображаете, что предлагаете? Купить вам компанию, а потом еще и платить за то, что она производит?

— Мы можем договориться о процентах с прибыли, — пожал плечами Олдберн. — Учтите, что отсюда меня точно выпрут.

— Черт с вами, я согласен. Не каждому удается ободрать Иеремию Смита как липку. Вы настоящий живодер, Олдберн.

— Не стоит прибедняться, Смит. Я только развил вашу идею. На днях я припшлю к вам юриста уладить формальности.

— У вас и юрист свой есть?

— Конечно. Вряд ли я могу доверять вам.

— О, ну конечно, — Смит повернулся к остолбеневшим Блейлоку, Далли и Сильвии. — У вас за последние полчаса не завелись живодерские привычки? Ну, выкладывайте, не стесняйтесь.

— Да нет, нас все устраивает, — выдал из себя Блейлок.

Далли кивнул. Перспектива постройки собственного телескопа поразила его не меньше возможности смотреть инопланетный «Дискавери» без перевода.

Запись в дневнике Джеймса Далли:

Удивительно, но оказывается, что мы, до того как заработал черный ящик Блейлока, даже не задумывались о том, что может принести знание о существовании во Вселенной других разумных существ. Как правило, это было привилегией писателей-фантастов. Конечно, я не могу сказать, что в передачах герков нам явилось что-то такое, что им и не снилось... Кстати, сперва «герки» были рабочим названием инопланетян, образованном от созвездия Геркулеса, а теперь оно приклеилось намертво. Хотя, понятное дело, в переводе на английский, они сами называют себя «землянами». Но, безусловно, наблюдая развитие иной цивилизации мы можем узнать многое о собственной. Кроме того, осмысливая слова Блейлока, сказанные им по приезду в Аресибо, я понимаю, что проблемы герков на экране телевизора лучший способ заставить землян понять самих себя. И, конечно, безумно интересно было бы встретить наследников тех герков, что мы видим сейчас на экране. Их цивилизация уже старше земной на двадцать пять тысяч лет. Полагаю, мы бы могли узнать, что ждет и нас.

— Ох, да хватит уже охаживать меня этой чертовой щеткой! — взвыл Олдберн, отмахиваясь от назойливого гримера. — Джерри Спрингер из меня все равно не получится.

Девушка пропустила его слова мимо ушей и продолжала методично орудовать присыпанной пудрой кистью.

Олдберн обернулся в поисках поддержки, но сидящий справа от него Блейлок сам нервно перебирал пальцами, уставившись в крышку стола, и хрустел леденцами без сахара. Уже за неделю до первого эфира с ним стало невозможно разговаривать — он превратился в законченного истерика. Со стороны камер Олдберна слепили десятки софитов, за которыми метался Иеремия Смит, уверявший, что спокоен, как удав. Однако из кармана его пиджака вместо платка торчала обертка новомодного успокоительного.

По левую руку от Олдберна прихорашивалась Николь Эпплгейт, ослепительная крашеная блондинка, ведущая вечернего ток-шоу на ИВС, одном из самых популярных каналов Смита. Искать поддержки у Эпплгейт Олдберн не стал, даже будь она последним человеком на Земле. Пообщавшись с ней пару дней назад, он пришел к выводу, что девушка — странное существо, сродни роботу. Во время эфира сыпавшая остроумными репликами и каверзными вопросами, за пределами студии она не могла связать между собой двух слов и пялилась на Олдберна кукольными глазами. Давясь от смеха, Смит объяснил Олдберну, что Николь просто зазубривает заранее написанные ее сценаристом реплики. Он же суфлирует ей в прямом эфире, если возникает непредвиденная ситуация. При этом Смит вручил Олдберну увесистый том со сценарием того самого шоу, на котором они собирались объявить об открытии Alien Vision TV (название, естественно, придумал Смит). Сценарий был расписан по секундам и не допускал ни единого самостоятельного высказывания Олдберна и Блейлока. Впрочем, учитывая, как прошли последние пять лет, это было даже похоже на свободу слова.

Пять лет назад, строя планы в кабинете Олдберна, Смит оказался прав во всем, кроме одного. Полсотни нанятых им лингвистов оказались заперты на пресловутом антарктическом острове на гораздо больший срок, нежели год или два. Руководству Корнельского университета Олдберн навешал какой-то лапши, Смит заплатил им приличные деньги за то, чтобы приемник телескопа никогда не уходил из зоны телесигнала, и загадочный ящик Блейлока оставили в покое. Правда, напуганный словами Олдберна, тот опутал его немислимой системой сигнализации, и первые полгода только что не спал на нем.

К чести Смита надо было сказать, что он, как и обещал, создал компанию Little Green Communication (юмор у Смита был специфическим), которой принадлежали права на все передачи из ящика Блейлока, и ни разу не пытался заполучить его содержимое. Единственный случай, когда во всей обсерватории внезапно выключили свет, он требовал в расчет не брать и отрицал всякую к нему причастность. Тем более что Блейлок предусмотрел резервный источник питания сигнализации.

Смит взял в аренду небольшой участок земли около обсерватории и протянул туда кабели от приемника Блейлока. Туда же переселили и его самого. Полученные записи вывозились под вооруженным конвоем в аэропорт, а оттуда самолетом Смита доставлялись в Антарктиду, где их принимали возбужденные лингвисты. Далли, побывавший на острове раз десять, убедился, что Олдберн в своих шутках насчет ГУЛАГа недалеко ушел от истины.

Побережье острова обнесли забором из колючей проволоки под напряжением и вышками с вооруженной охраной. С воздуха комплекс казался вылезшим из-под земли противоракетным бункером. Весь персонал носил электронные браслеты, по которым в любой момент можно было узнать, где находится тот или иной человек. Смит как-то пожаловался Далли, что сначала он хотел сделать ошейники, которые труднее снять, но вынужден был отказаться от этой идеи. А уж чем ему удалось выманить из роскошных университетских кабинетов мировых светил по языковому анализу, Олдберн предпочитал не задумываться. Но в одном он был уверен точно — пока они не оказались за колючей проволокой острова Смита, ни один из них не догадывался о том, зачем он здесь на самом деле.

Сам Олдберн, Далли и Сильвия все это время старательно делали вид, что ничего не происходит. И с каждым годом им становилось все сложнее держать язык за зубами. Одно время Далли даже начали сниться кошмары о том, что к нему в квартиру врывается толпа агентов ФБР и арестовывает по обвинению в подрыве национальной безопасности. Сильвия Белл тоже созналась, что запретила себе пользоваться телефоном, оставив лишь электронную почту, боясь сболтнуть что-нибудь лишнее.

Сложнее всего пришлось самому Олдберну. Он не опасался проболтаться, но на него давила необходимость и дальше делать вид, что программа SETI все еще чего-то стоит. По вечерам он запирался в домике Блейлока и они вдвоем таращились в голубое окно, ведущее в чужой мир. Через пару лет они стали более-менее сносно изъясняться на одном из тамошних диалектов и начали засыпать Смита звонками с требованиями выпустить, наконец, канал в земной эфир. Но Смит оставался непреклонен. Пока специалисты острова не изучат досконально хотя бы один из диалектов и не сделают переводы основных фильмов и программ, которые займут эфир в первые месяцы, о рассекречивании AVTV и речи быть не может. Все, Олдберн, оставьте меня в покое, я подыскиваю подходящее местечко для постройки вашего нового радиотелескопа, обычно отвечал Смит и возвращался к переговорам о покупке очередного кабельного канала.

Впрочем, телевидение герков смотрели не только Блейлок и Олдберн. Далли и Сильвия часто присоединялись к ним, не говоря уж о том, что на острове Смита осела армия специалистов самого разного профиля, оценивавших и фильтровавших полученный материал.

Герк переживал период сексуальной революции, что не могло не сказаться на его масс-медиа. Революция эта происходила столь бурно, что знаменитая сексуальная революция шестидесятых на ее фоне казалась церковной просветительской программой. Это, казалось бы, незначительное, обстоятельство, заставило Смита завезти на остров сотню специалистов по компьютерной графике, которые денно и нощно трудились над приведением полученного изображения в удобный цензуре вид. Одновременно магнат радостно потирал руки, подсчитывая будущий доход на порнорынке.

Самое интересное заключалось в том, что герки мало чем отличались от людей Земли. Кроме биологического сходства, они обладали сходным мышлением и вкусами. Первый фильм, пойманный Блейлоком, действительно оказался тамошним вариантом вестерна, за которым последовали сотни других. От земных вестернов их отличали лишь местные, герковские, пейзажи да неземная речь. Пару лет спустя в эфир пошли сериалы и Олдберн начал серьезно сомневаться, что ЭТО всерьез может кого-нибудь заинтересовать. В конце концов, Бразилия и Мексика продают подобное барахло по всему миру, так что нового слова в жанре AVTV здесь не скажет. Смита же появление сериалов, наоборот, ввергло в состояние безудержной радости.

Но интереснее всего был просмотр новостей. Live action show с задержкой в двадцать пять тысяч лет.

Мир Герка состоял из одного крупного материка и нескольких тысяч рассеянных вокруг него островов. На них находилось около двух сотен относительно небольших государств. Систематизировав собранные сведения, исследователи пришли к выводу, что, за исключением ряда мелочей, планета — абсолютный двойник Земли. В том числе со всеми ее проблемами.

За пять лет приема телесигналов Герка, планета пережила три довольно крупные войны, из новостей о которых телевизионщики Смита смонтировали монументальный сериал.

Как и предполагал Блейлок, цивилизация Герка находилась на уровне развития шестидесятых годов Земли. Точнее, находилась на этом уровне двадцать пять тысяч лет назад. Но, в отличие от Земли, первые космические корабли герки запустили гораздо раньше, чем хотя бы стали догадываться о существовании ядерной реакции. Скорее всего, отсутствие ядерного оружия и сверхдержав, как сдерживающих факторов, и послужило причиной двух последних войн.

Когда стало ясно, что AVTV накопило достаточно материала для начала вещания, Смит развернул бурную рекламную кампанию. Не зная ее настоящей цели, на Смита работали лучшие профессионалы. За пару дней до того, как ИВС должна была объявить о начале вещания Alien Vision TV и показать часть собранных программ, весь мир, усилиями пиарщиков Смита, ожидал нечто, равное по масштабу второму пришествию Иисуса

Христа. Это не могло не коснуться членов телемасонской ложи, как окрестили себя Олдберн, Далли и Сильвия. Они начали потихоньку паковать вещи, так как были уверены, что в тот день, когда мир увидит первую передачу AVTV, их работа в Аресибо закончится.

Олдберн оттянул воротник рубашки, сдавливавший горло, и шумно втянул воздух. Далли и Сильвии было гораздо легче — они не участвовали в шоу. По крайней мере, в первом.

Он попытался вспомнить положенные по сценарию реплики, но в голове царил хаос. Ладно, экран с подсказками был расположен прямо напротив него, а, кроме того, в правом ухе гнезился крошечный наушник телесного цвета. Пока что из него доносилась успокаивающая музыка.

— Всем приготовиться! Пять минут до эфира! — раздался усиленный акустикой студии голос режиссера программы.

Софиты немного притушили и Олдберн смог разглядеть сидящих напротив него Сильвию и Далли, бледных как мел и вцепившихся друг другу в руки. У Далли даже хватило сил ободряюще улыбнуться и помахать Олдберну рукой.

Съемочная площадка опустела. Куда-то исчез назойливая гримерша, зато в левом ухе Олдберна проснулся требовательный голос суфлера, снабженного своей копией сценария.

— Мистер Олдберн, вы меня слышите?

Олдберн застыл, не зная, что ему сделать.

— Все хорошо, мистер Олдберн, — голос потеплел. — Просто кивните, если слышите.

Олдберн послушно кивнул.

— Замечательно, — продолжил суфлер. — Во время эфира не волнуйтесь, следите за подсказками на экране и моим голосом. Я уверен, что все пройдет отлично...

— Ты как? — шепотом спросил Олдберн у Блейлока.

Тот трагически закатил глаза.

— А я рад, что все, наконец, закончилось, — прошептал Олдберн.

— Нет, все только начинается, — ответил ему Блейлок.

Яркий свет.

— Пять, четыре, три, два, один... Пошла заставка, эфир! — проорал невидимый режиссер.

При этих словах Олдберн почувствовал одновременно жар, озноб, тошноту и нехватку кислорода, собрался было вскочить со стула, но Николь Эшплагейт уже затараторила:

— Добрый вечер, дорогие телезрители! Сегодня в этой студии, мы, наконец, можем снять завесу секретности с самого удивительного события в истории человечества. Я хочу представить вам доктора Блейлока и доктора Олдберна, людей, первыми соприкоснувшихся с внезапным разумом...

Если верить словам Смита, аудитория ИВС и транслировавших по ее лицензии передачу каналов, в тот момент составляла два с половиной миллиарда человек.

Запись из дневника Джеймса Далли:

Что касается животного мира Герка, то в нем не существовало никакой экзотики, вроде шестиногих млекопитающих или ходячих растений. Даже сами герки, как мы могли заметить, мало отличались от людей внешне. И это дало вторую жизнь порядком истоптанной скептиками эволюционной теории Дарвина. А внешнее сходство герков и людей, как выяснилось, послужило основной причиной успеха AVTV и LGS. Смит, обсуждая этот вопрос, согласился со мной, сообщив, что вряд ли экранные переживания гигантских зеленых слизней или шестируких крылатых уродцев нашли бы отклик у земных зрителей. Оказывается, прежде чем начать финансирование AVTV, он выложил кучу денег за соответствующее социологическое исследование.

К Рождеству Смит собрал телемасонскую ложу на первый годовой отчет в шикарном офисе на последнем этаже здания ИВС.

— Итак, господа, пора подводить итоги, — развалившийся в кресле Смит больше всего походил на обожравшегося сметаны кота. — Мои ребята подсчитали доходность AVTV и процент прибыли LGS. То есть ваш.

— А что, у нас еще и прибыль есть? — Олдберн, изучавший очередную разгромную статью в свой адрес в «Астрономер», в отличие от Смита пребывал в препаскуднейшем настроении. — Помнится, год назад вы нас пугали тем, что первую пару лет мы будем жить впроголодь.

— Христос с вами, Олдберн, — отмахнулся Смит. — Просто решил погугать — вдруг вы бы продали свои акции.

Олдберн закрыл «Астрономер» и отложил его на стопку других журналов, сваленных на стол.

— Олдберн, вы не с левой ноги часом встали? — поинтересовался Смит, обратив, наконец, внимание на то, что тот не в духе.

— Нет, встал он нормально, — хихикнула Сильвия. — Его, наконец, выперли из Корнелла. А теперь еще и каждое уважающее себя научное издание считает своим долгом написать про то, что мы предатели интересов науки. Обычно там его сравнивают с Иудой.

— Какие ужасы, — хмыкнул Смит. — Олдберн, хотите, чтобы весь этот ваш научный мир через неделю приполз к вам на коленях? Мне только стоит позвонить и дать указание прекратить рассылку свежих записей. Между прочим, те самые научные круги, которые сейчас поливают вас грязью, получают их бесплатно только по вашему настоянию.

— Спасибо, так обойдусь, — огрызнулся Олдберн.

— Ну, дело ваше, — пожал плечами Смит. — Вернемся к вопросу о прибыли. Я попрошу вас открыть папки.

Смит настоял на том, чтобы заседание провели поздно вечером, когда почти все разошлись по магазинам закупаться рождественскими подарками. В пустом VIP-зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь щелчками гирлянд на стоящих в углах искусственных елках.

— Ну и что это за хрень, Смит? — первым подал голос Далли. — Вы полагаете, что я что-то понимаю в этих таблицах? Скажите, вы это нарочно делаете, чтобы мы сбросились и на последние деньги наняли специалиста по финансам, который переведет все это на английский?

Лицо Смита расплылось в довольной улыбке. Неожиданно он вытащил из-под стола красный колпак и напялил его себе на голову.

— Сегодня, детки, я ваш Санта-Клаус! — объявил он.

— Смит, вы пьяны? — поинтересовался Олдберн. — Или спятили, потому что заложили свою компанию?

— Пока еще не пьян, — обиженно произнес Смит. — Хорошо, я пошутил. Открывайте сразу последнюю страницу. Она напечатана специально для вас четверых.

Далли перелистал страницы, покрытые графиками и схемами. Последним оказался вложен белый лист, разделенный пополам короткой строчкой цифр.

— И что это? — спросил Далли.

— Доход каждого из акционеров LGS. Если вас интересуют подробности доходов всего холдинга и то, откуда взялись эти суммы, придется все-таки разбирать годовой отчет. Или поверьте мне на слово.

— Так, если поделить сумму на четыре... — он наморщил лоб, производя подсчеты в уме.

— Далли, это доход КАЖДОГО акционера.

— ...и вычесть расходы на налоги... — продолжал по инерции Далли. — Что?! Каждого?!

— Да. И налоги я уже вычел. Эта сумма достанется каждому из вас лично.

Далли еще раз посмотрел на цифры. Строчка уже не казалась такой уж и короткой.

Выражение, застывшее на лицах четверых компаньонов, доставило Смигу истинное удовольствие.

— Ну, кто хочет выпить шампанского с Сантой? — Смит выудил из-под стола бутылку «Ruinart». — Только предупреждаю — я сам раньше его никогда не открывал.

Он окинул взглядом сидящих за столом.

— Ну, чего вы на меня уставились? Сегодня не первое апреля, так что я никого не разыгрываю. Деньги уже лежат на ваших счетах.

Первым пришел в себя Далли.

— Смит, у вас есть что-нибудь покрепче? — спросил он. — Мне нужно промочить горло, но не уверен, что эта газировка подойдет.

Цитата из Financial Times:

Впервые за историю существования рынка ценных бумаг мы видим такой небывалый взлет акций телекоммуникационных компаний. «Финансовое чудо» удалось совершить холдингу IBC Перемии Смита. Безусловно, основной причиной роста акций холдинга является прорыв на рынок телевидения самого необычного проекта за историю телевидения — сети каналов AVTV.

На следующий день Смит изволил-таки объяснить, откуда на акционеров LGS обрушился денежный водопад.

Во-первых, пояснил он, затраты на производство самой телепродукции равнялись нулю. Во-вторых, агрессивная реклама сделала свое дело. Число зрителей уже работающих каналов AVTV росло в геометрической прогрессии. На данном этапе, по словам Смита, необходимо было только грамотно поддерживать возникший интерес. В-третьих, на работающих каналах рекламное время было скуплено на три года вперед. Оно было раскуплено даже на тех каналах, которые Смит только планировал запустить.

— Вот подождите, — пообещал Смит. — Дорастут герки до телевидения высокого разрешения, и мы сможем делать деньги на кинопрокате!

Как выяснилось, все то время, которое Олдберн потратил на ругань со своими бывшими научными соратниками, медиа-империя Смита вовсю вкалывала на его кошелек. Таким образом, сам того не подозревая и не ударив палец о палец, он стал миллионером.

Пересчитав на досуге полученную сумму, обалдевший Олдберн поинтересовался, что, по мнению Смита, ему надо с ней делать.

— Да что хотите, — пожал плечами тот. — Не обижайтесь, Олдберн, но вы четверо — халявщики. Кроме, разве что, Блейлока. Ваша компания ничего не производит, а значит, не несет никаких расходов, кроме налогов. Я просто перечисляю вам процент от прибыли холдинга по итогам года. И за что? Только за то, что, оказавшись один раз в жизни в нужное время в нужном месте, вы стали совладельцами одного чертовски интересного черного ящика, который будет кормить вас до конца жизни. Так что благодарите Господа за тот день, когда Блейлок постучался в ворота Аресибо.

— Но если вам, Олдберн, совсем некуда девать деньги, — добавил Смит после некоторой паузы. — То начните строить себе собственный телескоп где-нибудь в Непале.

— А почему в Непале? — удивился Олдберн.

— Полагаю, там никогда не слышали про Корнелл и НАСА. Так что вы сможете спокойно изучать всякую дребедень вроде пульсаров, и никто не будет писать гнусные пасквили в ваш адрес. Но, сказать честно, Олдберн, не знаю, на кой черт вам теперь это может быть нужно?

Запись из черновиков Джеймса Далли:

Вообще-то сами герки придерживались мнения, что раньше на планете существовало несколько рас. Но много тысяч лет назад они сгинули в глобальной катастрофе, утопившей целый материк. Тема эта служила основой для бесчисленного количества книг, фильмов и псевдонаучных исследований. Существование утопившего материка никогда не было доказано.

Совет Смита оказался к месту.

Как только первая истерика в институтских кругах прошла, Олдберна стали звать к себе все подряд. Правда, как только выяснялось, что Блейлок и его удивительный черный ящик по-прежнему остаются в Аресибо, интерес к персоне Олдберна резко снижался. Уяснив это, он забросил вообще все попытки завязать новые контакты, а так как в Корнелле его точно не ждали, предался вынужденному отдыху.

Продлилось это недолго. Ровно до того момента, когда он решил набрать номер Далли, отдохавшего где-то в Альпах вместе с Сильвией Белл, и поинтересоваться его планами на будущее.

— Знаете, Олдберн, — ответил ему Далли. — Я никогда не думал, что отдыхать может быть так утомительно...

Через три минуты они уже пришли к выводу, что еще один радиотелескоп никому не помешает. Более того, позволит, наконец, заняться теми проектами, на которые раньше всегда зажимали деньги. Конечно, даже с их доходами глупо было бы замахиваться на гиганта, такого как в Аресибо, так что они договорились ограничиться небольшой тарелкой метров в шестьдесят.

Следующий звонок Олдберн выдал Блейлоку, который внимательно изучал котировки акций холдинга Смита. Блейлок сообщил, что по трезвому размышлению часть денег решил вложить в масс-медиа. Еще часть он потратил на то, чтобы организовать разгромную кампанию в прессе в адрес Калтека, а заодно учредил специальный грант за самое идиотское исследование. Его уже получил выгнанный оттуда автор проекта помещения всей Земли в защитную пирамиду, так что руководство Калтека было в бешенстве. Что делать с оставшимися после этого деньгами, он не знал.

— Блейлок, а как вы относитесь к идее построить еще один свой приемник? — поинтересовался Олдберн.

— Это было бы неплохо, — согласился Блейлок. — Только вот куда бы его пристроить?

— Вообще-то у меня была масса интересных предложений...

— Вы меня извините, Олдберн, но я в наших бывших коллегах сильно разочаровался. И я не столь незлопамятен как вы.

— Вот об этом и речь. Мы тут пообщались с Далли и Белл, и пришли к выводу, что вполне можем позволить себе строительство небольшого телескопа, вроде того, что используют в Парксе. Хотите присоединиться?

— Черт возьми, отличная мысль! Когда собираемся?

Они обговорили детали и распрощались вполне довольные друг другом.

После разговора у Олдберна впервые за многие месяцы поднялось настроение. Он подошел к бару и плеснул виски в бокал со льдом. После чего позволил себе удовольствие опрокинуть его, глядя как золотого цвета шар солнца опускается в воды Магнетик Айленд.

Пятизвездочный номер ему нравился все больше, и он уже было подумывал о том, чтобы забронировать его себе на весь год (ну чего мелочиться, если финансы позволяют?), как зазвонил телефон.

— Олдберн, — раздался в трубке жизнерадостный голос Смита. — У меня к вам чертовски выгодное предложение...

Олдберн вздохнул и налил себе еще виски. Или кто-то из них четверых слишком болтлив, или Смит прослушивал их телефоны.

Он устроился в шезлонге и приготовился слушать Смита. Уж если деньги сами плывут к нему в руки, с этим придется смириться.

Запись из черновиков Джеймса Далли:

С тех пор, как АУТВ начало вещание на всю планету, жизнь на Герке текла своим чередом. Иногда это было похоже на то, что происходит на Земле, иногда нет.

Специалисты единодушно сходятся в том, что герки чрезвычайно воинственны. Планета, фактически заселенная одной расой, говорящей на разных диалектах одного языка, с единой религией и качающимися, как маятник, отношением к сексу (за время приема сигнала по странам Герка успело прокатиться с десяток секс-революций, сменявшихся, как правило, зверскими пуританскими режимами), больше всего напоминала средневековую Японию эпохи княжеских междоусобиц XVI-XVII веков. Маленькая, территориально замкнутая страна в течение многих лет не знала ни одного спокойного года, когда практически не подчиняющиеся императорскому двору князья-дайме только и занимались тем, что лупили друг друга при дележе земель.

На Герке не было императора, а роль японских провинций исполняли целые государства.

— Вы уверены, что выбор Монголии в качестве площадки для Большого Уха-3 это удачная идея? — спросил Смит, припрыгивая на месте и пряча лицо от порывов ветра.

Осенний монгольский ветер мало отличался нравом от бешеных земляков — ханов Орды. Он, казалось, пронизывал все вокруг, забиваясь даже в самые незаметные щели домов обсерваторского поселка, ютившегося вокруг чаши радиотелескопа. Телескопу ветер был ни о чем, так как он опирался на десяток глубоко вбитых в землю решетчатых стальных стрел. Внутри получившегося кольца антенна легко ходила в любом направлении.

— Да ладно вам, Смит, — ухмыльнулся Олдберн, затягивая замок на горловине куртки. — Вы не видели, что здесь творилось летом, когда сюда заносило песчаные бури!

Не смотря на то, что на пути ветра стоял джип, за которым укрылись Смит и Олдберн, тот ухитрился продувать их обоих насквозь.

— И даже знать не желаю, — Смит совершил еще пару прыжков и остановился. — Все, пойдете в дом, я чувствую журналистов сожрали эти, как их... койоты.

— Здесь нет койотов.

— Ну и что? Значит, сожрал еще кто-нибудь. Или им надоело посещать каждый открытый вами телескоп. Вы их уже десять лет строите, а что толку? Кроме как в Аресибо, так ничего и не поймали.

Олдберн обиженно огрызнулся:

— А чего вы тогда каждый раз вкладываете в наши проекты деньги?

— Надеюсь, что рано или поздно что-нибудь поймаете.

— А если нет?

— И гениальные финансисты, бывает, ошибаются. Жаль будет потерянных денег. Впрочем, реклама все равно большую их часть отобьет.

— О Господи, вы только о деньгах и думаете!

— Если бы я о них не думал, вы бы до сих пор сидели в Аресибо и гадали, одиноки ли мы во вселенной!

Смит замялся и спросил:

— Олдберн, у вас есть, чем согреться?

— Кофе в термосе.

— Давайте.

Олдберн открыл багажник джипа и вытащил оттуда термос с двумя пластиковыми кружками.

— У вас что, совсем нет связи с сопровождающими? — спросил он, разливая горячий кофе.

Ветер тут же слизнул пар, едва успевший показаться над чашками, и унес его в степь.

— Была, пока не поднялся ветер. А у вас?

— Далли и Белл уехали с вашими пиарщиками, поэтому не взяли спутниковый телефон. А Блейлок здесь, корпит над своим приемником.

— Надеюсь, они у него работают. Иначе что толку от ваших телескопов...

— Толку от них, хочу вам сказать, и без вашей телеразвлекухи хватает. По крайней мере, мои коллеги могут позволить себе работать без оглядки на бюджет, который вечно гребут под себя военные.

Они замолчали, делая вид, что увлечены поглощением кофе.

— Может, послать кого-нибудь за ними? — проронил, наконец, Смит.

— Уже послали, — Олдберн завинтил крышку термоса и поставил его обратно. — Не хотите мерзнуть — идите в дом для гостей. Это ваша была идея тащить толпу журналистов на каждое открытие.

— Зато теперь каждый сопляк с пеленок мечтает пойти по вашим стопам...

— Здорово. Вы еще сериал про меня снимите.

— А вы продадите авторские права?

— Смит, вы что, шуток не понимаете?

Они снова замолчали, вслушиваясь в завывания ветра.

Начинало темнеть, и по периметру обсерватории зажгли прожектора. С наступлением темноты ветер совсем озверел и стал пробирать даже сквозь куртки с электроподогревом.

Несколько раз мимо Олдберна и Смита проходили охранники с собаками, бросающие на них недоуменные взгляды.

— Так, все! — Олдберн решительно развернулся и открыл дверцу джипа. — Полезли внутрь. Если мы продолжим ждать их на улице, то у ваших гостей, Смит, будет два почти сенсационных материала — открытие телескопа и ледяная статуя меди-магната.

— Сенсацией будет только вторая, — беззлобно огрызнулся Смит, но послушно полез в машину.

В салоне джипа было тепло. Это ощущение усиливалось воем беснующегося снаружи ветра.

— Послушайте, Олдберн, а как они там?

— Кто?

— Ну как кто? Герки.

— Иеремия, вы что, даже не смотрите то, что сами производите? — Олдберн уставился на собеседника.

— Ха, если бы я смотрел хотя бы полпроцента от того, что вываливаю в эфир, то давно бы свихнулся. Я уже не говорю о том, что управлением заниматься некогда было бы. А для того, чтобы знать, что показывать, я и плачу приличные деньги толпе народу, занятой только одним — изучением общественного мнения.

— Понятно. А я смотрю все время. Они опять воюют.

— Что, снова?

Олдберн кивнул.

— И что на этот раз?

— Западный Грайкс и Летав разошлись во взглядах на трактовку второго пророчества Акмелитов.

— Поразительно. Одна-единственная религия на всю планету, а они которую сотню лет лупят друг друга из-за разночтений каких-то заплесневелых бумажек!

— Ну почему же. Прошлые две войны были за нефтяные месторождения. Впрочем, это еще пока цветочки, возня в песочнице. Судя по новостям, они скоро додумаются до мировых войн.

— Ну, мы-то с вами ничего изменить не можем. Помните, Олдберн, они УЖЕ додумались до этого двадцать пять тысяч лет назад.

— Верно. Но все равно не радует... О, а вот, похоже, и ваша пресса!

Ворота между вышками распахнулись, пропуская колонну внедорожников. Из первого выскочил Далли, закутанный в ярко-оранжевую парку

с капюшоном, и бегом бросился к джипу Олдберна. По его знаку въезжающими машинами занялись охранники, направляя их к местам стоянки.

— Что у вас случилось? — Олдберн сам выскочил из машины и схватил Далли за плечи.

— Все нормально, — голос Далли звучал устало. — Колесо спустилось на одном из джипов, а почему сдох телефон — не знаю.

— Все живы? — спросил Смит, появляясь с другого бока машины.

— Все, все. Только устали, как собаки. Может, перенесем пресс-конференцию на завтра?

— На завтра?! — взвился Смит. — Хрен им! Я в этой чертовой Монголии, Далли, не останусь ни на минуту больше, чем было запланировано программой открытия! Тащите сюда этих писак!

— Как скажете, — согласился Далли, и направился к толпящимся у стоянки гостям, одетым явно не по погоде.

— Олдберн, вы еще не решили, где будете строить следующую обсерваторию? — спросил Смит.

— А что, средства снова позволяют?

— Да.

— Нет, еще не решил.

— Так зарубите себе на носу: хватит с меня Антарктиды и Монголии. Какого черта вам не построить ее где-нибудь в Полинезии?

Запись из черновиков Джеймса Далли:

На самом деле религия Парту не представляла из себя ничего оригинального, за исключением того, что в ней начисто отсутствовала идея мессианства. Великий бог Парту много-много лет назад создал Герк, животных, растения и самих герков. После чего, оставив им гору соответствующей религиозной литературы, скрылся в небесах, откуда принялся наблюдать за происходящим внизу. Интересен тот факт, что никакой противоборствующей стороны у него не было. Все зло, творимое герками, объяснялось лишь личным выбором каждого.

Ловушка заключалась в том, что учение Парту могло вполне свободно трактоваться священниками-партуистами. Иных догм, кроме неоспоримости существования Парту, в религии Герка практически не существовало. Именно поэтому, несмотря на единобожие, фракции партуистов разошлись во взглядах гораздо дальше, чем разные религии на Земле.

— Теперь, мистер и миссис Далли, о ваших вложениях в телекоммуникационные системы, — возвестил голос с голубого экрана. — За прошедший квартал рейтинг выгодности вложений составил...

Далли вздохнул и отставил в сторону стакан с ледниковой водой. Употреблять спиртное он перестал по рекомендации врачей. По их словам, продолжать пить было лучшим способом свести на нет все усилия антигеронтологических программ. Календарный возраст Далли приближался к

шестидесяти, но выглядел он все еще на сорок. Совет его жены Сильвии, когда-то давно носившей фамилию Белл, вложить средства в медицину омоложения, принес свои плоды.

Водрузив стакан на стойку холодильника, Далли развернул экран к себе. Еще одно достижение технического прогресса — напичканный электронной лимузин «линкольн», который вез в данный момент супружескую пару Далли на очередной юбилей вещания APTV. Поскольку «линкольн» подарил им на годовщину свадьбы Смит, о его стоимости можно было только догадываться. Но однажды султан Брунея предложил за него два миллиона. Далли отказался, предложив его султану в подарок, если тот согласится вложить средства в Фонд развития фундаментальных наук, основанный им и Олдберном.

Экран вмещал в себя смертельно серьезное лицо Майкла Фергюссона, главного финансового аналитика инвестиционной компании Далли и Олдберна. Уткнувшись носом в видеопланшеты, он без остановки сыпал цифрами.

— Фергюссон, — обратился к нему Далли. — Вы короче не могли бы? А то вместо того, чтобы надраться безалкогольным шампанским на вечеринке у Смита, я снова буду ломать с вами голову, куда девать эти чертовы деньги. Если вам так хочется блеснуть своим знанием фондового рынка, так позвоните Блейлоку. Он как раз вчера закончил свой очередной приемник и выяснил, что у него еще миллиона четыре никуда не вложенных денег. Вы ему очень поможете: если он срочно не придумает, куда их деть, то, скорее всего, сойдет с ума. Мне эти ваши финансовые финты...

— ... совершенно не интересны, — уныло закончил Фергюссон. — Иначе бы вы меня не наняли.

— Точно, — подтвердил Далли. — Сильвия, мы, кажется, уже приехали?

— Похоже. И на улице жуткий ливень. Может, посоветовать Артуру вложить средства в метеорологию?

— С таким же успехом он может пожертвовать пару миллионов обществу североамериканских шаманов, — хмыкнул Далли. — Пусть лучше вложит их в разработку контроля погоды.

Однако Фергюссон не спешил отключиться.

— Ну, чего вам еще? — спросил Далли.

— Ваши подписи, мистер и миссис Далли. Чтобы утвердить новый финансовый план. — Фергюссон вздохнул и добавил: — Который вы опять не читали. Вы поразительно беспечны...

— Вы что, собрались нас обмануть? — удивился Далли.

— Нет, что вы! — вспыхнул Фергюссон. — Но если бы на моем месте был кто-то другой...

— Фергюссон, вы знаете, как нам досталась LGC? — вдруг спросила Сильвия. — Смит отдал нам ее совершенно бесплатно после того, как Олдберн натравил на него своего адвоката. Сейчас этот человек возглавляет

юридическое агентство, созданное на наши деньги. Как вы думаете, много ли найдется таких дураков, что согласились бы иметь с ним дело?

— Э-э, не думаю.

— И мне так кажется, — Сильвия чиркнула стилем по соответствующей графе на экране. — Всего доброго, Фергюссон.

Далли подмигнула и расписался следом. Выключив связь, он вылез из машины под заботливо раскрытый швейцаром зонтик.

Вечеринка происходила в зимнем саду на крыше здания ИВС. К моменту, когда супруги Далли поднялись туда, импровизированный банкетный зал оказался забит под завязку. Большая часть из присутствующих теоретически являлась их знакомыми — банкиры, промышленники, конгрессмены, актеры, журналисты и даже несколько видных фигур из науки. Когда кто-нибудь здоровался с Далли, он отвечал уверенными кивками и продолжал целенаправленно пробиваться в сторону альпийской горки у одной из стен. Там они договорились встретиться с Олдберном. На самом деле, Далли не вспомнил и половины тех, на чьи приветствия отвечал.

Добравшись до цели, кроме Олдберна Далли обнаружил рядом с горкой Смита, поглощающего один фужер шампанского за другим. Несмотря на то, что он был ровесником Олдберну, выглядел он едва ли старше Далли. Как обычно, на лице его светилась лучезарная улыбка.

— А где Артур? — поинтересовался Олдберн после обмена приветствиями.

— Снова погряз в финансовых проблемах, — ответил Далли.

— В жизни не поверю! — Смит отправил фужер в заросли за спиной. — Какие у него могут быть проблемы?

— Непристроенные четыре миллиона.

— Вот пример разумного подхода к финансам! — Смит назидательно поднял указательный палец. — Человек думает над тем, что будет дальше с его деньгами! Не то, что вы. Ну, скажите мне, Джеймс, на кой черт вам сдалась аренда амазонских лесов? Вы же в Бразилии ни разу не были. К тому же их все равно собрались вырубить.

— Вот именно.

— Бессмысленная трата денег!

— Иеремия, я же не из вашего кармана их вынул! — отпугнулся Далли.

— Подобное обращение с деньгами я воспринимаю как личное оскорбление...

Смит не договорил, прерванный пискom телефона в кармане пиджака.

— О, а вот и Блейлок! — провозгласил он, прижимая трубку к уху. — Приветствую вас, Артур. Почему мы до сих пор не имеем чести лицезреть вас лично?

Смит вслушался в ответ, прикрыв рукой трубку ладонью. Очевидно, слова Блейлока его заинтересовали и, извинившись, он отошел в сторону.

— Вы что, правда взяли в аренду амазонские леса? — спросил Олдберн у Далли.

— Ребята из бразильского Института исследования проблем Амазонки попросили. Сказали, что там живут какие-то племена, которые, хоть тресни, не собираются съезжать в новые места обитания. Вот институт и попросили помочь им выиграть время, до того, как они подадут жалобу в международный суд... А мы как раз продали Смиту пару каких-то новых герковских блокбастеров.

— А у тебя как дела? — поинтересовалась у Олдберна Сильвия.

— Финансирую разработку безвредного для окружающей среды топлива.

— Смит уже говорил, что это бессмысленная трата денег?

Они рассмеялись.

— Нет, — Олдберн смахнул выступившие слезы. — Клянчит долю в проекте. Я слышал, что ему в руки попал отчет о состоянии нефтяных запасов ОПЕК, который сделали твои ребята.

— Да это так, пустяк. Мог бы, кстати, сообщить, что взялся за топливо. Как ты думаешь, для чего мы заказали это исследование?

— Ты лучше спроси, где Смит отчет достал. Кстати, я тут подумал вот о чем — помнишь, Блейлок говорил, что наши телескопы работают вхолостую, потому что мы буквально наугад тычем пальцем в небо. Так почему бы нам не собрать все накопленные за это время данные и не провести их анализ? Смоделируем изученные звездные системы, а затем определимся с точечным изучением...

— Да у нас пока нет такого компьютера, который смог бы обработать такой массив данных!

Олдберн пожал плечами.

— Так заплатим за его постройку.

— Ты с Блейлоком говорил?

— Он не хочет сейчас с этим связываться. Говорит — давайте года через два, а то сейчас все средства инвестированы.

— Врет он все, — сказал Далли. — Мы только что Фергюссона отправили советовать ему, куда девать лишние деньги.

— Может, и врёт. Мне кажется, он разочаровался в своем детище. Посудите сами — кроме как в Аресибо, ни один его аппарат больше ничего не принял.

— Ну и черт с ним, — фыркнула Сильвия. — Блейлок же давно ни о чем, кроме фондовой биржи и инвестиций слышать не хочет.

Смит вернулся, довольно потирая руки.

— У нашего общего друга отличная деловая хватка, — сообщил он. — Он собирается вложиться в химическое производство в Бразилии.

— Здорово, — кисло-м тонем заметил Далли. — За что боролся, на то и напоролся.

— Убью Фергюссона, — вполголоса пообещала Сильвия.

— Ну, а у вас-то что нового, Иеремия? — спросил Далли.

— Я стал первым человеком после Дэна Брауна, которого Ватикан предал официальной анафеме.

— Да ну? — удивилась Сильвия. — Что вы на этот раз учудили?

— Да ничего. Просто у католиков шестерни в мозгах вращаются слишком медленно. Иначе бы это случилось лет десять назад.

— А, точно, вспомнил! — хлопнул себя по лбу Олдберн. — Папа объявил передачи AVTV дьявольским наваждением, как только они пошли в эфир! Кажется, он тогда заявил, что на самом деле никаких герков не существует и все это козни Сатаны.

— Этак он скоро назначит нас четырьмя всадниками Апокалипсиса, — хмыкнула Сильвия.

— Ну, вас-то пока еще ни от чего не отлучили, — усмехнулся Смит. — А меня, пройдет еще пару лет, и вообще Антихристом объявят.

— А не из-за того ли это все, что вы герковские религиозные передачи в эфир пустили?

— А что такого? Вы знаете, сколько сейчас народу ходит в храмы Парту? Полтора миллиона человек. И их число растет ежегодно.

— Обладеть, — коротко заключил Далли.

— Чего обладеть-то? Вы как думаете, кто скупает всю герковскую литературу и учебные курсы их языка? Может быть, ваши ученые? Дудки. Партуисты считают, что службу Парту можно вести только на языке герков. Больше этот язык никому, скажу я вам, не нужен. Бум прошел.

— Господи, Смит, я и так живу на острове, который охраняют как Форт-Нокс. А теперь оказывается, что мне надо опасаться еще и религиозных фанатиков! И что, кто еще считает нас вестниками дьявола?

— Вчера прочитал в Интернете, что в Иране нас объявили пособниками Иблиса, — невозмутимо сообщил Олдберн. — И мы первые в списке на казнь после президента США и какого-то иранского диссидента.

Далли закатил глаза.

— Смит, дайте мне этого вашего пойла, — обреченно вздохнул он, протягивая руку к шампанскому.

— Джеймс, тебе вроде врачи не рекомендовали... — попробовала было возразить Сильвия.

— Ну и что? — Далли опрокинул в себя фужер залпом. — Я ведь все равно не проживу столько, сколько они рассчитывают. Месяца через два или три, благодаря жадности Смита, нас с тобой подорвет какой-нибудь полоумный шахид.

Он опрокинул еще один фужер и принялся озираться по сторонам в поисках закуски.

Цитата из ежегодного отчета Института Герка:

Последние десять лет на Герке ознаменовались быстрым скачком в развитии технологий. Это произошло благодаря имперской политике, проводимой новоявленным

диктатором Пиранилом Энтам, которого можно назвать Александром Македонским Герка. Именно он, объединив значительную часть государств планеты, создал стройную систему научно-исследовательских институтов. К сожалению, их основным направлением деятельности стало развитие военной техники. На Герке осталось еще немало стран, не присоединенных к империи Энта. И он был крайне недоволен этим обстоятельством.

За два дня до сдачи отчета в печать, нам стало известно, что министр энергетики официально объявил о покорении атомной энергии. Как и следовало ожидать, герки отнюдь не бросились сразу строить электростанции. А империя Энта получила в свои руки атомную дубинку.

Над марширующими колоннами с гулом прошло крыло бомбардировщиков. Бодрый голос за кадром вещал о торжестве исторической справедливости, попранной пятнадцатилетним существованием империи Пиранила Энта. Теперь, три года спустя после его смерти, войска Акронии направлялись к зыбкой границе с Пилтом, дабы восстановить историческую справедливость. А именно, существование на территории Пилта трех прибыльных химических комплексов, построенных на крови и деньгах народа Акронии во времена правления Энта.

— Как ты думаешь, это на самом деле был несчастный случай? — спросил Далли у видеодвойника Олдберна.

— Сложно сказать, — Олдберн пошевелил рукой в баке с питательным гелем, внимательно рассматривая как нанороботы перестраивают его кисть, заменяя старые клетки на молодые клоны. — После смерти Энта, даже если это и был заговор, всех заговорщиков смыло, как пену.

Далли переключил канал. Свой курс регенерации он прошел неделю назад и для восьмидесятилетнего старикашки чувствовал себя вполне бодро. Не зря, видимо, он согласился на замену почек мембранными фильтрами.

— Знаешь, Патрик, а у меня тут роаноты собираются дать отпор агрессорам из Кларта, и попутно аннексировать себе их территорию.

— Да ну? — удивился Олдберн.

— Точно. Оказывается, триста лет назад у них был какой-то спорный клоч земли. А в Кларте считают, что роаноты незаслуженно владеют залежами апатитов.

— Занятно, — хмыкнул Олдберн. — Я вчера читал сводку из института. Они считают, что бывшие страны империи Энта вот-вот перегрызутся друг с другом.

— Неудивительно. Помнишь, что было, когда развалился СССР?

— Сходство имеется. Но, как только это случится, те, кто не попал под пяту Энта, нападут на своих соседей. Припомнят, так сказать, старые грехи.

— Они уже не боятся ядерного оружия?

— Нет. Если верить новостям, скупили через коррумпированных чиновников и военных половину ядерного запаса империи.

— Вот это дела, — протянул Далли.

— И я о том же. Кстати, как там Сильвия? Ее давно не видно.

— Ну, ты же знаешь этих женщин. Она заявила, что не желает показываться на людях до конца курса регенерации. Очередной старческий закидон.

Далли усмехнулся.

— Передавай ей от меня привет, — Олдберн помахал здоровой рукой и отключился.

Далли положил пульт и посмотрел в окно. Проследив за его взглядом, домашний компьютер отключил свет и звукопоглощение. В комнату ворвался шум моря и последние лучи заходящего солнца.

На экране под бодрый голос диктора поползли гусеничные тягачи с баллистическими ракетами.

Запись в дневнике Джеймса Далли:

Вчера разговаривал с Артуром. Он в недоумении — в очередной раз проверил все приемники на наших телескопах. Все работают исправно, но ни один из них не поймал даже азбуки Морзе. Артур до сих пор уверен, что где-то в схеме допущена ошибка.

Это случилось ровно спустя тридцать пять лет после приема первого сигнала герков в Аресибо.

Далли, Сильвия, Олдберн и Смит собрались в офисе AVTV. За стеклами сплошной стеной стояла вода, хлещущая с небес. Ливень шел без остановки вторые сутки. Несмотря на то, что в общей сложности пайщики LGC потратили на контроль погоды миллиард-другой долларов, не считая вложений других компаний, система иногда давала сбой.

Настроение собравшихся вполне соответствовало погоде.

Смит, закончив вдумчивое изучение мраморной пепельницы, первым нарушил молчание.

— Где сегодня носит Блейлока? — осведомился он.

— Когда мы звонили ему в последний раз, у него подходила к концу вторая бутылка «Bell's», — вяло отозвался Далли. — Не думаю, что есть смысл его ждать...

— Вы хотите сказать, что он... — Смит, казалось, был поражен до глубины души.

— Нарезался, как свинья, — закончил за него Олдберн. — И я его прекрасно понимаю. Я бы и сам нажрался, да, боюсь, это бесполезно. Эти чертовы наноботы, которыми наштиговали меня твои эскулапы, Джеймс, разложат алкоголь до того, как он доберется до мозгов.

Далли вяло помахал рукой — мол, не стоит благодарности. И, подумав, добавил:

— Это не слишком большая плата за то, что тебе не грозит цирроз.

Из них пятерых только Смит и Блейлок не прибежали к помощи

медицины омолаживания. Природа и без того наделила обоих удивительным для их лет здоровьем.

— Все, господа, достаточно пререкаться, — вступился Смит. — Лучше нам обсудить, что делать дальше.

— Что делать? — Сильвия посмотрела на мужчин. — Может, вы, наконец, объясните, что случилось?

— Вы что, ей ничего не сказали? — уставился на Далли Смит.

— Да я вообще не хотел, чтобы она с нами ехала, — устало огрызнулся тот. — Ей врачи нервничать запретили...

— Да ну вас к черту, Далли! — Смит излюбленным движением придвинул кресло вплотную к столу. — Сильвия давно уже не девочка, чтобы падать в обморок. Я сам все объясню.

Смит повернулся к Сильвии и начал:

— Итак, мисс Далли, сегодня в период с шести утра до полудня по местному времени ВСЕ поголовно телестанции Герка прекратили свое вещание. Блейлок успел два раза перебрать по деталям свою проклятую коробку, прежде чем нажрался, и убедился, что она работает. Вот, собственно говоря, и все. Дальше, насколько я помню, этим делом занимались вы.

Смит выразительно взглянул на Далли и Олдберна.

Олдберн вынул из кармана диск и положил его перед собой.

— Вот, — произнес он.

— Что «вот»? — переспросил Смит.

— Включите его, — Олдберн толкнул диск к Смицу. — Только что привез его из института.

Смит вставил диск в прорезь вмонтированного в крышку стола проектора и уставился на экран перед собой.

— Вот это да... растерянно произнес он две минуты спустя. — И что, это действительно последнее?

Олдберн кивнул.

— Так что, черт возьми, там произошло? — не выдержала Сильвия.

Смит молча развернул экран к ней, а сам, сцепив руки под подбородком, уставился в пространство.

На экране были видны лишь руины, покрытые снегом. Тишина царил практически мертвая, лишь кое-где гремели выстрелы и мелькали оружейные вспышки. По развороченным улицам, пригнувшись, бежали люди. Некоторые падали прямо посреди дороги и их тут же заметало грязно-серыми хлопьями снега. Потом рухнул один из домов, подняв столб пыли, но перестрелки не прекратились. А минуту спустя на горизонте расцвел огненный гриб, от которого прямо в снимающую камеру выплеснулась волна света, и экран погас.

— Боже мой, — прошептала Сильвия, в ужасе зажимая рот ладонями. — Они все...

— Да, Сил, я думаю все, — произнес Далли, разглядывая стол перед собой. — Ты же знаешь, там воюют друг с другом с тех пор, как рухнула империя Энта. Рано или поздно кто-то должен был оказаться в роли мыши, загнанной в угол.

— А потом началась цепная реакция, — добавил Олдберн.

— Какой кошмар, — глаза Сильвии наполнились слезами.

— Кошмар?! — вскочил с места Смит. — Кошмар, вы говорите? Кошмар это то, что теперь нам придется переделывать все планы! Половина каналов закроется... Черт возьми, как бы партисты не разбежались!

Смит сел на место.

— Надо срочно дать команду пширщикам, чтобы они состряпали какую-нибудь последнюю заповедь Парту. Эй, Олдберн, как вы думаете, эти сектанты проглотят, если им сообщить, что перед концом этот, как его... главный по общению с богами у герков, передал завещание землянам?

— Что? — Олдберн непонимающе уставился на Смита.

— А, ладно, черт с ним. Успеем еще разобраться. Хорошо еще, что того, что мы наснимали с основных каналов, хватит на пару десятков лет. Прибыль, конечно, упадет. Так что теперь в ваших же интересах, чтобы записи, которые вы с такой легкостью раздавали по институтам, стали платными...

— Вы что несете? — Олдберн удивленно уставился на Смита.

— А что? Ничего особенного, — пожал плечами Смит. — Просто прикидываю, что надо сделать, чтобы не пойти по миру в ближайший год. Учитывая, что ни один прибор Блейлока больше не сработал, нам нечего...

Олдберн встал, отшвырнув кресло.

— Вы, кажется, совсем спятили! Вы не понимаете, что случилось?! Погибла целая цивилизация! А вы все деньги считаете!

— Олдберн, герки исчезли из этой вселенной много-много тысяч лет назад, когда наши предки еще не определились, на скольких ногах им ходить! Если, конечно, теория Блейлока хоть отчасти верна. Они уже были покойниками, когда вы о них узнали, и даже сам Господь Бог не мог их спасти.

Олдберн молча смотрел на Смита. Уголок его рта нервно подрагивал.

— Так что не устраивайте истерик, — продолжил Смит. — Иначе ни одна антигеронтологическая программа вам не поможет: нервные клетки не восстанавливаются. Герки давно мертвы, но мы-то с вами живы и очень хотим кушать, спать и жить подольше...

— Господи, какой вы идиот, Смит! — Блейлок сокрушенно покачал головой.

Голоса спорящих доносились до Далли, как через густой туман. Взглянув на Сильвию, он заметил, что та сидит мертвенно бледная.

Олдберн развернулся и быстрым шагом направился к выходу.

— Патрик, подожди, я с тобой! — Сильвия, утерев слезы, с трудом поднялась из кресла. Руки ее заметно тряслись.

— Отвези ее в госпиталь, Патрик, — попросил Далли. — Пусть проведут какой-нибудь успокаивающий курс. Я пока останусь здесь...

Олдберн кивнул и взял за руку Сильвию. Вдвоем они покинули зал.

Экран на столе продолжал крутить принесенную Олдберном запись. Каждые две минуты Герк вновь и вновь переживал свой давно свершившийся апокалипсис.

Далли подошел к окну. Через сплошные струи дождя города практически не было видно. Только самые яркие огни небоскребов неподалеку пробивались сквозь стальную пелену. Далли знал, что он сделал достаточно, чтобы Земля не повторила судьбу Герка. Миллиарды, вложенные пайщиками LGS в безопасное топливо, метеоконтроль, проект солнечных сфер, универсальные кормовые культуры, восстановление вырубок сельвы и программу отражения астероидной угрозы давали право Далли надеяться на это. Даже Смит, телеканалы которого размножили апокалипсис Герка на миллиард экранов, приложил свою руку к тому, чтобы Земля повернула в другую сторону. Что, если не реальные хроники апокалипсиса чужого мира, может заставить людей задуматься о судьбе своего? А ведь однажды Сильвия сказала, что герков послал им сам Господь Бог вместо зеркала. Или предупреждения?

Он повернулся и посмотрел на Смита.

— Иеремия, — обратился Далли к подсчитывающему вслух цифры телемагнату. — Вы можете хотя бы на минуту заткнуться? Похоже, вы даже не понимаете, насколько нам всем тошно...

С этими словами он вновь отвернулся к окну.

Черт побери, подумал Далли, а ведь мне на самом деле так плохо. Если раньше у них была надежда... Блейлок понял это первым. Он давно догадывался, чем все закончится, и в последние несколько лет вообще забросил бизнес, занимаясь только своими приемниками. Но они так и оставались безмолвными.

Человеческая цивилизация всегда была одинока во вселенной.

ДМИТРИЙ ДЕТИНИЧ

НЕЛЮДЬ

Х

ей, кажись, оклемалась, а ты боялся...

Их было трое, сидели у костра, пили по очереди из большого рога. Все в кольчугах, шлемы сняли. Ездовые бронящепы фыркали где-то поодаль.

— Конечно, оклемалась, фирам сами демоны помогают. — Тот, что с седой бородой выплескал остатки вина в костер.

— Я не фи...

Похоже, губы не слушались. У нее во рту пересохло, а шершавый язычок еле ворочался. Руки связаны, зато ноги свободны, хотя все равно ей не сбежать. Тело болело и ныло.

— Может, покормим эту кошку? — предложил самый молодой. Глаза у него цвета стали, только не холодные...

— Вот уж чего, — фыркнул седобородый. — Чтобы я фирирово отроде прикармливал. Если не брезгуешь — валяй, как раз первым и будешь дежурить.

Он встал и, бряцая кольчугой, ушел проведать ящеров.

Некоторое время ночную тишину нарушали лишь сверчки и ворчание сонных ящеров.

— Ты зря ее жалеешь, может, это она убила Бранда.

Третий был очень смугл, что не свойственно жителям Стального Хребта. Он поглаживал клиновидную бородку и меланхолично бросал сучья в костер.

— Но ведь, если она окачурится, то кого мы отвезем ярлу? — настаивал молодой.

Смуглый нехорошо посмотрел на Эйну, потом сплюнул.

— Ничего с ней не случится. Дай попить и хватит. Ты ведь знаешь, зачем мы возьмем ее к ярлу.

Не снимая кольчуг, егеря, кроме младшего, прилегли и вскоре захрапели. Молодой посидел немного, полюбовался звездами и подсел к Эйне.

В руках он держал флягу, а на груди...

Висел ее охотничий нож, без гарды, с короткой рукоятью и с загнутым на конце лезвием. Лезвия, конечно, видно не было, нож покоился в резных ножнах из северной березы.

— Эй, остроухая, пить будешь?

Глаза цвета стали, но не холодные...

Воевода не обозвал его олухом или растяпой. Не ударил Вейкка тяжелым кулаком в железной перчатке и не начал разоряться, что, дескать вот, позор на твою голову, позор твоей семье, и вообще, зачем тебе возвращаться в замок, лучше, как подобает мужчине, смой позор своей кровью или сразу прыгни с обрыва, чтобы мы не утруждались заваливать твой жалкий труп валунами.

Воевода молча развязал Вейкка, даже помог подняться, потом повернулся спиной.

Размышляя.

Лучше бы он ударил, поругал, что ли. Все лучше, чем это молчание.

Но впадать в ступор Вейкку не позволил Скамнир, южанин. Незадачливого егеря послал за дровами, за водой, вне очереди тот кормил и чистил ящеров (сначала пришлось за ними побегать: фиирка, чертовка, отвязала их, но, к счастью ящеры далеко не забредали). А пока Вейкк бегал как опшпиренный, безропотно выполняя все поручения, Скамнир в своей флегматичной манере помешивал кашу, не забывая при этом читать нравоучения юному егерю, словно решил заменить воеводу, которой молча примостился среди покрытых мхом валунов и презирал Вейкка (Вейкк был уверен в этом). Но воевода хмуρο изучал карту.

Юноша был настолько преисполнен рвением загладить вину, что и в погоню пешком пустился бы, прикажи Скамнир или воевода.

С одной стороны, произошедшее — чепуха. Сбежала пленная девка, дикарка из леса, нелюдь. А с другой...

— И я удивляюсь, как это она не перерезала нам глотки, пока мы спали, а ты был связан, — распинался Скамнир. — Хорошо хоть оружие не выкинула, только нож свой забрала.

Гневный тон Скамнира совершенно не увязывался с его спокойным лицом. Пар из котла и мирно жующие ящеры, и все это на фоне утреннего леса — типш да благодать. Только Вейкк носился с перекопшенным лицом, понукаемый южанином.

— Ладно, хватит носиться и делать вид, что ты занят, жрать пора. Эй, воевода, что на карте нашел?

— Ничего. Ничего хорошего. Но догнать девку нужно — никто не должен хвалиться, что егерей ярла обвел вокруг пальца. — Подумав, добавил: — Я думаю, она сюда пойдет.

Его кинжал очертил кружок вокруг нарисованных домиков, сгрудившихся вокруг башни...

Кошка бежала что есть сил, но их-то как раз не было.

Точнее, были, но настолько мало, что остатки плескались на дне ее кошачьих возможностей.

Пока она бежала, забылась боль, ломавшая все тело, осталась только та, которая жила в сердце, холодными иголками вбивалась где-то в груди.

Может, эта боль и подстегивала Эйну...

Деревню выжгли полностью. Они напали внезапно, даже кошки-охотницы, славившиеся своим чутьем по всему северу Дравеморского леса, не успели опомниться, как всадники на страшных ящерах ворвались с саблями и факелами в селение. Домики из веток и листьев запылали, высветив иссеченные тела. Все происходило быстро. Успело просвистеть всего несколько стрел, и только одна попала рыжеволосому егерю в шею. Захлебываясь кровью, тот так и не упал с ящера, умер в седле.

Что успела Эйна?

Сестра, ее младшая сестренка, что сделала она этим чудовищам? Какой-то лихач перерубил ее пополам. Эйна поняла, что такое не может твориться наяву.

Вот домик, где прошло ее детство, там сгорело все, что было ценно для памяти.

Площадка, где проводились советы, празднества и обряды; теперь там лежат порубленные тела наставниц, до конца отстаивавших святыню — знамя клана.

Да и знамя сброшено, теперь тлеют остатки древка.

Все как в тумане, издав клич кошек своего клана, Эйна прыгнула на усача в рогатом племе. Она целилась в незащищенное лицо подаренным ножом, но усач успел увернуться и отмахнулся, словно от мухи, задев латницей по голове...

...Все как в тумане, не спеша проплывали тучи, качались кроны деревьев, над ней склонились высокие люди в железе. Она плохо понимала их язык, очень похожий на говор людей из пограничного города, только грубоватый.

— Не похоже это на базу фииров, что скажешь?

Кто-то сплюнул.

— Скажу, что мне по котелку. Все равно нелюди, мутанты, дьявольское отродье Визара, будь проклято его нечестивое имя. У той чертовки, что нападала на меня, фиирский ножик. Если порыться в их хибарах, мы нашли бы множество доказательств. Но... сгорели...

Кто-то заржал.

— Эй, а она жива, тепленькая, дышит, хе-хе. Скюрир, не хочешь ее... того?

— Дурак! Сам давай, а я посмотрю, поразвлекаюсь.

— Ну вот еще, спасибочки, обойдусь.

Теперь заржали все.

— Так, ладно, хохмачи, нам дотемна нужно к расщелине успеть. А тебе Экнар, особое поручение: доставь яру свиток, заодно и полудохлую девку прихвати. Будет, что показать. Да не смотри ты так, еще хватит войны на всех. Пойми, не могу я кого-то еще послать вместо тебя, бери двух людей, и вперед.

— Есть потери?

— Бранд, стрелой в горло, нелюди...

Варварский городок, называемый Гутр, тихий и маленький, каких не счесть в предгорьях Стального Хребта, совсем недавно превратился в улей, кишачий людьми и нелюдями. Каменные добротные домики с соломенными крышами в один или в два этажа, потеснились к окраинам, а в центре теперь высились домища с черепичными крышами, построенные в так называемом имперском стиле. И достигал каждый аж трех этажей! Так что в центре теперь образовался своего рода торговый квартал с площадью. Теперь лорд Мотриг, чей замок высился прямо над площадью у скал, он же бургомистр, подумывал о постройке крепостных стен. С притоком новых горожан жить стало опасней...

Пару лет назад приковылял в город чудаковатый старичок-геолог из Лазкронской Академии Наук. И началось... Старичок долго в городе не пробыл, запасся в ближайшей харчевне провиантом, после чего он и двое сопровождающих его гномов отправились в горы.

Через две недели в горах нашли богатые залежи астранитовой руды, а лорд Мотриг, пользуясь связями в столице, наложил на добычу лапу. Так город стал крупным центром по добыче и обработке ценного ресурса. И хотя Гутр не лежал на пересечении торговых путей, купцы все равно делали крюк, чтобы заработать на относительно дешевом товаре. Поэтому город стал еще и торговым узлом в здешних землях.

Вот в такой город под покровом ночи пришла Эйна. Она и раньше здесь бывала, так как женщины-кошки часто приносили дичь и шкуры животных, обменивая их на нехитрые предметы быта.

Но после того, как ярл Стурла объявил войну фиирам, кошек в городе не жаловали. Ох и ударило это по карманам некоторых торговцев, сбывающих шкуры и мех на юг.

Приходили кошки и за мужьями. По прихоти древнего колдуна Визара, люди-кошки были только женского пола. Поговаривали, что Визар создал эту расу для собственных утех, однако же потомство они давали от мужей расы людей (ходили слухи, что и от эльфов).

Город встретил ее запахом дыма и жареного лука, без которого местные жители не воспринимали ни одного блюда. Ночь уже вступила в свое право, окутав город тьмой, что, впрочем, не особо мешало девушке-кошке пробираться по запутанным узким улочкам к намеченной цели.

Город спал. Спали стражники в обнимку с копиями, спали собаки. Даже корчма на улице Красных Бульжников погасила свои фонарики. Какой-то пьяный голос раздался вдали, кто-то пытался спеть гимн Империи (между прочим, не очень приветствующийся в этих краях), но после первого куплета гимн сменился громким и смачным храпом.

Гибкая тень проскользнула мимо очередных дремлющих стражей, ловко прыгнула на крышу дома и перемахнула к улице Двух Монет. На мгновенье

вышедшая из-за туч луна выхватила из темноты блеснувший обруч в девичьих волосах.

Тень свесилась с крыши.

— Дерек, Дерек, отрывай... — за шепотом послышалось тихое поскребывание. Нескоро скрипнули ставни.

— Эйна, это ты? — удивленный голос был заглушен негромким шипением.

— Тише ты!

Девушка ловко скользнула вниз, ставни поспешно закрылись.

В маленькой душевной комнатке горела лампадка. Дерек был явно не готов к встрече гостей, на нем ночная рубашка (ох и замашки у этих жителей городов), а в углу смятая постель, не очень опрятная.

«Хорошо хоть один», — мелькнула мысль у Эйны, ведь он был ее, хоть и временным, но мужем.

Пока растерянный Дерек соображал что к чему, Эйна присела на краешек табуретки. Из мебели в комнате был еще грубый стол, заваленный хламом. Одежду тут вешали на крючок.

Дерек мечтал уйти в королевские стрелки, но его папаша видел сына только преемником своего дела — торговли винами и пивом. Поэтому Дерек все время зубрил всякую дребедень, готовясь поступать в местную академию, а втайне мечтал сбежать и поступить на службу... ну, пусть и не королевским стрелком. Приключения манили его. Как и всякий юноша, он мечтал податься в герои...

А до Ночи Диких Цветов с Эйной оставался месяц. Эйна вдруг подумала, что теперь уже точно необходимо родить девочку — продолжить род, ведь она единственная выжила.

Ей вдруг пришла в голову дикая мысль: Дерек сбежит вместе с ней, и они отправятся прочь от Стального Хребта, куда-нибудь на юг, мало что ли мест, кроме Империи или гоблинских королевств?

Кошки сами выбирают себе суженых. Она встретила его прошлым летом, когда Дерек пытался охотиться. Такой смешной и неуклюжий. Эти городские жители иногда бывают трогательны.

Так и пошло: она научила его охотиться (тогда он, наверное, и укрепился в мысли о приключениях), и они подолгу гуляли по ее любимым местам величественного и древнего Дравемора. Минуя просеки и уголья, забирались в глухие чащи, куда жители Гутра не ходили сроду (после этого Дерек немного загордился).

Потом были лунные ночи на благоухающих цветами лугах, ночи мечтаний и томлений, ибо до Ночи Диких Цветов Эйна не позволяла себя даже поцеловать. Это тогда Дерек сказал, что заберет ее на край мира... К Ледяным Королевствам или в земли Магиков...

Потом она ушла из его жизни. Осенью и зимой клан откочевал в центральные части леса.

И вот Эйна снова появилась, только раньше времени. Она сама не знала, почему ее потянуло именно к нему. И почему только сейчас, когда она очутилась в комнате Дерека, ей пришла в голову мысль взять его с собой? Ведь она и не думала об этом... хотя она вообще ни о чем не думала, когда выбиралась из леса, когда подбиралась к городу и крадась по ночным улицам.

Дерек, несмотря на растерянность, все же проявил заботу. Сбегал куда-то, принес бутылку кислого вина и тарелку, где покоились очищенная луковича, сыр и краюха хлеба.

— Ты, наверное, голодна, — он смущенно поставил угощение перед девушкой-кошкой.

«Хм, все еще смущается». — Эйна тоскливо окинула яства и принялась работать зубками. Запивая нехитрую еду вином, подумала, что на продажу его папаша приберег что-нибудь получше.

— Там еще пирог должен остаться...

И снова его башмаки затопали по ступенькам.

Эйна вздохнула, а поговорить... ведь еще чуть-чуть, и она свалится с ног.

— Вот, — Дерек вбежал еще с какой-то миской. Надо ему отдать должное — хоть переоделся.

— Дерек, ты сбежишь со мной на край света?

Дерек споткнулся, покачнулся, но на ногах устоял. А вот пирогу повезло меньше. Он шлепнулся на пол и был прихлопнут башмаком, когда Дерек восстанавливал равновесие.

Она глянула ему в глаза и все поняла... Впрочем, глупо было бы рассчитывать на это. В конце концов, у него тут своя жизнь.

— Шучу я. Хоть переночевать можно?

— М-м-можно... что ты, конечно... и отец будет рад... оставайся, на сколько надо... через месяц же...

Дерек густо покраснел. «Какой же ты все еще глупый мальчишка, — подумала Эйна, — наверное, таким и останешься». А отец и впрямь встречал ее приветливо... но причина была, видать, в мехах, которые охотница Эйна приносила продавать исключительно в этот дом.

Расстраиваться Эйна себе не позволила... Попросила пару одеял и, свернувшись в уголке, свалилась во тьму тревожных сновидений...

Осенью и зимой жрицы Фиира приходили каждый месяц. Они просили у старейшин охотниц и воительниц, но старейшины гордые и мудрые, и речи их такие же, гордые и мудрые, не понять Эйне-соплячке. А жрицы красавицы, в легких черных доспехах с серебряным тиснением, длинные волосы цвета вороньего крыла, сквозь которые проглядывают кошачьи уши. Они сжимают луки, и хвосты их подергиваются, но фиирки держат себя в руках. Одна из них подошла зачем-то к Эйне, похвалила за дерзкий взгляд (разве за такое хвалят?) и, сняв с шеи нож, преподнесла ей.

— Ведь тебе он нравится? Возьми, он твой, — услышала Эйна властный голос предводительницы.

Это была правда, Эйна не могла оторвать взгляд от красивого подарка. Она потупила глаза, тайком оглянулась на недовольных старейшин, но нож взяла. Фиирка улыбнулась.

— Вот видите, ваши дочери жаждут действий. А сейчас нельзя оставаться в стороне, прикрываясь мудростью лесов, — или люди нас, или мы их!

Долго кошки клана смотрели, как жрицы Фиира черными точками удалялись, бежали, пригибаясь, пока не исчезли за заснеженными стволами деревьев — направлялись на север.

И одна из старейшин сказала:

— Это самоубийство... эльфы уже поплатились...

Утренний город встретил Эйну приветливо. Утро выдалось солнечным, и среди тесных мощеных улочек стало не так тоскливо. Мрачный варварский город посветлел и стал наливаясь жизнью. Жители города спешили по каким-то, непонятым Эйне делам, поглядывая то и дело на девушку-кошку с ножом на пее. Те, кто знал ее, махали рукой, но в разговор не вступали, ссылаясь на занятость. Ну и ладно, по крайней мере, не гонят, значит, простой люд далек до дел проклятых ярлов. Другое дело торговцы, у них могут и бирку забрать за якшанье с Детьми Леса.

Эйне люди нравились. Они забавные, всегда куда-то спешат, суетятся. Столько мыслей роняет в их голове. Вот только такие отродья, как егеря и им подобные, не дают жить спокойно. Чего им не хватает? В целом люди могут ведь быть хорошими...

Зашла в лавку старого Мутана. Она заходила сюда всякий раз, после того как распродала добычу, но цены тут... о-го-го, поэтому она просто глазела и мечтала. Ряды клинков и кинжалов, луки и арбалеты, а также тяжелый мушкет, который Мутан продавал уже второй год, как, собственно, и полный доспех, напаянный на соломенное чучело. Один раз, Эйна не удержалась и купила тетиву для лука. У них в клане умели делать хорошие тетивы, но эти, завозимые из Чертового Архипелага, были стократ лучше, перекрученные, сделанные из неведомого материала.

Сейчас в лавке было тихо, спокойно, Мутан сидел в уголке и, как обычно, что-то мастерил. Когда он увидел Эйну, то его загорелое морщинистое лицо разгладилось в улыбке. С Эйной он беседовал с радостью, в основном о лесе, много расспрашивал и всегда чем-нибудь угощал. Вот и сейчас, он заварил ароматный отвар из трав и принес сладостей.

Надо уходить из города, сегодня же, подумала Эйна... а куда?

Когда она проснулась в доме Дереха, то некоторое время просто лежала. Чувствовала себя она гораздо лучше, но вставать не хотелось. Любое движение отдавалось приглушенной болью по всему телу. Внизу, в холле был слышен тихий разговор. Дерек с отцом явно старались говорить, чтоб

не было слышно, но у женщин-кошек слух и чутье не такое, как у людей, тем более горожан.

— Ты рехнулся? Ты знаешь, что ярл Стурла объявил этих сумасбродных баб вне закона?!!

— Не этих, пап, а последовательниц культа... этого, как его... Фир... фиирс...

— Да неважно, торговать с ними уже опасно!

— Пап, но у нас правителем лорд Мотриг вроде, а не Стурла. Он нам не указ.

— Много ты знаешь, сопляк! Ну на кой она тебе сдалась? Навара с нее нет, водиться с ней опасно... Неужели влюбился? В нелюдь?

— Да нет, пап, ну как можно... просто...

— Ааа, ждешь веселой ночи? Дурак! Еще море будет девок у тебя нормальных, а не этих... Все! Никаких, пусть валит сегодня утром. Нет, вечером, как стемнеет. В беде не оставим, дадим пожрать, то да се, и хватит...

«Это всего лишь жалкие люди, слабые и никчемные, — Эйна снова не позволила себе пасть духом. — Ах Дерек Дерек, а какие слова говорил...»

Вдруг вспомнились суровые и бледные, словно выточенные из полупрозрачного камня, лица вонпельниц Фиира.

Это всего лишь жалкие люди... или они нас или мы их...

Помотав головой, чтобы прогнать наваждение, Эйна выскочила в окно, а после устроилась на крыше местного храма, где привела себя в порядок. Это обычные кошки всегда обходятся шершавым языком, а женщины-кошки носят с собой небольшой кожаный сверток со всем необходимым и никогда с ним не расстаются.

Эйна была довольна, что ее не гонят. Хотя в этом городе ей решительно не было места. Но куда идти? Одно было ясно — подальше от людских поселений, подальше от ярлов с их дружинами и подальше от фииров с их борьбой. Идти надо было в лес... Может быть, удалось бы найти другие кланы кошек, которые и слышать не слыхивали ни про какую войну.

После Мугана Эйна побродила еще по городу. Небольшая мощеная площадь перед массивными воротами замка местного лорда была пуста, стражники в стеганых куртках скучали и подозрительно впились взглядами в Эйну. От площади, вниз по склону, отходили три улицы. Та, что шла напротив замковых ворот, вела прямо на выход из города. Если же от площади повернуть налево, мимо городских казарм, то можно спуститься в бурлящий котел людской толпы — местный рынок. Если направо... ну, оттуда Эйна как раз пришла.

Три егеря поднимались как раз по средней улице, оставив где-то свою поклажу и бронящеров. Они шли без доспехов, при коротких мечях. Должно быть к замку шли. К лорду Мотригу.

Эйна сначала хотела побродить по рынку, откуда доносились гомон голосов и вкусные запахи, но неожиданно повернула, чуть не врезалась

в кого-то с ручной тележкой (бедолага в кожаном фартуке тащил крицы) и наткнулась на егерей. Их Эйна узнала сразу.

Они некоторое время стояли как вкопанные и ошалело смотрели друг на друга. Не успела звякнуть сталь вынимаемых из ножен мечей, как Эйна бросилась бежать.

— Лови воровку! — крикнул воевода. Шансов поймать кошку в тесных улочках почти не было. Она скрылась, она растворилась в серых кирпичных стенах...

Воевода заехал по уху незадачливому подмастерью, который с тележкой преградил путь доблестным егерям, и грязно выругался...

— Скамнир, быстро в замок, оповести Мотрига, Вейкк, к казармам... шевелись!..

Улицы Гутра зашевелились. Закричали женщины, заплакали дети, мужчины подобрались, хватаясь за все, что потяжелее, а то и за оружие...

...«Воровку» поймали. Поймали прямо на рынке, двое дюжих слуг знатного купца с юга.

Вокруг тут же собралась толпа.

— Что она украла?

— Это же кошка! В смысле, девушка... ну, из леса.

— Вы разве не знаете? — заголосил кто-то из-за фруктовых рядов. — Это должно быть фирика, люди Стурла, когда пришли в город, сразу оповестили о ней.

— Только вот глашатая видели в корчме, нескоро будет.

Кто-то засмеялся.

— Это же Эйна!

— Надо же, и она продается нелюдям-фирирам.

— Она и есть нелюдь, все от них, все беды от проклятых!

— Сдадим ее лорду, пусть разбираются.

— Да, может казнь веселенькая будет, а то давно уже — ни артистов, ни казни какой, скукотипца...

— Не, лорд ее к ярлу и отвезет, — снова послышалось из фруктовых рядов. — Слыхивал там же, от ихнего воеводы, я его знаю, да. Вот ее там, у ярла, веселенько и порешат, видать, кхе-кхе...

— Эх, нет, чтоб добрым людям веселье учинить...

Эйна вела себя смиренно, не дергалась, она лишь недоумевала — что это? Как же это? Вон и старый Муган стоит, тетушка Вайлла и даже отец этого придурка, Дерек. Вот развеселились, надо же...

А тетушка Вайлла, она так просила добыть печень хрякожора для больной дочери, но в ту зимнюю пору мало кто из городских охотников отваживался ходить в лес, особенно в логовище хрякожоров, что на болотах. Эйна ждалась над женщиной.

Забыли, как она отыскала заблудившихся детей той же зимой.

Теперь тетушка Вайлла звонко хохочет, тычет пальцем. Старый Муган смотрит, как не смотрел на Эйну еще никогда, презрительно.

— Люди, вы что?!! Это же я, Эйна!!!

— А ну не рышайся, — добродушно просипел держащий ее детина. Эйна без труда высвободилась от хвата неуклюжих слуг, причем один почему-то потерял равновесие, а второго Эйна ткнула кулачком в бок, как учили, и бедняга согнулся пополам.

— Убили! — заголосила Вайлла.

Толпа мигом ожила, потянулись хищные руки, но девушка с лязгом извлекла нож и медленно провела по воздуху невидимый барьер вокруг себя.

— Безобразие, стража! Почему до сих пор не позвали стражу.

— Да что же это! Разбой среди бела дня!!!

— Фиирка!

— Нелюдь, отродье...

— Стража!!! Стража!!!

— Здесь фиирка! Фиирка здесь!

— Я НЕ ФИИРКА!

— Не волнуйтесь! — это сквозь толпу пробирался воевода. — Сохраняйте спокойствие, стража сейчас будет!

— Но я же не фиирка, разве вы не знаете меня? Дядя Мутан!

Эйна подскочили к старику, забыв, что нож по-прежнему держит перед собой. Старик побледнел, но продолжал презрительно поджимать губы.

— Тетупка Вайлла!

Нож Эйна догадалась опустить, но тетупка Вайлла, жена сукнодела Кируна, грохнулась в обморок. Все вдруг разом замолчали, только слышался сдавленный крик воеводы:

— Да пусти ж ты, рожа мужицкая! А ты куда стала, корова?!!

— С ножом на людей бросается, — произнес кто-то спокойно.

— Бей ее камнями, камнями бей сучку!

— Да нету тут камней, мастер Твирг.

— А вот кому фрукты, гнилейшие фрукты, те, что не успели втюхать! — не унимались фруктовые ряды.

— Давай их сюда!

Синий в крапинку заморский фрукт попал девушке по лицу, с остальными вышло по-разному, в зависимости от меткости горожан. Эйна почувствовала, как брызнули слезы, и ничего нельзя было поделать с ними.

Ей захотелось бросить нож, сесть и заплакать. Пусть ее вяжут, пусть пинают и везут куда угодно. Но десятки оскаленных глумливых лиц вдруг вызвали волну ярости. Эйна утерлась и, пронзительно закричав, ринулась на толпу. Люди, давя друг друга, кинулись в стороны.

Улицы Гутра зашевелились. Закричали женщины, заплакали дети, мужчины подобрались, хватаясь за все, что потяжелее, а то и за оружие. Но Эйне не нужны их жалкие жизни, она вскочила на лоток, потом на деревянный тент и в следующий миг очутилась уже на крыше дома.

Это людям надо пробиваться через толпы недоброжелателей, кошки уходят крышами. А стены вокруг города так и не построили...

Воевода наконец-то пробился к тому месту, где стояла Эйна, двое слуг помогали друг другу встать, громко и непристойно жалуясь на жизнь и сетуя на фииров.

— Она направится в лес, — крикнул Экнар-воевода. — Мешочек дублонов смельчаку!

И снова бег. Пронесаясь мимо стволы деревьев, тело само ловко проскальзывает через буреломы, ноги прыгают через ручьи и ямы.

Беги кошка, спасайся. Ветви расступаются, лес ведет кошку.

Беги кошка, даже если тебе некуда бежать.

Пронзительными криками подбадривают кошку птицы-имисы, они летят над кронами деревьев — спасайся от людей, кошка.

И Эйна бежала, уже чувствуя за спиной погоню и запах голодной стали.

На опушке она остановилась вдруг и замерла. Здесь когда-то они с Дереком... Вон и вырезанные на дереве слова любви. Оскалившись, Эйна достала нож.

А сзади за щелчком взведенного курка она услышала:

— Брось нож и не двигайся...

— Неужели это дело не могло обождать, эльф вас заберет? — лорд Мотриг был высохшим старцем, одетым в старомодный камзол. Свои седые волосы он укладывал на столичный манер и несмотря на постоянное брюзжание отлично держался в седле породистого ящера. — Вы оторвали меня от обеда, маринованные имисы со специями под грибным соусом... проклятье!

— Чертовку надо поймать и отвезти ярлу, — мрачно буркнул в бороду воевода.

Они заехали вглубь леса порядочно. Псаря понукали собак, а позади них, осторожно ступая, шли гвардейцы лорда Мотрига, в чешуйчатых панцирях и в гребенчатых шлемах, с короткими копьями наперевес. Гвардейцы растянулись цепью. Гарнизонных же стражей так и не удалось выгнать из казарм, когда те узнали, что придется забираться в глубину Дравемора, да еще и в погоню за фииркой. Хотя, надо отметить, и гвардейцы были не в восторге, Вейкк и Скамнир тихо посмеивались, глядя на их встревоженные лица.

— Далось вам эти кошки! — лорд Мотриг страдальчески воздел глаза к небу. — Неужели вашему ярлу больше нечем заняться? Я давно предлагал собраться в поход на северных кобольдов. Ваши егеря и стрелки, моя гвардия, ведь это сила! Мы могли бы хорошенько пожить.

— Пока Корона получает письма, что по лесу шныряют эти отродья фиир, мы можем быть спокойны за наши рудники, не так ли? Или вам мало воинской славы? Пока мы, егеря, прочесываем лес и уничтожаем нелюдей, ваш пост остается за вами. Забыли?

Рот лорда Мотрига сузился в кривую полосу. Не забыл. Но мало приятно это слышать. А воинской славы ему и впрямь было мало. Уже

лет двадцать он прозябал в этой дыре, куда назначила его корона наместником, и только рудники немного грели душу. Но это было все не то. Разбогатевав, он приобрел себе отличные доспехи и снаряжение для боевого ящера, но что проку? Он так и видел себя в роли великого полководца, который покоряет дикие земли под сенью своих знамен, а воины кричат: «Слава Мотригу!» Зависеть от этого ярла Стурлы, чье происхождение было не таким древним и славным, было мучительно для тонкой души родовитого рыцаря, чей род восходил к Аэрлингам.

Восторженно залаяли собаки, псари протрубили два раза — след взят!

— Лорд Мотриг, оставайтесь с гвардией, а мы поскачем.

И три егеря, издав гортанный клич, помчались, проламываясь через ветви.

— Зачем нам этот старый хрыч? — кричал Вейкк. — Нам хватило бы ловчих и псарей.

— А пусть будет при деле, нечего ему имисов трескать, когда мы в трудах, — поучал Скамнир.

Впереди показался просвет, лес заканчивался.

Вдруг снова протрубил рог, на этот раз протяжно.

Неужели взяли? Так быстро...

Они въехали на опушку и увидели связанную кошку. Даже не связанную, а будто спеленатую веревками. Бояться, стервы (воевода тихо хмыкнул в бороду). Псари в медных шапках с трудом сдерживали собак, а какой-то малый, со здоровенным мушкетом, сиял как начищенная монета.

Егеря были разочарованы, но вместе с тем вздохнули с облегчением. Теперь можно в родные чертоги, где они смогут себе позволить пиво, мед и мяса, сколько влезет.

К ним подъехал ловчий.

— Взяли, милсдарь, взяли сучку.

— Так быстро?

— Без этого шустрого парнишки пришлось бы повозиться. Приходим, а он тут как тут, держит чертовку на мушке.

— Кто таков?

— Из местных, сын лавочника. Говорит, что любит охоту. Он, похоже, единственный, кто откликнулся, остальные горожане наложили в штаны, хе-хе.

Воевода спешил и подошел к парню. Отстегнул обещанный за поимку фиирки мешочек с серебром.

— Держи, заслужил, — ухмыльнулся воевода, но взгляд его всегда был колючим. Парень поежился.

— Господин, лучше возьмите меня на службу. Я стреляю хорошо и обучен жизни в лесу. Мой отец хочет прирастить меня к торговле, но это не по мне. Я слышал, ярл Стурла набирает стрелков.

— Клянусь молотом, мне по душе твои слова. Бранный труд навсегда

лучше торговли побрякушками. Но учти, служба не мед. Эй, ловчий, чей у тебя ящер, твой?

— Нет, милсдарь, из конюшен моего лорда.

— Отдай мальчугану. Тебе он будет нужен, парень. Таскаться с этой штуковиной тяжело.

Ловчий обомлел, так и стоял в нерешительности, теребя серебряный кулон, пока воевода не забрал у него поводья.

— Ваш лорд не будет против, — и воевода пристегнул кошель к поясу, довольный, что он остался при нем.

Скамнир схватил Эйну и перекинул через спину ящера.

— Вперед, — крикнул воевода. — Прямо в замок!

Три егеря и новоиспеченный стрелок поскакали, бросив ловчего с собаками и псарями. Дерек (а это был он) с трудом держался в седле, но, стиснув зубы, продолжал скакать за дожими воннами, бряцающими кольчугами. Повелению чешуйчатой зверюгой с рогом во лбу он был не обучен, ящера за повод вел Вейкк. Глаза Дерекы были сумасшедшими, еще бы — столько событий за короткий срок. А теперь, когда судьба улыбнулась ему... Что скажет отец, когда узнает?

Ночь застала их на горном перевале, до замка было полдня пути.

— Хей, кажись, оклемалась, а ты снова боялся.

Трое егерей пили из большого рога у костра, а Дерек собирал хворост. Ездоковые бронящеры фыркали где-то поодаль.

— Фиры, демоновы отродья...

Воевода выплеснул остатки пива в костер.

Эйна промолчала. Как она устала повторять, не фирика она.

— А может, все-таки покормим эту кошку?

— Не дури, Вейкк. Ты уже давал ей пить в прошлый раз.

Скамнир и Экнар-воевода невесело засмеялись.

Поужинав, люди легли спать. Первый дежурил воевода, Дереку дали вторую смену, одну из самых тяжелых.

Люди видели сны. Дерек спал беспокойно, он уже видел себя в новой волнующей его роли — стрелок ярла. Скамниру снились знойные красавицы юга, а Вейкк спал без снов.

Кошка смотрела на звезды и неожиданно провалилась во тьму...

Лес. Бесконечный, заснеженный. Тихо идет снег, тишина кругом такая, что аж уши закладывает.

Слышны только скрип снега под ногами и ленивые крики ворон.

— Фирам сами демоны помогают, — вдруг раздался грозный голос седобородого егеря.

Эйна побежала.

— Стой, дитя. Ты не убежишь от себя.

Второй голос был приятный. Это кто-то из эфрии.

И шепот кругом, непонятно откуда.

Эйна бежала.

— *Слушай голос крови, слушай голос крови...*

Дорогу ей преградил Дерек.

— *Ночь Диких Цветов, ха!* — *и он плюнул ей вслед, когда она кинулась бежать обратно.*

— *Это всего лишь жалкие люди, слабые, низкие... Люди — это скот, — это был снова шепот тысячи голосов.*

Эйна увидела старейшину, она была в крови.

— *Безумие, эльфы уже заплатились...*

Дальше бежать не хотелось. Впереди догорало ее селение.

Жалкие, жалкие люди. Или они нас, или мы их.

Шепот тысячи голосов.

Она очнулась, словно ее окатило ведром ледяной воды. Небо сверкало от звезд, пронзительно пели сверчки.

«Люди... люди вовсе не забавные. Сколько пришлось вытерпеть, чтобы это понять. Ведь я не сделала ничего плохого им. А меня гнали, меня преследовали, хотели убить... И сейчас везут, чтобы убить. Казнить на глазах таких же самых, как и в Гутре людей. Таких же, которые спешат по делам, приветливо здороваются, приглашают в гости. И эти милые и забавные людишки, будут глазеть на фокусы какого-нибудь знаменитого палача, шелкая орешки и треская пиво. Детей приведут.

Ведь я просто охотница. А только и слышишь — фиирка, фиирка! Фиир, забытый бог Дравемора, что жаждет людской крови.

Говоришь им, говоришь — я не фиирка. Или, может...

Как красивы были жрицы, ведь я влюблена в них, ведь я хотела быть, как они. Быть, как они!!! О Боги, а что, я и вправду фиирка, и создана убивать. Убивать этих жалких скотов...»

...Дерек сидел у костра, чистил мушкет. И хотя мушкет уже давно блеснул, Дерек тупо глядел в костер и продолжал это занятие.

— Дерек, Дерек, — услышал он голос Эйны и вскочил. Эйна говорила тихо, почти не слышно, но Дерек смотрел на нее так, словно она застала его врасплох криком.

— *Ведь скоро Ночь Диких Цветов. Ты забыл, Дерек?*

Дерек медленно сел, соображал.

— А я одна, я связана, и никто не придет мне на помощь. Мне так нужно твое тепло, твоя любовь. О, Дерек!

Парень осторожно отложил мушкет и тихонько подполз к пленнице.

— Дерек, неужели ты забыл меня?

Дерека била дрожь. Ладони его взмокли, а глаза заблестели. Юноша подумал, что если развязать ее частично, то она не убежит.

И он достал нож, ее нож, без гарды, с короткой рукоятью и с загнутым на конце лезвием...

Вейкк смотрел, как демон приближается к нему. Он проснулся первым,

когда всхлипнул мальчишка, девушка-кошка держала ему рот, пока тот дергался и сучил ногами. А Вейкк видел это все, как в страшном сне, и так же, как в страшном сне, он не мог пошевелиться.

Видел как спокойно умер Скамнир, дернувшись раз. Как закричал воевода, он уже проснулся, когда нож кромсал его. Умер быстро.

И теперь демоница шла к нему.

— Стой, ты же из мирной деревни охотников, стой!!! — голос Вейкка сорвался на крик.

Нож тускло сверкнул.

— Я фиирка, помнишь, человек?

— Нет же, нет, все фиирры перебиты. Еще зимой! Мы распяли их предводительницу.

— Ты умрешь, лежи спокойно, человек.

— Стой, вы не созданы убивать, стой. Я знаю, вы же не такие на самом деле. ВАС НЕ ДЛЯ ТОГО СОЗДАВАЛИ! Стой!!!

— Я фиирка...

Перед тем, как нож коснулся его шеи, он заговорил тихо-тихо.

— Не было никаких фииров, пойми. Их придумал наш ярл, так было надо! Я не знаю, как появились эти отряды, не знаю, ведь Фиир забыт... О Боги! Мы сами их создали, мы гнали кошек вглубь леса, вешали, жгли... Не убивай меня!!! Я ничего не имею против вас, против тебя... Я выполнял приказы...

— Ну-ну, такой большой взрослый мальчик, а плачет, — она погладила его по щеке. Его зовут Вейкк, вспомнила Эйна. Глаза цвета стали...

Вейкк ошалело смотрел, как девушка-кошка отошла от него, спокойно вытерла нож...

Фиирка собрала необходимые пожитки, среди нехитрого скарба егерей Эйна нашла охотничий лук.

Она направилась к лесу, в сердце Дравемора. Любому *человеку*, которого она могла встретить, грозила смерть — неважно, ребенок это, старик или девушка.

Эйна оглянулась туда, где догорал костер и в прострации сидел седой мальчик. Она была даже немного благодарна этим людям. Ведь люди помогли ей познать свою истинную суть. Теперь она, как и собиралась, найдет кошек, не знающих о войне. Может, она даже станет верховной жрицей и приведет отряды фииров сюда...

Ноябрь 2009

КАТЕРИНА КОРОЛЕВИЧ

ТОРГОВЦЫ КОНИНОЙ

Каждый раз, когда звонит телефон, я ощущаю охотничий азарт.

Лестер берет трубку, произносит традиционное: «Компания «Холодное блюдо», к вашим услугам», потом некоторое время слушает, кивает, а я пытаюсь понять — что на этот раз?

Это может быть что угодно. Человеческая фантазия воистину безгранична.

За моим правым плечом сопит Кэти. Раньше Кэти сама отвечала на звонки — у нее приятный голос, низкий, чуть хриплый. Если не видеть ее лошадиную морду, то можно заслушаться и нафантазировать себе тако-го... Но потом Мэрдок сказала: нахрен, у нас не бордель, нам нужны заказы, а не стояк у клиента. И посадил на телефон Лестера. Кэти сначала психовала, потом смирилась. У Лестера отлично получается: сухо, по-деловому. Клиентура растет, Мэрдок доволен — значит, у нас есть бабки.

Пока Лестер снимает с клиента предварительную инфу по телефону, Кэти придвигается ближе, губами задевает мое ухо и шепчет: «Рич, как ты думаешь? Слив? Или родимчик?» Кэти хочет, чтобы был слив. Сливками у нас занимается она. Фотографии, сплетни, документы — все, что может задеть, унижить, расстроить, как-нибудь зацепить. Никакого физического воздействия. Кэти даже горшок с геранью бить не станет — не ее сфера деятельности. Она рассыпает по столу фотографии, на которых жертва без труда опознает свою единственную любовь в объятиях знойной красотки, двумя маникюренными пальчиками протягивает копию миллионного завещания, в котором жертва не указана, скучным голосом сообщает, что компания, в которую жертва вложила все свои сбережения, сегодня утром объявила себя банкротом.

Кэти тащится от всего этого. Она наркоманка, вампир, вечно голодный греmlin, пожирающий отчаяние и душевную боль. Я готов отдать руку на отсечение и свою премию в придачу, что когда-то ее нехило заделали — вот так же дали по башке, а она стояла посреди своей чистенькой кухоньки, некрасивая и несчастная, и разевала рот, пытаюсь смириться с тем, с чем смириться не могла. Бабах — никаких пистолетов и бейсбольных бит, — но твоя жизнь разрушена, твое сердце разбито, твоя душа оплевана, а человеку, стоящему напротив, нет до этого никакого дела, он скучает и хочет поскорее свалить и выпить чашечку кофе.

Не правда ли, завораживает? Конечно, если это ты стоишь напротив и хочешь кофе, а не наоборот.

Родимчик могут поручить и мне, и Лестеру. Может и Майер поехать, он не из капризных, а Мэрдок не любит поручать ему родимчики. Майер как-то напортил. Он у нас весельчак и шутник, чтоб вы понимали. Нужно было размалевать дом жертвы черной краской — кресты, свастики, побольше похабщины, — так Майеру этого показалось мало, и он на весь фасад изобразил Порки Пига, этого чокнутого заикающегося свина из Warner Brothers, и подписал: «Вот и все, ребята!» Очуметь шуточка, да? Я подозреваю, жертва от вида мультяшного мудака охренела больше, чем от свастик, но клиент был недоволен — это еще слабо сказано, он рвал и метал, и грозился затаскать нас по судам. Тогда Мэрдок сказал ему: чувак, ты вообще соображаешь, что заплатил нам за вандализм? Майер-то сядет, без вопросов, но и ты, зайка, не выскочишь.

Они вообще не очень-то соображают, во что ввязываются. По крайней мере, не все. У нас крыша железная, из тех, что не течет. Официально мы занимаемся только сливами, за которые отвечает Кэти — не слишком этично, но не противозаконно. Клиенты как-то забывают, что львиная доля их заказов — уголовщина, и если запахнет жареным, Мэрдок сдаст их с потрохами. Мэрдок, собственно, и так обязан сдавать кое-кого — железобетонную крышу надо подмазывать, чтобы она и дальше защищала нас от кислотных дождей правосудия.

В общем, родимчик, скорее всего, мой или Лестера, но если что-то особо неприятное — поеду я. Не очень-то хочется, но Лестер после того случая с распятой собакой никак не оправится. Там клиент был полный псих: хотел, чтоб спаниеля жертвы приколотили к двери сарая. Обязательно живьем, заранее придушить было нельзя. Майер такие штучки обожает, но его как раз не было на месте. Я про себя не знаю — смог бы я вот так? Лестер смог, он очень серьезно относится к своим обязанностям. Настоящий профессионал. Но лицо у него было, когда он вернулся... Не знаю, как он спал в ту ночь, и не снились ли ему дохлые собачки. Много дохлых окровавленных собачек.

Так что Лестер, если что, не поедет. Только если какое-нибудь мелкое хулиганство — вылить в раковину коллекцию марочных вин, расколотить зеркало викторианской эпохи, погромсать подлинник Моне... Когда в прошлый раз поступил такой заказ, Лестер у нас еще не работал, и дело поручили Майеру, а он взял меня с собой — сказал, что нет ничего прекраснее, чем поганить вечные ценности. Чувствуешь себя демиургом наоборот, сказал тогда Майер, разрезав холст крест-накрест. Он у нас интеллектуал, душечка-Майер.

Телефон зазвонил в половину десятого утра, Кэти как всегда маячила у меня за плечом, сопела в шею, и мне хотелось, не оборачиваясь, вмазать ей по лицу, потому что она меня задрала нечеловечески, если честно, наша

маньячка Кэти со страшной вытянутой рожей. Мне иногда кажется, что она ко мне равнодушна — только потому, что я не послал ее на хер в первый же день работы на Мэрдока, как это сделал Майер. Лестер ее не интересует, он у нас человек дела, прекрасный исполнитель, но занудный и вялый, как снулая рыба, на него может сделать стойку только газонокосилка. А вот я бы, кажется, Кэти устроил, она во мне чувствует родственную душу, хоть мы почти не общаемся.

— Кэти, — сказал я негромко, сразу после Лестероваго «Холодное блюдо-к-вашим-услугам», — отвали. Не пыхти на ухо.

— Пошел ты, — отозвалась Кэти обиженно, но отодвинулась.

Лестер слушал и кивал, как всегда. Я не знаю, какого черта он кивает — клиент все равно его не видит. Майер как-то сказал, что, кивая, Лестер утрясает информацию в башке, чтобы она не скапливалась возле ушей, а равномерно распределялась по черепной коробке.

— Хорошо, — кивнул Лестер. — Я понял вас. Да, без проблем. Да, мы с вами свяжемся в ближайшие два часа и обговорим подробности. Спасибо за звонок. Хорошего вам дня.

«Мы свяжемся» — это значит, Мэрдок свяжется. Значит, дело из тех, которые без одобрения Мэрдока брать на себя не стоит. Кэти у меня за спиной вполголоса выругалась: не слив. Слив бы Лестер сразу взял, без согласования с боссом. Наверное, все-таки родимчик. Какой-то особенно мерзкий, судя по всему.

Я уже был готов ехать к черту на рога кромсать чужих собак, когда Лестер, положив трубку, поднял на нас глаза и сообщил ровным голосом:

— Мокрое дело, ребята.

Кэти коротко вздохнула. Мокрое дело — это у нас большая редкость. Мы не под то заточены, это не наша работа. Нанимать нас в качестве киллеров не выгодно: мы стоим очень дорого. У нас специфика — ударить больнее, уязвить, устроить из расправы шоу для клиента. Мы сервируем стол холодным блюдом — если верить Мэрдоку, именно такая месть слаще всего. Босс не принимает заказ на убийство, если не знает его причину. «Если вам нужен киллер — вы не по адресу, — говорит Мэрдок в трубку. — Мои ребята, если угодно, художники, а не какие-нибудь бандиты».

Это он заливает, наш дорогой Мэрдок. Лестер — не бандит, и Кэти, конечно, тоже, а вот Майер до работы на «Холодное блюдо» болтался в местной банде, где его изобретательность и чувство юмора не нашли должного применения. Что касается меня, то я попал к Мэрдоку под крылышко сразу после тюрьмы, куда загремел за попытку убийства. Та еще компания, если задуматься. Мэрдок не берет к себе кого попало. Я не знаю, кто ему так досадил, что босс решил мстить всему человечеству, но команду он себе подобрал под стать: психованная баба, обиженная на всех, кому в жизни повезло больше, чем ей; веселый и злой разгиляй, у которого нет ничего святого; исполнительный извращенец, искренне считающий, что

таким образом он вершит правосудие; несостоявшийся убийца, подменивший свою месть множеством чужих.

Я уверен, Мэрдок знает о нас все или почти все. Люди с темным прошлым ему в «Холодном блюде» не нужны. Так что он, конечно, в курсе моей истории с Самантой.

Я не убил ее не потому, что испугался или рука не поднялась. Мне помешал ее белообрый хахаль, тот самый, с которым я их застукал. Дуло пистолета уже упиралось Сэмми в нос, рука моя не дрожала, больше всего на свете я хотел разрядить обойму в ее опарашенную рожу. Но тут этот красавчик очухался, наверное, я огрел его по башке не так сильно, как мне казалось, или черепная коробка у него была чугунная. Он толкнул меня. Не вставая с пола, ухватил за лодыжки и боднул головой под коленки. Я устоял на ногах, и снова огрел его рукояткой пистолета — дважды, для верности. На этот раз я сломал ему нос, и он на самом деле отключился. Но пока я возился с ним, Сэмми пришла в себя и смоталась, а потом пришла полиция, и дальше все покатило по накатанной: пистолет на пол, руки за голову, вы имеете право на адвоката, и так далее, вся эта обычная фигня. Мне повезло и с адвокатом, и с присяжными (уверен, среди них был по крайней мере один мужик, заставший свою бабу в койке с каким-нибудь хреновым бейсболистом или инструктором по плаванию), потом мне хватило ума вести себя панькой и заработать досрочное освобождение, а через месяц после выхода из тюрьмы меня нашел Мэрдок и предложил работу.

«Возможно, — сказал Мэрдок, — иногда придется убивать. Таких заказов немного — в основном клиент предпочитает отомстить жертве так, чтоб она подольше жила и мучилась, но это случается. Ты должен знать об этом заранее, Ричард». Мэрдок называет всех только полными именами, никаких «Рич» или «Ричи». И он не спросил меня: «Сможешь ли ты убить, если потребуется, Ричард?» Он просто сказал: «Ты будешь убивать». Так что я считаю, что он знал. Знал, что я бы разрядил ствол в рожу этой твари, если бы мне не помешали.

Мокрое дело действительно попадает нечасто. Иногда едет Майер, иногда я. И если для Майера убийство — такое же развлечение, как и все остальное, то я просто выполняю свою работу.

Понимаете, когда вы направляете пистолет в лицо женщине, с которой прожили три года, и точно знаете, что можете спустить курок — это заставляет кое-что переосмыслить. Вы внезапно осознаете, что убийство — такая же часть жизни, как и все остальное, и если можно выстрелить в женщину, которая что-то для вас значила, то уж замочить какого-то левого придурка становится плевым делом.

Иногда это пистолет, иногда удавка, иногда яд, иногда что-то еще. Раз или два за все время клиент хотел кое-что покруче — нечто вроде того злосчастного спаннеля, если вы понимаете, о чем я. За такую работу я

не брался, это может делать только Майер. Кэти считает, что Майер полный псих и маньяк, я раньше тоже так думал, но потом понял, что он абсолютно нормален. Просто Майер, видимо, знает о себе нечто такое, что позволяет ему творить любые зверства и оставаться «в здравом уме и твердой памяти». Примерно, как я — после своего сакрального прозрения с Сэмми не вижу ничего дикого в убийстве.

В этом, как я понимаю, и заключалась идея Мэрдока, когда он организовал компанию. «Не все способны дождаться, пока блюдо остынет, Ричард», — как-то сказал он. Мы пили пиво в баре, и у Мэрдока под пиджаком остывал браунинг PRO-9, который он за несколько минут до этого разрядил в голову одному модному хлыщу в соседнем здании. Перед смертью хлыщ вылизал Мэрдоку ботинки, отрубил себе палец топориком для колки льда и задушил свою кошку, а я снимал все это на видео, чтобы предоставить запись клиенту. «Люди не могут сдержать свою месть, она рвется из них, как дерьмо при недержании, и все выходит глупо, неэстетично... и часто дурно пахнет. — Мэрдок рассмеялся. — А мы можем сделать из мести произведение искусства, то есть то, чем она и должна быть. Мы подаем клиенту блюдо, которое он сам для себя приготовить не в состоянии».

Майер говорит проще: «коннина». «Единственное мясо, которое лучше жрать холодным, это коннина, Рич, говорю тебе точно. Я пробовал. Так что мы идем и отрываем голову бедной лошадке, а потом приносим ее клиенту на блюде, как Крестный отец, и это то предложение, от которого невозможно отказаться». Я уже говорил, Майер у нас начитанный интеллектуал.

Однажды, когда Лестера не было в офисе, зазвонил телефон. Я взял трубку, и трубка приятным мужским голосом попросила меня принять заказ на убийство некоего Майера Богтза. Я тогда не знал фамилии нашего Майера, но как-то сразу понял, что речь идет именно о нем, а не о ком-то левом.

Как только я, получив всю необходимую информацию, положил трубку, потенциальная жертва ввалилась в комнату и потребовала рассказать, кто звонил.

— Клиент, — сказал я.

— Родимчик? — лениво поинтересовался Майер.

— Мокрое, — сказал я.

Майер оживился:

— Рич, я беру! Мне срочно нужно бабло, Мэрдок в долг не даст, а за мокрое нехилый процент.

— Не выйдет. — Я покачал головой. — Без одобрения Мэрдока мы мокрое не берем, и кроме того, это дело тебе никак нельзя поручить.

— Охренел, котик? Мне можно поручить все, включая изнасилование монахини с последующим расчленением. Кого заказали?

— Тебя, — честно ответил я.

— О. — Если удивление на лице Майера и промелькнуло, я этого заметить не успел. — И что ты сказал?

— Что Мэрдок свяжется с ним в течение двух часов.

— Класс!

— Я знал, что тебе понравится.

— Когда Мэрдок будет ему звонить, позови меня. Я хочу бесплатный цирк.

Цирка не получилось: Мэрдок вежливо объяснил клиенту, что заказ не примет, и на этом разговор закончился. Босс может быть весьма убедительным.

Затем Мэрдок аккуратно опустил трубку на рычаг, обернулся и протянул Майеру листок с координатами.

— Если есть желание сервировать стол самому себе — вперед. Думаю, тебе не надо напоминать об очевидных вещах. Выжди хотя бы неделю.

— Обижаетесь, босс, — ухмыльнулся Майер, пряча листок в карман рубашки. — Я приду к нему через месяц. Сделаю себе подарок ко дню рождения.

— У тебя день рождения через месяц? — спросил Мэрдок. — Тогда с меня алиби. В качестве подарка.

В день своего рождения Майер пригласил в офис ящик пива и вино для Кэти, и мы отмечали часов до двух ночи. А потом, когда все разошлись, мы с Майером шли по темной загаженной улочке без единого фонаря. Я хотел спросить, как дела у того мудака, но не успел, потому что дома по левую руку закончились, начался пустырь, Майер развернул меня за плечи и указал пальцем на дерево в двадцати шагах от нас.

— Ого, — сказал я. — Боссу придется попотеть с алиби.

— Фигня, — сказал Майер. — Там ни отпечатков, ничего. С точки зрения обывателя — кошмар и зверство, а с точки зрения правосудия — хрен кого поймаетесь.

— Но вверх ногами-то зачем? — спросил я.

— Да просто так. Ему пофиг было, он к тому моменту уже откинулся.

— Ну и ладно, — сказал я. — С днем рождения, Майер!

В общем, Майер у нас, как вы поняли, безотказный профессионал, но в то утро, когда Лестер сообщил нам об очередном мокром деле, Майер как раз был на выезде. Насколько я понимаю, он решил совместить приятное с полезным или, скорее, приятное с приятным: навестить свою мать в Омахе и отработать очередной родимчик, который Мэрдок ему все-таки доверил. Заказ был в духе Майера: ванна с кровяницей, коровьи кишки на ветках, что-то в этом роде. Бедные фермеры. Майер никогда не работает вполсилы.

— Когда дэдлайн? — спросил я.

— Не поверишь — сегодня.

— Классно, еще и надбавка за срочность. Лестер, я возьмусь. Если Мэрдок одобрит, я поеду. Там, надеюсь, не расчлененка? Я недавно позавтракал.

— Нет, все чисто и аккуратно, как ты любишь. — Лестер пробежал глазами листок с вводной. — Лиза Коллинз, 25 лет, Нью-Джерси, Мэдисон стрит, 17, живет одна. Фото нет, но ты не ошибешься: у нее короткая стрижка всех цветов радуги. Пистолет с глушителем, тело не трогать. Предсмертный текст, ничего особенного — «недостойна жить», «это тебе привет от Майкла», бла-бла-бла, все как обычно... короче, скукота.

Я хотел ему напомнить о нескучном спаниеле, но сдержался. Только повторил:

— Если босс примет, заказ за мной.

Мэрдок принял. Он вообще в тот день был благостен и добродушен. Пообщавшись с клиентом с четверть часа (я терпеливо ждал за дверью кабинета), босс пригласил меня войти, протянул листок с подробными инструкциями и сказал:

— Удачи, Ричард.

А затем похлопал меня по плечу.

— Босс, — удивился я, — с чего вдруг такая торжественность? Обычное дело, рутинка, можно сказать.

Мэрдок как-то странно на меня посмотрел, затем ухмыльнулся и сказал:

— Конечно, ты прав.

И добавил:

— Как только вернешься, сразу же зайди ко мне. Хорошо?

Я кивнул, попрощался и вышел из кабинета, окончательно сбитый с толку.

... чтобы через четыре часа ввалиться к Мэрдоку без стука, с дикими глазами, безуспешно пытаясь хотя бы выглядеть спокойным.

Мэрдок поднялся из-за стола, отложил книгу, которую читал, и спросил, едва заметно улыбаясь:

— Как прошло твоё *обычное дело*, Ричард? Без осложнений?

Я хотел сказать: «Мэрдок, мне в голову не могло прийти, что она сменит имя! Ее так и не нашли, я думал, она свалила куда-то в Мексику, или хрен знает, куда. А она оказалась в Нью-Джерси! Она просто сидела там все это время, трахалась с дальнобойщиками, курила травку и... не знаю, поганила свои волосы. У нее патлы, как у попугая. Идиотизм. Она даже не спросила, кто пришел, просто распахнула дверь. Она меня сама впустила, Мэрдок, ты представляешь? Наверное, не сразу узнала».

«Она постарела, — хотел сказать я. — Выглядит лет на сорок, наверное. Выглядела. Страшная баба в драном халате, тощие ноги, патлы эти безумные... О, черт. Я представить себе не могу, что когда-то любил ее».

Вместо этого я опустился на стул возле двери и сказал глухо:

— Мэрдок, я ее убил. Сэмми. Поднял пистолет и выстрелил ей в лицо. А она не пыталась убежать.

И больше я ничего сказать не мог. Потому что до сих пор видел, как она падала. Сэмми медленно подалась назад, будто отпугнулась, испугавшись

меня, а из дырки над ее переносицей сочился бурый ручеек, заливая лицо, подбородок, застиранную ночнушку...

«Ты недостойна жить, — сказал я в тишине прихожей. — Это тебе привет от Майкла».

— Хорошо, — сказал Мэрдок. Он вышел из-за стола и теперь стоял напротив, но я продолжал изучать свои руки. Они уже почти не дрожали.

— Хорошо, — повторил он, и голос звучал непривычно мягко. — Для первого раза.

И я вдруг вспомнил, как Мэрдок провожал меня сегодня. Он знал, что меня ждет. Откуда-то знал. Я вскинул голову и посмотрел на него, хотел спросить: «Какого черта? Какой «первый раз»? Что вообще происходит?» — но так ничего и не сказал.

Босс открыл стенной бар, плеснул нам обоим коньяку.

— Мы продаем мечь. — Мэрдок задумчиво поднес бокал к лицу и посмотрел на меня сквозь маслянистые потеки на стенках. — Наш товар сродни хорошему вину: чем больше выдержка, тем лучше. Мы профессионалы, Ричард. Отстраненность, хладнокровие, точность исполнения. Мы с тобой когда-то об этом говорили.

Я кивнул и отпил из своего бокала. Коньяки у босса только самые лучшие, но вкуса я не почувствовал.

— Искусство мести не допускает вовлеченности, — сказал Мэрдок. — Красота момента доступна лишь тому, кто смотрит со стороны. Наблюдателю, а не участнику. Ты понимаешь меня?

Я понимал. Разноцветные, торчащие во все стороны немые волосы как будто отпечатались у меня на сетчатке. И глаза Сэмми, когда она меня узнала.

Мэрдок поставил свой бокал на край стола и улыбнулся.

— Ты научишься, Ричард, — пообещал он. — Для первого раза ты неплохо справился, дальше будет легче.

Я хотел спросить, что он имеет в виду, но передумал, и вместо этого залпом осушил свой бокал.

Когда Мэрдок наливал мне еще, я заметил, что моя рука больше не дрожит.

В следующий раз ее звали Марси.

В определенный момент просто перестаешь удивляться.

Я хочу сказать: когда невозможные вещи происходят постоянно, рано или поздно они становятся обыденностью.

Я прихожу на работу, здороваюсь с Лестером, Кэти и Майером (когда он есть), иду на кухню, завариваю себе кофе. Возвращаюсь в комнату, беру утреннюю газету и устраиваюсь в кресле, закинув ноги на стол. Кэти щелкает по мобильному, красит ногти, разгадывает кроссворды или раскладывает на ноуте пасьянс. Лестер читает книгу, обычно какой-то детектив. Майер играет в дартс: мишень висит рядом с дверью в кабинет Мэрдока, что для Майера является дополнительным источником веселья.

Все мы ждем первого телефонного звонка.

Иногда это слив, и тогда счастливая Кэти, поправив прическу перед зеркалом, отправляется рушить чужие судьбы. Иногда это родимчик, и тогда Лестер или я, прихватив все необходимое, спускаемся в гараж, где стоят несколько машин, принадлежащих компании; их регулярно перекрашивают и меняют номера. Иногда это мокрое дело, требующее крепкого желудка и отсутствия брезгливости, и Майер, одарив нас напоследок кровавой улыбкой, сдергивает с вешалки свою кожаную куртку и спускается по лестнице, насвистывая «When the Saints Go Marching In».

Иногда это она.

Мне кажется, в последнее время я научился предчувствовать. Лестер поднимает трубку, его лицо ничего не выражает — Лестер вообще мастер играть в каменную рожу, — Кэти как обычно сопит у меня над ухом, а я уже знаю: это мой заказ. Это Сэмми.

Разные адреса, дома побогаче и победнее, китайский квартал или Статен-Айленд, кодовый замок или фанерная дверь, которая открывается от пинка. Каждый раз ее зовут по-новому, она чуть иначе выглядит, и убивать ее следует в соответствии с очередной инструкцией. Но это всегда она.

Иногда Сэмми узнает меня сразу, иногда нет. Иногда пугается, иногда с насмешкой смотрит мне в глаза.

Каждый раз я делаю все, что от меня требуется. Я убиваю медленно или быстро — в зависимости от пожеланий клиента. Не прикасаюсь к телу или расчлению его. Вырезаю крест у нее на лбу или переодеваю ее в свадебное платье. Оставляю тело в квартире или вывожу за город, чтобы сбросить в реку.

Все это не имеет значения. Потому что самое главное остается неизменным: я не могу отрешиться от происходящего. То, о чем твердит Мэрдок — невовлеченность, хладнокровие, позиция наблюдателя, — кажется простым, понятным и несложным, пока я не встречаюсь глазами с Сэмми.

Как только это происходит, холодность и отрешенность сползает с меня, как змеиная кожа. Я не могу быть просто наблюдателем, я хочу уничтожить Сэмми. Именно я, именно ее. Мне кажется, даже семь лет назад, когда я застучал ее с тем мудаком, моя ненависть не была такой разрушительной.

Мэрдок считает, что дело в другом. «Тогда ты ненавидел Саманту за то, что она предала тебя, — говорит он, и блик от настольной лампы тонет в пузатом бокале с коньяком. — Теперь она стоит между тобой и тем, кем ты хочешь стать. Это куда более веская причина для ненависти».

Иногда я думаю, что у Мэрдока есть ответы на все вопросы. Иногда я задумываюсь, кто такой Мэрдок.

На самом деле мне не хочется этого знать.

Когда раз за разом убиваешь женщину, которую когда-то любил, или думал, что любил, когда очередная смерть становится лишь ступенькой к постижению истины...

Многие вопросы отпадают сами собой, вы понимаете.

Интересно, поднимается ли Майер по этой лестнице. И Кэти. И Лестер. ...На самом деле мне не интересно. Единственное, что важно — у меня ни черта не получается.

Когда я только начал работать на Мэрдока, меня в основном интересовали деньги. И еще я не знал, чем себя занять. Все эти пассажи про искусство и красоту мести меня не особенно занимали, я просто пропускал слова босса мимо ушей.

Теперь я понимаю. И меня бесит невозможность сделать все так, как надо.

Лестер берет трубку, Мэрдок дает добро — эта часть не меняется, — а дальше:

...я еду в Бруклин, вешаю Сэмми (сегодня — Одри Принс) на шнуре от торшера. Выйдя из квартиры, прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза, пытаюсь унять сердцебиение. Когда я затянул петлю, Сэмми дернула ногами и уронила комнатные туфли, я минут пять не мог отвести взгляд от пальцев с облезшим черным лаком.

...я еду в Квинс, убиваю Сэмми (Дебору Галлтон) ножом — одним точным ударом в живот, аккуратно разрезаю тело на части, пакую в пластиковый мешок и еще минут пять бляю в туалете, обняв унитаз.

... я еду в Балтимор, опускаю связанную Сэмми (Джоан Лерт) в ванную, затем бросаю туда же включенный фен, потом вынимаю труп, вытираю, укладываю на постель и брею налысо, при этом я спокоен, как Будда, и думаю, что на этот раз, кажется, получилось, пока не подношу к лицу прядь ее волос.

...я еду в какое-то загопье за городом, этого места и на карте, кажется, нет, усыпляю Сэмми (Келли Белдоунс) хлороформом, сажусь за руль ее трейлера, отгоняю его туда, где вообще ни одна собака не бывает, привожу Сэмми в чувство, запираю в трейлере и сжигаю заживо, и пока она орет, пытаюсь высадить дверь, я сижу между корней здорового платана и раскачиваюсь из стороны в сторону, обхватив голову руками.

...я собран, деловит и отстранен, я воспринимаю очередную смерть Сэмми (Хейди Смартс) как рутину, я готов ехать в Ньюпорт и выполнить свою работу, но Мэрдок говорит, что сегодня мокрое берет Майер, и я неожиданно встаю на дыбы, и начинаю орать, что это мое дело, пусть Майер не лезет, а Мэрдок просто молча наблюдает за мной, и я понимаю, что у меня опять ни черта не вышло.

Сколько бы раз я ни убивал Сэмми, блюдо остается горячим и никак не желает остывать.

— Мэрдок, это бесполезно, — сказал я как-то. Стоял ноябрь, скамейки в парке возле офиса были облеплены мокрыми кленовыми листьями, но на Мэрдоке был кожаный плащ, а на мне — плотные брезентовые штаны, и мы сели. — Полная фигня. Каждый раз все идет прекрасно, пока...

— Пока ты не вспоминаешь, что это Саманта, — кивнул Мэрдок. — Понимаю. Но если бы не это, все было бы совсем просто, верно?

— Откуда она вообще берется каждый раз? — спросил я. — Как ты это делаешь, босс?

— Я? — удивился Мэрдок. — Я ничего не делаю, Ричард.

Он достал из внутреннего кармана пачку «Camel». Курит Мэрдок очень редко, на моей памяти это случалось шесть-семь раз, но сигареты у него есть всегда. Наверное, для клиентов. Или для нашей «крыши»: инспектор Кракл смолит, как долбаный Курильщик из X-Files.

Мэрдок протянул мне открытую пачку, но я отказался. Не уверен, что смогу ограничивать себя, как он, а составить компанию Краклу, когда тот загремит в больницу с раком, мне не улыбается. Босс пожал плечами, сунул сигарету в рот и щелкнул зажигалкой. Мэрдок смешно курит: у него щеки втягиваются, когда он вдыхает дым. Хотя вряд ли я когда-нибудь решусь посмеяться вслух.

— Если я знаю, что происходит или что должно произойти, если мне известны факты, значит ли это, что я причастен к происходящему? Что это моих рук дело? — спросил Мэрдок, и я не нашел, что ответить.

— Для тебя это единственный способ научиться тому, чему ты должен научиться, Ричард.

— А что будет, если я научусь? — спросил я. — Я ни хрена в это не верю, Мэрдок, ты уж прости, вся затея кажется мне безнадежной, но допустим, у меня получится стать наблюдателем и стереть разницу между своей местью и чужой. Постичь искусство и научиться готовить коннину из всего подряд. Что дальше? Кем я стану? Тобой?

— Если хочешь. Почему бы и нет? — Мэрдок пожал плечами и смешно втянул щеки, затягиваясь.

Глупо звучит, но, наверное, он прав. Кем я еще могу быть?

Это как отучиться в университете четыре года, а потом сказать: «пошло оно все!», забить на журналистику и податься в хирургию.

Последние несколько лет я совершенствуюсь в искусстве холодной местии. Вы можете назвать меня идиотом, но, пожалуй, месть — единственное, что я умею делать более-менее хорошо. Считайте это моей специальностью.

Мне осталось «защитить диплом». Я не самый талантливый студент, куда мне до Майера, но Мэрдок считает, что я делаю успехи. И я начинаю ему верить.

Так что каждый раз, когда звонит телефон, я пытаюсь заглушить охотничий азарт и настроиться на рутинную работу.

Лестер берет трубку, произносит традиционное: «Компания «Холодное блюдо», к вашим услугам», потом некоторое время слушает, кивает, Кэти сопит мне в шею, а я размышляю — что на этот раз?

Это может быть что угодно. Человеческая фантазия воистину безгранична.

Это может быть Саманта.
Я знаю, рано или поздно у меня получится.

Вместо эпилога

Дом показался мне смутно знакомым, но я не придал этому значения. За последние годы я был в сотне самых разных мест, и запоминать мне давно надоело.

За забором надрывалась собака, в доме через дорогу окно было распахнуто, визгливый женский голос требовал, чтобы Альберт немедленно мыл руки и шел к столу. Проехала патрульная машина. Ближайший ко мне фонарь мигнул и погас. Момент показался мне подходящим, я вышел из своего укрытия и направился к заднему крыльцу, на ходу накручивая на ствол глушитель и стараясь не наступить ни на что в темноте.

Она выскочила мне навстречу неожиданно, и если бы не белая блузка, я бы не заметил ее сразу, и, возможно, не успел среагировать.

Я поднял пистолет и выстрелил Саманте (Фанни Браун) в лицо. Она упала навзничь.

Странно, подумал я. Куда это она собралась на ночь глядя. Летела сломя голову, и одета не по погоде.

А потом я понял, что ничего не чувствую. Я убил Сэмми, она лежит на земле, фонарь все еще не горит, с того места, где я стою, ни черта в темноте не различить, но я уверен, что на ее блузке кровь, юбка задралась, обнажив бедра, в волосах и под ногтями песок, вместо лица — кровавая маска... она мертва, я стою над ее трупом, колыт в моей руке медленно остывает, и мне совершенно все равно.

Кажется, получилось, подумал я. Спокойно, отстраненно, как не о себе. Получилось.

Это было здорово, и я захотел обрадоваться, но радости тоже не почувствовал. Только холодное удовлетворение. Вот и славно.

А потом из дома слышались голоса, и я понял, что у меня мало времени.

Я упаковал Сэмми в пластиковый мешок и запер в багажнике своей машины, а затем вернулся к дому, на этот раз со стороны парадного входа. Остановился чуть в стороне, в тени большого дерева, и стал наблюдать.

Сначала вынесли носилки; мужчина на них был без сознания. Его погрузили в скорую помощь, которая тут же уехала.

Затем трое полицейских вывели черноволосого парня в армейской куртке, джинсах и тяжелых ботинках. Его руки были скованы наручниками за спиной. Вряд ли меня можно было заметить, но на всякий случай я натянул воротник повыше, чтобы парень меня не узнал.

Ричарду Сомсу зачитали его права. Я не мог видеть лица инспектора Уикерса, но помнил, что глаза у него были сонные и пустые, как у рыбы.

Затем Ричарда усадили на заднее сиденье полицейской машины и увезли,

а я выждал еще пять минут, покинул свой наблюдательный пункт и подошел к калитке.

Свежая афиша на столбе справа от меня гласила: «Crimson Kobolds, легендарная рок-группа, 11 сентября 2004 в клубе Black Little».

Я уже говорил, в определенный момент перестанешь удивляться.

На тот концерт я так и не попал, хотя собирался.

Поднявшись на крыльцо, я замер и прислушался. Из дома не доносилось ни звука.

Сначала я решил, что мне следует войти и повторить все еще раз, на этот раз без ошибок: высадить дверь спальни, выстрелить Сэмми в лицо, затем перехватить пистолет за ствол и рукоятью сломать ее халяю нос. Именно так, а не в обратном порядке.

Но потом я вспомнил, что в доме никого нет: Сэмми лежит у меня в багажнике, белобрысого мудака увезли в реанимацию, а Ричард Соммс находится в камере предварительного заключения.

А я? Кто же тогда я?

Ответ был очевиден.

Я улыбнулся, оперся на перила крыльца. Во внутреннем кармане куртки обнаружился «Самел» и зажигалка. Наверное, я очень забавно выглядел, когда затягивался.

Зажав тлеющую сигарету между пальцами, свободной рукой я вытащил мобильный телефон. На экране высветилось время — 00:15. Поздновато для звонков. Сегодня надо закончить с Сэмми — в багажнике лопата и брезент, и я уже присмотрел небольшую рощу в трех милях от города. А завтра с утра займусь срочными делами.

Сначала я отправлюсь в частную клинику Фреда Хаммерса. Доктор Хаммерс меня, разумеется, не узнает, в 2004-м мы еще не были знакомы, но приличная сумма убедит его в необходимости срочной пластической операции. Мне не придется давать точные инструкции, достаточно изменить внешность до неузнаваемости; однако предполагаю, что отражение в зеркале не станет для меня сюрпризом. Впоследствии доктор Хаммерс и Мэрдок будут поддерживать почти дружеские отношения и по средам иногда играть в покер.

Затем следует захватить к мистеру Роджеру Юфлеру. Однажды босс познакомил меня с ним и порекомендовал как отличного специалиста, который работает в этой области более десяти лет; то есть сейчас он уже при деле. Насколько я знаю мистера Юфлера, документы на имя Ричарда Мэрдока будут готовы через несколько дней.

Еще, пожалуй, стоит приобрести браунинг PRO-9. Отличное оружие.

Через полгода я разыщу Майера Богтза. Если я верно запомнил его историю, мне предстоит вытащить его из неприятной передрыги, что автоматически обеспечит лояльность Майера до гробовой доски — его или моей. Примерно в то же время я организую «Холодное блюдо» и начну

принимать первые заказы. Кэти Миквелл примкнет к нам через месяц и станет незаменимым сотрудником. Кроме того, до появления Лестера придется посадить ее на телефон.

Инспектор Кракл выйдет на меня сам, и мы сумеем договориться. Сам по себе Кракл не представляет особого интереса, но через него можно выйти на людей посерьезнее.

Наши дела будут идти в гору, и к тому моменту, как Ричард Соммс выйдет из тюрьмы, я буду готов предложить ему приличную работу. А также самый лучший коньяк и новую религию.

Это будет предложение, от которого он не сможет отказаться.

Завтра начинается время Мэрдока. А сегодня у Ричарда осталось одно незаконченное дело.

Я затушил окурок о перила и бросил его вниз. Затем спустился с крыльца, обогнул дом и вышел в переулок, где в багажнике машины дождалось мое собственное холодное блюдо, приготовленное по персональному рецепту.

АЛЕКСЕЙ ЗАЙЦЕВ

ГРАБИТЕЛЬ

Берг стоял перед родителями, уныло потупив взор и повесив хобот. Все шесть глаз его пристыжено смотрели в землю, большой рыжий хвост замер и лежал без движения. И даже прекрасные белые клыки блестели куда менее ярко, чем обычно.

— Так как же это понимать? — говорил в это время его отец.

— Целыми днями ты бродишь по лесу, гоняешься там с сачком за детенышами птеродактилей, читаешь стишки, а о том, чтобы заниматься делом, даже и не думаешь! Ты что же, решил опозорить всю нашу семью?

Берг обиженно шмыгнул хоботом.

— В общем, мы с матерью решили, что не можем позволить тебе и дальше бездельничать и должны заставить тебя, наконец, заняться делом.

Берг испуганно посмотрел на отца.

— Ты должен пойти по стопам своих предков. По нашим с матерью стопам. Короче говоря, сынок, ты тоже должен стать космическим пиратом. И до тех пор, пока ты не совершишь своего первого космического ограбления, не сделаешь чего-то такого, чтобы мы с мамой смогли тобою гордиться, на пороге нашего дома можешь не появляться!

— Но папа! — вскричал Берг.

— Никаких «но», — отрезал отец. — Сегодня же ты отправляешься в свою первую космическую экспедицию. Мать даст тебе оружие и другие необходимые вещи. Твоя задача — стать за это время настоящим космическим пиратом, грабителем в лучшем смысле этого слова, ограбить какого-нибудь богатого инопланетного монстра и привезти нам трофей, подтверждающий, что сын наш перестал быть слонтяем.

— Хорошо, — печально согласился Берг.

Вечером он уже стоял у новенького, подаренного родителями, космического корабля. Рыжий мех его печально развевался на теплом локинианском ветру. Глаза были полны грусти и уныло глядели на высокую синюю траву, милые сердцу круглые стволы деревьев и прячущихся в голубоватой листве птеродактилей. Берг печально вздохнул, и не спеша направился к двери мерцающего на солнце звездолета.

Берг приземлился на планете под названием Руддон. Он летел без перерыва третий день и потому весьма устал от постоянного сидения

в замкнутом пространстве. Поэтому, когда звездолет приземлился на твердую поверхность Руддона, Берг был рад, наконец, вылезти наружу и размять соскучившиеся по движению когтистые лапы. Долгие скитания не принесли ему успеха. За два месяца странствий он так и не встретил ни одного достойного ограбления субъекта. Создавалось ощущение, что космос необитаем. Впрочем, правда заключалась, конечно же, не в этом. Просто Берг плохо изучил расположение обитаемых планет, траектории полетов купеческих звездолетов и все то, что было необходимо знать профессиональному космическому грабителю. Во время лекций Берг сочинял стихи, воспевая в них сидящую за соседней партией красавицу локинианку. Восхваляя ее луноподобный хвост, жемчужного цвета клыки и шесть дивных глаз, сияющих подобно ожерелью рубинов. Поэтому сейчас Берг был совершенно не приспособлен к ограблению какого-либо космического купца и ввиду этого даже не мог найти планету, на которой водились создания, которых можно было бы ограбить. Слава Богу, что дядя научил его в детстве управлять звездолетом, а то вообще получилась бы суцкая катастрофа. Вместе с тем, Берг уже порядком соскучился по родной планете и мечтал поскорее туда вернуться. Милые его сердцу локинианские золотистые закаты и пьянящие вечерние погони за детенышами птеродактилей, литературные чтения в гостиной у прелестных барышень с изящными хоботками и крохотными когтистыми лапками. Ах, как же Берг любил свою драгоценную родину! Но, к сожалению, у него был лишь один шанс вернуться туда — ограбить какого-нибудь знатного купца и привезти трофей родителям. Берг уныло огляделся вокруг. Зеленое небо неприветливо вздымалось над ним холодным куполом, неестественно-красная земля лежала под ногами.

— Ах, чужбина! — печально воскликнул Берг и грустно протрубил в свой синий хобот красивую исполненную грусти мелодию. — Впрочем, возможно, что эти скитания благотворно повлияют на меня как на поэта, — подумал он, понемногу успокаиваясь.

Спустя два часа Берг отправился на разведку. Угрюмо осматривая территорию, он, к своей печали, видел только голые безжизненные равнины.

— Ах, неужели тут так и не появится ни одного богатея, которого я бы мог обобрать?! — воскликнул он с патетикой, присущей всем настоящим поэтам. И тут судьба ниспослала ему утешение, и Берг, к своему глубочайшему восторгу, увидел неподалеку странного смешного богатея, зачем-то копающегося в земле. У богатея было две тщедушных руки, две тщедушные ноги и такое уродливое лицо, что Берг прослезился от жалости к этому причудливому инопланетянину. В голове у него возник новый божественный стих, проникнутый темой сострадания к лишенным красоты не-локинианцам, но вовремя себя остановив, Берг решил сначала ограбить инопланетянина, а потом уже предаться литературному сочинительству и состраданию. Достав из большой оранжевой

кобуры красивый зеленый бластер, он обнажил клыки и твердой поступью направился грабить богатея.

Вербов стоял перед только что возведенной палаткой и ругал себя последними словами. Звездолет, на котором он прилетел, сломался, и починить его не было никакой возможности, поскольку у Вербова отсутствовал запасной тригулярный микропроцессор. А это значило, что ему придется шататься по этой планете до тех пор, пока кто-нибудь его не отыщет. Перспектива такая Вербову ужасно не нравилась, ввиду того, что искали его не иначе, как роботы-убийцы, отправленные за ним Китано Римсом. Вербов умудрился подчистую разорить его бандитское казино, трижды поставив на красное. Роботы эти, судя по слухам, являлись мастерами своего дела и легко находили заказанных им жертв, после чего безжалостно их истребляли, либо доставляли заказчику. Ни того, ни другого Вербову не хотелось. Он прекрасно понимал, что мстительный Китано едва ли ограничится изъятием своих денег, а пожелает еще и сурово наказать не в меру удачливого игрока. Вербов грустно вздохнул: все-таки жизнь несправедлива, он никого не обманывал, не жульничал, просто математиком был хорошим, и потому разработал беспронгрышную систему игры. Ну, и бандитов наказать хотелось, конечно. И ведь все продумал: сначала блестящая победа, потом быстрая погрузка денег на звездолет, следом полет на Лунорик, а там его уже Китано не достанет. Все-таки на этой планете за соблюдением законов следят строго. А вот ведь как получилось: тригулярный микропроцессор вышел из строя, и пришлось приземляться на этой дурацкой планете. И хотя планета эта вполне подходила для жизни и, судя по датчику Треба, тут даже можно было есть растущие на деревьях плоды, Вербову было ужасно грустно: преследователи могли нагрянуть в любую минуту. А может быть, они уже здесь? Вербов нервно огляделся по сторонам. Нет, роботов здесь не было. Зато прямо с гор к нему двигалось какое-то большое рыжее пятно. Вербов присмотрелся к нему внимательнее и вздрогнул от неожиданности: пятно оказалось страшным шестиглазым чудовищем высоченного роста. Вместо носа у чудовища был хобот, как у слона, а в когтистых лапах оно сжимало что-то наподобие пистолета. Вербов судорожно слотнул.

Чудовище подошло к Вербову настолько близко, что теперь их разделяло не более пяти шагов. Потом оно галантно поклонилось и громко произнесло на эсперанто, давно уже ставшим межгалактическим языком следующее:

— Приветствую тебя, беспечный богатея, легкомысленно попавшийся в коварные лапы потомственного грабителя Берга, странствующего рыцаря, защитника обездоленных и угнетенных!

— Разве странствующие рыцари грабят богатеев? — удивился Вербов, даже позабыв про испуг. — Тем более, если они еще и защитники обездоленных и угнетенных.

— Тьфу! — досадливо воскликнуло чудовище. — Это все книжки. Я, видишь ли, люблю почитать, и сегодня как раз читал про... впрочем, не важно, я — грабитель. Злобный грабитель, господин богатей, так что извольте отдать мне ваши сокровища, а иначе вы познакомитесь с моим грозным оружием! — и чудовище покрутило в воздухе зажатый в когтистой лапе пистолетом.

— Видишь ли, — произнес Вербов, как можно ласковее, — уважаемый странствующий... грабитель, дело в том, что я, к своему глубочайшему стыду и горькому сожалению, отнюдь не богатей, и у меня, как это ни печально, нет не то что сокровищ, но даже и приличных часов.

— Напрасно вы так, сударь, — сказала чудовище, почесав свободной лапой свой рыжий хобот, — я, если на то пошло, и вовсе не хотел вас грабить. Я, если вам будет угодно, вообще отношусь к грабежам, как к тяжелой ноше, доставшейся мне по воле родителей. И уж поверьте, предпочел бы сейчас заняться, сочинением стихов и слушаньем песен крылатых лягушек, прилетающих по весне в мой дивный край, а не отнятием у вас сокровищ. Но, раз уж судьба распорядилась таким образом, то каждый должен делать свое дело и делать его хорошо. Я — грабить, вы — отдавать сокровища. Будьте же порядочным богатеем, отдайте мне ваши сокровища.

— Но у меня нет сокровищ, — пожал плечами сбитый с толку Вербов.

— Ах нет?!! — рассердилось чудовище, явно ему не веря. — А это что? — и подойдя к палатке Вербова, оно извлекло оттуда когтистой лапой лазерную зажигалку.

— Это мне нужно, чтоб не погибнуть с голода! — восторженно воскликнул Вербов. — Я хотел пожарить мясо или сварить какой-нибудь бульон! Да и ночью тут без костра холодно будет, — проговорил Вербов, поживаясь от ветра.

— В общем, я это забираю, — сказала чудовище, — но только учти, что мне этого мало. Если я с этим вернусь к родителям, они с меня шкуру спустят. Так что завтра я приду опять. Убегать даже не думай, я тебя всюду найду, у меня с собой лучший локинианский выслеживатель богатеев. Но я надеюсь на твою порядочность.

— Но...

— Завтра буду в то же самое время, — проговорило чудовище, и, крутя в когтистых пальцах лазерную зажигалку Вербова, неспешным шагом двинулось туда, откуда пришло.

После ухода чудовища, Вербов всерьез загрустил. Он прекрасно понимал, что зажигалка далеко не главное его сокровище, и если бы беспечный

грабитель догадался зайти на борт его звездолета, то нашел бы там весьма немаленькую сумму денег, выигранных Вербовым в казино. Но грабитель сделать этого не догадался. Видимо, он и впрямь любил стихи значительно больше, чем ограбления. Однако без зажигалки Вербов чувствовал себя неуютно. Он действительно рассчитывал пожарить мясо, а теперь ему это не светило. Плита на его звездолете без тригулярного микропроцессора не работала, спать там тоже было невозможно, поскольку из-за поломки обогрев автоматически отключился, и единственным способом для Вербова согреться на этой далеко не самой теплой планете было развести костер. Теперь же у него такой возможности не было. Вербов поежился от холодного ветра и посмотрел туда, где должен бы был гореть яркий и теплый огонь. Вместо огня там ползала большая противная сороконожка фиолетового цвета. Вербов с грустью подумал о том, как будет засыпать этой ночью в палатке. Вдруг такое вот раскрасивое насекомое решит заползти к нему в гости? Но что поделает? На звездолете температура теперь была ниже, чем здесь градусов на пятнадцать. Эх, если бы хоть зажигалка была при нем. Бесстыжее чудовище! Грабитель! Вербов обреченно полез в палатку. «А ведь завтра оно снова вернется, — внезапно возникла неприятная мысль. — А что оно возьмет у него на этот раз?» Вербов погрузился еще больше. Вопрос стоял очень остро, — улететь он не мог, убежать тоже. Что же делать? Может, откупиться выигранными в казино деньгами? Но они достались ему с таким трудом, на какой риск он вынужден был ради них пойти! И теперь отдать? Ну уж нет! А что если чудовище решит на этот раз забрать у него жизнь? Вербов лег на спину и угрюмо уставился в матерчатый потолок серой палатки.

Берг сидел на холме и вертел в когтистых лапах лазерную зажигалку. Для того чтобы с триумфом вернуться домой, этого явно было мало. Он с грустью представил себе лица родителей, разочарованно разглядывающих его трофей. В воображении мигом возникли два недовольно вздернутых хобота. Тут же Бергу вспомнился и нахмуренный рыжий лоб отца, с разбегающимися во все стороны изумрудными морщинками. Упрек во взгляде шести материнских глаз. Нет, для того, чтобы вернуться, ему нужно привезти с собой что-то значительно более ценное. Но что есть у этого богатея? С виду не так уж и много. Одет он смешно, никаких особых сокровищ Берг у него не заметил. Может, он куда-то их спрятал? При этой мысли Берг рассерженно засопел, воинственно вздернув хобот. Его раздражала жадность богатея, его нежелание идти навстречу. Завтра обязательно надо будет отнять у него что-нибудь посолидней, чем эта безделушка. Улегшись под шестиугольной луной, он отложил в сторону лазерную зажигалку Вербова и принялся за чтение стихов своего любимого локинианского поэта Гребя.

Спал Вербов плохо. Всю ночь ему снился кошмар про гигантскую фиолетовую сороконожку с пистолетом в одной руке и лазерной зажигалкой в другой. В этом ужасном сне, сороконожка загнала Вербова в палатку, угрожая ему пистолетом, а потом подожгла палатку зажигалкой. Вербов попробовал было выбраться из палатки, но, едва высунувшись оттуда, столкнулся с грабившим его чудовищем. Чудовище протягивало Вербову букет белых роз и пело про них какую-то противную песню, которую Вербов слышал давным-давно от своей бабушки. На секунду он замялся, а потом бросился бежать, но вдруг обнаружил, что бежит вовсе не по земле, а по большому игральному столу в казино Китано, и что самое ужасное — сверху на него падают огромные фишки, способные раздавить его, будто крохотного муравья. Вербов старательно уворачивался от них и приходил в дикое отчаяние, слыша тот чудовищно громкий звук, что они извлекали при падении и, видя облако пыли, поднимающееся в воздух в эти секунды. На мгновение Вербов зазевался, и тут же на него обрушилась огромная черная фишка в виде чудовища с рыжим хоботом. Понимая, что увернуться ему уже не удастся, Вербов истошно закричал и закрыл от страха глаза.

Когда он их открыл, то не увидел перед собой ничего, кроме серого потолка палатки. Тяжело вздохнув, он медленно начал выбираться наружу. Едва высунув голову, Вербов увидел, что, спускаясь с горы, сжимая в правой лапе пистолет, к нему спускается рыжее чудовище с хоботом. Вербов нервно сглотнул, но все же заставил себя вылезти из палатки.

— Приветствую тебя, любезнейший богатей! — приблизившись, проговорил монстр.

— Привет, — произнес Вербов и поднял в знак приветствия левую руку.

— Как спал ты, любезнейший, не мучила ли тебя совесть минувшей ночью?

— Меня? — удивился Вербов. — А с чего это она, собственно, должна была меня мучить?

— Но ты же укрыл от меня свои сокровища! Разве это не повод для раскаянья и угрызений совести? — удивился в свою очередь монстр.

Вербов хрипло и нервно засмеялся.

— То есть, по-твоему, меня должна мучить совесть, потому что я не отдал своих сокровищ грабителю?

— Конечно! — произнес монстр, почесывая левой лапой затылок. — Это же самое, что ни на есть бесчестное поведение!

— А грабить — это честное поведение? — спросил Вербов таким тоном, что даже сам подивился своей язвительности.

— Вы, друг мой богатей, философ, как я погляжу, — с интересом сказала чудовище, присаживаясь на большой серый камень, рядом с Вербовым. — Мне это, скажу я вам, необычайно приятно. Ибо я, что греха таить, и сам не столько грабитель, сколько поэт. И вы, как я теперь

вижу, так же, как и я, занимаетесь своим делом без особой радости. Вы такой же несчастный богатей, как я грабитель. Поверьте мне, я вас очень понимаю. Но, должен вам сказать, что и для меня и для вас было бы гораздо выгодней, если бы вы сами отдали мне свои сокровища. Ведь тогда и я мог бы вернуться к родителям с достойным трофеем, и вы с чистой совестью исполнили бы свой долг перед грабителем.

— Я свои сокровища заработал тяжким трудом, — сердито произнес Вербов. — Потом и кровью. А ты меня грабить пришел. И я, между прочим, отнюдь не философ, я математик. И, как теперь вижу, общего языка нам с вами нипочем не найти.

— Это почему же? — удивился монстр, продолжая почесывать рыжий затылок.

— Да потому что, мы, физики, вас лириков никогда не понимали! — жестко сказал Вербов и сел напротив чудовища прямо на землю.

— Это потому что вы не слышали моих стихов, — назидательным тоном проговорил монстр.

— Вздор, — махнул рукой Вербов, — это потому, что у нас с вами разный тип мышления. Вы мыслите образами, а мы четкими данными, понятиями. Вы представители искусства, а мы представители науки. Вы ближе к дикарям, а мы... мы служим разуму, а не эмоциям.

— Я говорю, вы сперва послушайте, а потом уже делайте свои выводы, — упрямо проговорил монстр.

— Ну, хорошо, я вас слушаю, — сказал Вербов, скептически ухмыльнувшись и скрестив на груди руки.

К удивлению Вербова, чудовище поднялось с камня, спрятаło в кобуру пистолет, галантно поклонилось и громогласно провозгласило:

— Выступает поэт Берг, с циклом стихов о лете.

И Берг начал читать Вербову свои стихи.

— Ну как? — спросил он, когда прошло два часа.

— Совершенно замечательно, — проговорил сонным голосом Вербов. — Особенно про летающих гадюк, вяжущих носки для своих племянников.

— А про гусей сбрывающих бороды лампочковыми стрекозами? — взволнованно поинтересовался Берг.

— Ну, это просто вне конкуренции, — сказал Вербов.

— Благодарю вас! — проговорил Берг, с воодушевлением сжав Вербову правое плечо.

— Ну что вы... — сказал Вербов, морщась от прикосновения когтистой лапы.

— Вы знаете, — произнес Берг, — я вам так признателен, что, пожалуй, сегодня даже не буду выбивать из вас ваше главное сокровище, а ограничусь какой-нибудь безделушкой, — голова локинианца завертелась в поисках чего-нибудь подходящего. — Ну, например, вот это барахло, — и без малейшей сложности Берг поднял в воздух палатку Вербова и понес ее к себе в логово.

— Нет, нет, постойте! Это не надо! — закричал Вербов. — Это же... а где... а спать? — жалобно вскрикнул он.

— Нет, большего я с вас сегодня взять не смогу, — отмахнулся Берг. — И не просите. Сегодня вы и так сделали для меня довольно много.

— Но... но мне это нужно... возьмите что-нибудь другое! — вопил Вербов.

Берг снова махнул рукой и покачал головой. Весь его вид говорил о том, что большей жертвы сегодня он принять не сможет. На глазах у него, маленькими бриллиантами блестели счастливые слезы благодарности своему слушателю. Вербов вынужден был его отпустить.

Всю ночь Вербов отчаянно дрожал от холода. Спать на голой земле было невозможно. В итоге большую часть ночи он просидел на большом зеленом бревне, думая о своей печальной участи и несправедливости судьбы. В голове его непрестанно роились мысли об очередном приходе Берга. Если в прошлый раз он уволок палатку, то теперь Вербову наверняка придется расстаться с чем-то подороже. Может, даже и с жизнью. Вербов грустно вздохнул. В темном небе мерцали далекие и зловещие звезды. Где-то протяжно выло какое-то животное. «Как же быть с этим Бергом, — думал Вербов. — Как же от него отделаться?»

— Думай, думай! — сквозь зубы яростно прошипел он и от отчаяния дважды ударил себя ладонью по лбу. К сожалению, никаких идей у Вербова так и не возникло. Вскоре его начал одолевать сон, и лиловый рассвет он встретил, сидя на бревне в странном состоянии между сном и бодрствованием.

С трудом поднявшись на ноги, Вербов побрел к звездолету. Как знать, вдруг там окажется что-то, чем удастся откупиться от приставучего монстра? Шатаясь, он сделал несколько шагов и вдруг услышал вдалеке какой-то шум. Отыскав в кармане миниатюрный бинокль с гипер-увеличительными линзами, он внимательно всмотрелся в горы, откуда доносился все усиливающийся гул.

— Все, мне крышка... — мрачно проговорил он, как следует рассмотрев шумящий объект. В горах только что приземлился небольшой серебряный звездолет. И судя по изображенной на нем голове Медузы Горгоны, принадлежал он роботам-убийцам, посланным по его следам жестоким владельцем казино Китано Римсом. Против этих роботов у Вербова не было никаких шансов. Он чуть не плача смотрел, как медленно открылась дверь, и как оттуда на железных ногах-щупальцах выbralось три вооруженных бластерами робота. Роботы-убийцы всегда отправлялись на задание втроем. Впрочем, это было совсем не важно. Вербову при всем желании не удалось бы уничтожить даже одного. Он почувствовал себя совершенно опустошенным и, сунув бинокль в карман, сел прямо на землю. Повесив голову, Вербов думал о том, что его жизни, по всей видимости, пришел конец.

Внезапно что-то зашумело где-то поблизости. Вербов резко вздернул голову. Навстречу ему, лучезарно улыбаясь, шел похожий на рыжего слоненка шестиглазый монстр. В когтистой лапе он сжимал уже небезызвестный Вербову пистолет. «Сейчас и этот еще перед смертью ограбит», — мрачно подумал Вербов.

— Привет, достопочтенный богатей! — радостно выкрикнул монстр, помахав ему невооруженной лапой.

— Привет, — Вербов вяло помахал ему в ответ.

— Решил ли ты отдать мне свое самое ценное сокровище? — подходя ближе, поинтересовался монстр.

«Мое самое ценное сокровище — это моя жизнь, — с грустью подумал Вербов, но его уже собираются забрать эти... эти... ЭВРИКА!!!» Внезапно Вербов вскочил на ноги и начал потирать ладони. В глазах его возник дикий, веселый блеск. Это случилось столь внезапно, что Берг даже попятился.

— Что это с тобой милостивейший богатей? — с осторожностью спросил он.

— Да, да! — радостно завопил Вербов. — Я решил отдать тебе самое ценное, что у меня есть. Ведь ты поэт, а я математик. А математика, как говорится, хлебом не корми, дай поэта послушать! — и Вербов начал радостно и немного страшно пританцовывать.

— Это очень хорошо, — обрадовался Берг, все же немного остерегаясь странного танца богатей, — я очень рад, что в тебе разыграла совесть, и ты решил честно исполнить свой долг, поскольку, что уж тут лукавить, ты весьма пришелся мне по душе. Так где же твои сокровища?

— Вон они, идут к нам, — проговорил Вербов, протягивая Бергу бинокль, — да ты сам посмотри.

Берг внимательно взгляделся в указанную Вербовым точку.

— Видишь? — взволнованно спросил Вербов.

— Вижу, — произнес Берг.

— Это три очень дорогих механизма. Каждый из них состоит частично из титана, а частично из алмазной крошки и вакуумного камня. Это очень дорогие предметы.

— Вакуумные камни действительно очень высоко ценятся у меня на родине, — согласился Берг, — но как их извлечь из этих титановых банок?

— Очень просто! — проговорил Вербов. — Ты видишь, у них на спине есть такая квадратная черная кнопка?

— Вижу.

— Если ее нажать, они отключаются и их головы слегка приоткрываются. В этот момент из образовавшейся расщелины, на специальной подставочке выдвигается вакуумный камень, чтобы зарядиться от солнечных лучей, являющейся для этих механизмов энергией. Ты просто возьми и извлеки камень из подставки.

Берг протянул Вербову бинокль и одобряюще улыбнулся.

— Я рад, что ты сделал правильный выбор, господин богатей, — сказал он и похлопал Вербова по плечу своей большой когтистой лапой.

— Только учти, что они вооружены, — сказал Вербов. — Это одновременно и сокровище и его охранники.

— Не беда, — ухмыльнулся Берг. — На то я и космический пират! Мне такая охрана не помеха!

Ловко перехватив бластер, Берг зашагал навстречу подъезжающим уже роботам-убийцам.

Пока Берг шел навстречу роботам, он уже совершенно забыл о том, что делает это для того, чтобы заполучить вакуумные камни. Теперь он казался себе странствующим рыцарем, защитником угнетенных. Его богатая фантазия рисовала ему удивительные картинки. Вот Берг, поэт и рыцарь, идет навстречу безжалостным механизмам-убийцам, укравшим у беспечного, но в целом неплохого богатя дорогие вакуумные камни и жаждущим теперь его уничтожить. Берг представлял себя одетым в прекрасные рыцарские доспехи, обязательно с красивым фиолетовым плащом за спиной, восхитительно развевающимся на ветру. Но вот один из роботов поднял своей отвратительной рукой-щупальцем бластер, и Берг вынужден был нажать на красную кнопку. В тот же миг, рубиновый луч прострелил титановое тело робота, и тот, отлетев в сторону, замер. А спустя секунду уже и сам Берг вынужден был уворачиваться от двух сапфировых лучей. Берг увернулся мастерски, и пока роботы недоумевали, почему никак не могут попасть в это большое оранжевое тело, метким выстрелом сразил одного из них. Поверженный робот подлетел в воздух, и несколько раз прокрутившись, свалился на землю.

Теперь они остались вдвоем — Берг и предводитель злых роботов. Замерев, они стояли напротив друг друга. Берг смотрел в желтые глазалампочки своего противника не отрываясь. Робот ответно буравил его взглядом. Прошло около тридцати секунд. Никто из них не решался пошевелиться. Но вот робот быстрым движением поднял бластер и нацелил его в Берга, вот уже его металлическое щупальце нащупало синюю кнопку. Но поздно! Берг оказался быстрее. И вот уже рубиновый луч его бластера отбросил в сторону последнего из роботов-убийц.

Вербов осторожно подошел к Бергу. Оранжевый монстр, весело напевая какую-то песенку, не спеша извлекал из поверженных роботов дорогие вакуумные камни.

— Как же вам удалось с ними справиться? — рискнул поинтересоваться Вербов, когда Берг по-дружески ему подмигнул тремя правыми глазами.

— Пустяки! — только и сказал Берг, пожав плечами.

— Но вы же поэт! Где вы научились так метко стрелять?

— Отец заставил, — ответил Берг, убирая в синий мешочек последний вакуумный камень, — сказал, что если не выучусь, то о полном собрании сочинений Рэгспира на день рождения могу даже не мечтать. А я очень люблю стихи Рэгспира, вот и пришлось учиться.

— Здорово вы их! — с уважением сказал Вербов.

— Пустяки! — улыбнулся Берг.

— Ну вот и пришло нам время прощаться, — сказал Берг, пожимая Вербову руку, — мне очень приятно, что вы все-таки поддались нравственному началу и честно признались, где прячете сокровища. Эти камни весьма пригодятся мне по возвращении.

— На здоровье, — щедро махнул рукой Вербов.

— Я тоже не хотел бы оставаться в долгу перед таким внимательным слушателем, как вы, и желал бы преподнести вам в подарок сборник стихов горячо любимого мною поэта Гребя, — и с этими словами Берг протянул Вербову небольшую книжечку оранжевого цвета.

— На эсперанто? — поинтересовался Вербов.

— Безусловно, — ответил Берг.

— Покорнейше вас благодарю.

— Ну и... свое, конечно, тоже напоследок почитаю. Гулять, так гулять!

Вербов помрачнел и приготовился слушать поэму про летающих гадюк. Однако на этот раз Берг прочел ему свои последние стихи про жадного богатея, который посредством волшебства поэзии, с которой его знакомит благородный локинианец, облагораживается и честно отдает прекраснейшему из всех грабителей свои сокровища. Заканчивалась поэма тем, что поэт-грабитель торопится домой и прощается с богатеем, но тот никак не желает его отпускать и непрерывно просит почитать ему еще что-нибудь из чудесных стихов талантливой локинианца.

Потом Берг принялся читать стихи про кальмаров-гитаристов, дающих концерты в царстве романтических овощей.

Вербов перетащил треугольный микропроцессор со звездолета роботов-убийц на свой. Благо, процессор был небольшим и достаточно легким. Вербов, конечно, мог бы воспользоваться и звездолетом подосланных роботов, но поскольку тем не нужно было ни есть, ни пить, у них на звездолете не было ни плиты, ни ванны, ни других столь необходимых человеку предметов.

Вскоре температура на звездолете Вербова нормализовалась, и включившийся компьютер автоматически устранил все неполадки. Вербов с удовольствием включил автопилот, задал курс на Лунорик и с улыбкой

победителя осмотрел свои честно выигранные у казино Китано денежки. Этого ему запросто бы хватило на то, чтобы прожить всю жизнь, ни в чем не нуждаясь. Он представил себе гневное выражение лица этого бандита Китано, когда тот узнает, что роботы уничтожены, а Вербов является теперь гражданином Лунорика. Да, бесспорно, он будет в бешенстве.

— Вот и поделом! — улыбнулся Вербов, уютно устроившись в кровати. Он хотел проспять всю дорогу до Лунорика. Немного полежав, и помечтав о будущем, Вербов заснул. Ему снились летающие гадюки, вяжущие носки своим племянникам.

— Торжественно вручаю! — проговорил Берг, протягивая отцу вакуумные камни.

— Вот это да! — присвистнул отец, вытянув хобот от удивления. — Как же тебе удалось?

— Все благодаря поэзии, — хмыкнул Берг, — перед хорошей поэзией ни один богатея не сможет устоять. Услышав мои стихи, он сам отдал мне эти сокровища.

— Вот это да! — снова повторил отец, и в голосе его слышалось искреннее уважение, — ты знаешь, мне за всю мою долгую грабительскую жизнь всего лишь дважды удавалось заполучить вакуумные камни. Я очень горжусь тобой, сынок!

— Все дело в поэзии, — беспечно махнул когтистой лапой Берг.

— Тогда до следующего лета можешь заниматься ей сколько хочешь, — сказал отец, — я даже дам тебе денег на издание книги.

— Не может быть! — воскликнул Берг, сразу оживившись.

— Можешь в этом не сомневаться, — улыбнулся отец, — мне бы хотелось, чтобы твое следующее ограбление прошло не менее удачно, чем это.

— Так оно и будет! — улыбнулся в ответ Берг.

Спустя неделю Берг уже сжимал в руках большущую книгу в синей обложке. Это были его стихи. Он назвал ее «Исправление богатея». На Локониане книга сразу же стала бестселлером. Берг был почти абсолютно счастлив. Единственное, чего ему не хватало, это внимательного квалифицированного слушателя. Но это была пустяковая проблема, он планировал разыскать Вербова уже следующим летом.

МАРК ЛИМАРЕНКО

ШЕСТЬ ДНЕЙ

ПРОЛОГ

Ничто не вечно во Вселенной. Языки пламени, терновым венцом окутывавшие умершую планету, сменились огненными реками, лениво впадавшими в океаны расплавленной магмы на ее поверхности. Безбрежные огненные просторы, пережив миллиарды обжигающих приливов и шипящих отливов, испарились без следа, оставив лишь голые необозримые пространства матово блестящего камня.

По меркам мироздания, прошло совсем немного времени, и плотная пелена повисшей над поверхностью вулканической пыли осела, открыв безразличному взору космоса серый безжизненный шар. Все, что осталось от Земли — единственной во Вселенной планеты, рискнувшей стать колыбелью живой материи. Материи, которая в мгновение ока прошла путь от одноклеточной водоросли до сложного мыслящего организма, а в следующее мгновение с удивительной изобретательностью уничтожила себя в чудовищной мясорубке столь же бессмысленной, сколь и беспричинной войны. Хотя, можно ли назвать беспричинным стремление одной живой клетки сожрать другую и тем самым продлить свое существование, диким первобытным образом доказать свое торжество в природе?

Однако, во Вселенной не вечно ничто. Оплавленный камень мертвой планеты вновь покрылся зеркалами морей и океанов, в беспокойную поверхность которых каждую ночь с опаской вглядывалась обезображенная кратерами бомбардировок Луна — такую цену заплатила романтическая спутница планеты за свою верность.

Под пристальным взглядом Луны и Солнца ночь сменялась днем, десятки дней сменялись десятками ночей, миллионы трудолюбивых волн изменяли очертания пустынных береговых линий. И, наконец, впервые за чудовищно огромный промежуток времени над поверхностью океана, словно бесплотный дух, пролетел автоматический зонд.

Датчики показали, что можно запускать процесс, нерушимые механизмы в точности выполнили заложенные в них программы, и спустя необозримое количество лет в крошечной тьме сверхпрочного подземного убежища вновь прозвучала речь живого существа:

— Свет! Включите свет!!!!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Он парил в мягком поддерживающем поле саркофага-реаниматора и наслаждался постепенно возвращающимся контролем над телом. Ощутил легкое покалывание в пальцах рук и через минуту смог ими пошевелить, обрел ноги, несколько раз согнул и разогнул колени. Казалось, он чувствовал, как возвращается к жизни мельчайшая клеточка его организма. Жутко зачесался нос. Он поднял руку, с непривычки ткнул себя пальцем в глаз, но уже вторым движением с наслаждением почесал переносицу и сел. Ровно, как и многие тысячи лет назад, гудели механизмы вечного и неразрушимого Приюта. Последнего Приюта, построенного Разумом незадолго до того, как он стал Безумием.

Он попытался вспомнить, кто он и как его зовут и не смог этого сделать. В голове роились миллионы имен, но ни одно из них не было единственно правильным. Крупнейший физик планеты, смешной толстяк, прячущий обширную лысину под единственной седой чудовищной длины прядью, растущей прямо над правым ухом; гениальный химик, молодой человек с угольно черными глазами; выдающийся инженер неопределенного возраста, чьи длинные тонкие пальцы находились в постоянном нервном поиске какого-то несуществующего на его теле объекта... Миллионы лиц, профессий, привычек... Миллионы личностей бывших одновременно и им и не им...

— Ну, что? Пора за работу, дружище. У нас не так много времени!

Сквозь мешанину образов прорвался властный голос, принадлежащий высокому блондину с тонким, словно сделанным при помощи опасной бритвы ртом. Вместе с голосом и портретом всплыл и титул — Старший смотритель.

— Для начала проверим, уцелели ли автоматы. Иначе все, что мы уже сделали, не имеет смысла. Инженер, вы здесь?

В безмолвный диалог вмешался новый голос:

— Давно жду своей очереди!

В голосе Инженера прорезались нотки удовольствия.

— Попробую прогуляться до пульта. Черт подери, до чего же приятно снова топтать на своих... ну, почти своих, двоих!

Его пальцы неожиданно обрели собственную жизнь и лихорадочно запорхали над пультом управления. Подчиняясь их воле, на поверхности проектора возникло голографическое изображение планеты. Ее поверхность, словно пчелиными сотами, покрылась мелкой светящейся сетью. В углах ячеек стали возникать светящиеся точки, их становилось все больше.

— Процент потерь в пределах допустимого. Констатирую работоспособность системы.

— Отлично, дружище! Позвольте заметить, я никогда не сомневался в вашем инженерном гении.

— Спасибо, Старший. Думаю пора передать слово нашему дорогому Астроному.

В оркестре голосов появилась новая скрипка. Причем скрипке этой давно и настоятельно требовался настройщик. Дребезжащий старческий тенор, вызвавший в его воспоминаниях стоячий крахмальный воротничок, поддерживающий тонкую морщинистую шею, безапелляционно заявил:

— Это никуда не годится! С такой скоростью вращения мы никогда не добьемся приличного суточного ритма! Необходимо ускорить...

— Что скажет Инженер?

— Вполне по силам...

— Тогда приступайте!

Быстрые пальцы взяли несколько уверенных аккордов на клавиатуре пульта. Некоторые точки погасли, некоторые разгорелись ярче.

— Процесс запущен, Старший.

— Сроки реализации?

— Приблизительно десять тысяч лет...

— Степень погрешности?

— Плюс-минус две тысячи...

— Приемлемо... Ну что ж, нам снова пора спать. Доктор, все ли готово к анабиозу? Как функционирует система жизнеобеспечения?

Возник еще один, мягкий, как вата, голос.

— Не волнуйтесь, Старший, все будет хорошо...

Статическое поле вновь приняло в свои надежные объятия Того, кто не знал своего имени. Он почувствовал тепло и стал мягко проваливаться в темноту, из которой торжественно прозвучал тихий шепот Старшего.

— Спокойной ночи, коллеги. Наступил вечер, будет и утро.

СНЫ

Бесконечную тьму и безмолвие Его небытия прорезал звук. Трубный рев погибающего животного властно бился в ушах, нарастал и, наконец, на высшей отчаянной ноте оборвался, уступив место лавине зрительных образов. Животное агонизировало. Огромный мохнатый монстр зарылся белоснежными причудливо изогнутыми бивнями в иссиня-черный грунт свежевыврытой ямы-ловушки. Последние нервные импульсы все еще заставляли судорожно подрагивать мощное тело, но в больших и неожиданно умных глазах уже царил пустота смерти. Острый осколок скалы, сверкнув в воздухе искорками вкрапленного кварца, ударил великана по голове — из рваной раны на темную шерсть брызнула кровь. Еще один рассек роговицу глаза. Зверь давно затих, но камни продолжали падать, нанося ужасные, но совершенно ненужные уже раны. Грязные двуногие существа на краю ямы без усталости поднимали и с хриплыми криками бросали вниз все новые снаряды, безумным хохотом праздную наиболее ужасные увечья, которые им удавалось нанести. Он был среди них. Не обращая

ни малейшего внимания на порезы и обломанные ногти, он вырывал из земли наиболее увесистые глыбы и ранил, кромсал, уничтожал уже утраченную возможность ощущать боль плоть... Неожиданно, на уже облюбованном им осколке сомкнулись чужие руки. Он поднял голову. Спутанные волосы, оскаленные гнилые зубы, горящие слепой жаждой разрушения глаза. В этих глазах он увидел собственное обезображенное той же жаждой отражение. И тогда он изо всех сил потянул на себя, а когда противник, потеряв равновесие, рухнул на колени, резко опустил камень. Толпа вокруг восторженно редела, но он ее не слышал — так громко хрустели кости черепа под новыми все более сильными ударами, так уповательно разливалась по телу радость победителя, сознание собственной силы, силы могущей отнимать чужие жизни. Еще один удар и фонтан горячей, еще живой крови тугим бичом ударил его по глазам, застывая все вокруг сплошной багровой пеленой...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Чужие голоса, среди которых не было его собственного, гудящим пчелиным роем снова заполнили Его сознание.

— Сны? Это абсолютно исключено! Поймите, при такой стадии анабиоза это просто не возможно!

— Однако, это так милейший Доктор.

— Этого не может быть, Старший! Потому что... потому что этого просто не может быть!

— И, тем не менее, это есть...

— И, тем не менее, этого не должно быть! Современная наука...

— Она больше не современная, Доктор...Ей уже столько лет, что и подумать страшно. А вспомните-ка, каким откровением для нашей древней науки был тот факт, что плод в утробе матери тоже видит сны?

— Некорректный пример, господин Инженер. Состояние глубокого анабиоза — отнюдь не похоже на стадию внутриутробного развития мозга. На 99-ть и 9-ть в периоде — это смерть. Вернее не смерть, а умирание, одно мгновение до смерти, которое нам удастся растянуть на многие и многие миллионы лет, а затем дать процессу обратный ход.

— Значит, это так называемые предсмертные видения...

— Да нет же! Если вы в свое время читали мои труды по механике смерти, вы должны знать, что предсмертные видения всего-навсего воспоминания. Приведу более понятный вам пример — это, своего рода, просмотр файлов в процессе полного и окончательного их стирания. В этой стадии человек видит лишь то, что когда-то уже видел, что-то, что происходило лично с ним. Мозг уже не способен к творчеству. А здесь мы видим четкую и яркую фантазию.

— Возможно, это сцена из однажды просмотренного фильма?

— Скорее уж из фильма, в котором довелось сыграть главную роль.

Ведь он не просто смотрел на события, он в них участвовал! А этого как раз и не может быть!

— И именно это, как раз произошло. Возможно, Доктор, вам необходимо добавить к вашей книге новую главу.

— Я оценил вашу иронию, господин Химик. Но повторяю еще раз: это не возможно!

— И каковы ваши объяснения?

— Скорее всего, мы имеем дело с небольшой неисправностью саркофага. За столько лет микроскопическая неточность в настройках могла перерасти в ощутимую погрешность.

— Я понял вас, Доктор. Как только мы закончим с основной задачей дня, прошу вас провести полную диагностику и отладку устройства. Помните, что именно от его работы, зависит конечная цель нашего предприятия.

— Понял вас, Старший.

— Ну, вот и прекрасно! А теперь мне хотелось бы услышать нашего Биолога. Все ли готово к посеву?

Рокочущий бас, послуживший ответом на этот вопрос, мог бы заставить неразрушимые стены Приюта треснуть, но, к счастью, звучал он только в пределах черепной коробки единственного на планете живого существа.

— Ну-ка, дружище Носитель, хватит возлежать в этом гробу и слушать научные теории нашего уважаемого некроманта. Вставай, делай зарядку и марш за пульт!

Он осознал, что двигательные функции снова вернулись к нему, затем чужая воля заставила его встать, размяться и подойти к пульта.

— Итак, повторяю вопрос: мы готовы посеять жизнь?

Его пальцы снова выполнили необходимые эволюции над сенсорами пульта. Бас Биолога возвестил:

— Посеять то мы посеем, да только при такой солнечной радиации у нас ничего не прорастет.

— Озоновый слой?

— Именно! Он нам нужен, но его у нас нет.

— Господин Химик?

— Нужен — будет. Биолог, вы не могли бы подвинуться? Мне необходимо пульт и немного времени для расчетов.

Химик непринужденно перехватил управление и принялся трудолюбиво обхаживать пульт. При этом светило давно умершей науки тихонько причмокивал, как карапуз, обрабатывающий немногочисленными молочными зубами щедро презентованный родителем леденец.

— Готово! Будет нам природный фильтр. Ну конечно не сразу. Придется подождать пару-тройку тысяч лет... но с другой стороны мы и больше ждали.

— Пара тысяч ответ не конкретный!

— Конкретный внесен в общую память.

— Хорошо. Доктор запрограммируйте будильник исходя из данных Химика.

Из глубин ваты раздался бодрый возглас.

— Уже запрограммировал, Старший! Так что нам пора баньки. Единственное, чего я прошу — пятнадцать дополнительных минут на отладку и тестирование постельки. Об остальном поговорим утром...

СНЫ

Длинная вереница обнаженных, согбенных в немой покорности спин, казалось, уходила за горизонт. На самом деле горизонт был гораздо выше, но для того, чтобы это осознать, нужно было поднять голову. Этого Он сделать не мог. По той простой причине, что и сам шагал в этой голой, потной, дышащей трусливой тупой безысходностью цепи, надежно скованной медными, окислившимися от обильного пота и бесчисленной крови кандалами. И еще надежнее соединенной общим и всемогущим чувством бесконечного отчаянья. В нос омерзительно шибануло жуткой смесью выпитого только что прокисшего пива, сожранного накануне чесночного супа, никогда не мытых подмышек и отвратительным кисло-сладким запахом мертвечины. В воздухе свистнуло, и первый из шагавших рабов пронзительно и совершенно по-женски взвизгнул. Здоровенный надсмотрщик, растянув в ухмылке толстые обветренные губы, сматывал длинный увенчанный на конце медным набалдашником кнут. Колонна остановилась. Надсмотрщик, не прекращая ухмыляться, достал из кожаных ножен короткий меч, очертил на песке круг и стал в его центре. Сознывая собственное бесконечное превосходство над тощими, окровавленными, голыми пародиями на людей, он крепко уперся мускулистыми ногами в земную твердь, снял с шеи длинное, составленное из человеческих ушей разной степени разложения, ожерелье, потряс им в воздухе и издал дикий звериный крик. Это было приглашение на поединок. И тогда Он встал. Предчувствующие потеху охранники ловко сняли с него кандалы. Безоружный, изможденный, Он вошел в круг, живым из которого должен был уйти только один.

Горсть песка, незаметно подобранная еще тогда, когда он стоял на коленях, сделала свое дело. Надсмотрщик инстинктивно заслонился державшей меч правой рукой. Он нырнул под нее, изо всех сил сжал волосатое предплечье, словно страстная возлюбленная оплел ногами сильный торс и вцепился кровоточащими от цинги зубами в заросшее клочковатой бородой горло. Гигант забулькал, как котел с подоспевшим гуляшом, и покачнулся. По-звериному перебирая челюстями, Он добрался до твердого бугра адамова яблока, изо всех сил стиснул на нем зубы и рванул... Соленая струя обожгла гортань. Надсмотрщик обмяк и с затихающим хрипом опустился на песок. Рабы восторженно взвыли, охранники почтительно зацокали языками. Он, впервые за несколько месяцев, выпрямился в полный рост, с хрустом расправил плечи, размазал по лицу густую красную кровь

и страшно захохотал. Затем Он подобрал валяющийся неподалеку кнут и с наслаждением нанес свой первый удар. На спине раба, еще недавно бывшего его соседом в колонне, вспухла ужасная кровавая полоса. Он захохотал еще громче...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

— *Кто я?*

Этот вопрос раскаленным прутом жег его до сих пор не осознавшее себя сознание.

— *Кто я?!*

Он силился найти ответ и не мог этого сделать.

— *Да кто же я, черт подери?!!*

Время стремительно уходило, но ответ так и оставался за пределами понимания. Пройдет еще несколько минут, и назойливые голоса вернутся, снова затопляя собой его мозг. Чужая, теперь он уже в этом не сомневался, чужая воля заставит его встать и выполнить четко запрограммированную последовательность действий, цель которых была так же далека от понимания, как и ответ на мучающий его вопрос.

Несколько мгновений он еще боролся, но затем Старший бесцеремонно ввалился в его мятущиеся мысли. В холодном металле его голоса легким налетом ржавчины звучало удивление:

— Доктор! Вы здесь?

— А где мне еще быть, по-вашему? На утренней пробежке?

— Доктор, этого, конечно не может быть, но мне кажется, он сопротивлялся... Это длилось не больше секунды, но могу поклясться, что это действительно было!

— Что-то мы слишком часто повторяем эту фразу... «Не может быть»... Ведь по большому счету и мы с вами существуем за пределами возможного... А за этими пределами может случиться все, что угодно... Даже, простите за каламбур, невозможное... Нас не должно быть, но мы есть... Носитель не должен видеть сны, но он их видит... Мы все их видим, черт поберет...

— А теперь он стал сопротивляться контролю... Носитель начал осознавать себя как личность?

— Проще всего было бы ответить «этого не может быть», но мы уже убедились в ошибочности этой аксиомы...

— А значит, в нашем милом общежитии скоро появится новый жилец...

Феноменальный бас Биолога вклинился в разговор и завершил фразу инфразвуковыми раскатами хохота...

— Скорее, не жилец, уважаемый Биолог, а хозяин... И мне кажется, ему может не понравиться наше вынужденное соседство... Что скажете, Доктор?

— Скажу, что не стоит драматизировать ситуацию... Полное стирание

личности, уж простите за еще один неуклюжий каламбур, никогда не бывает полным... Всегда остаются, так сказать, фантомные боли... Осколки бывшего сознания... Рефлексы... Его глубинная составляющая. Я подозревал, что по истечении достаточно долгого времени, а с этим компонентом у нас недостатка нет, эти осколки могут собраться вместе... Если хотите, назовем это протосознанием. Пожалуй, именно с этим связаны странные сны, которые мы с вами видим, и некоторая задержка при установлении контроля над функциями мозга.... Но уверяю вас, на большее наш Носитель не способен... Даже если в его распоряжении будет вечность...

Раздался звук лопнувшей автомобильной покрывки. Биолог нетерпеливо кашлянул:

— Мне не хотелось бы проверять ваше утверждение насчет вечности, уважаемый эскулап... Что у нас с озоновым слоем?

Младенческое причмокивание возвестило о вступлении в беседу Химика. Он заставил Носителя подойти к пульту управления и после некоторой заминки бодро возвестил:

— Все в норме, Биолог! Можете приступать к посеву!

— Вот это действительно хорошая новость! И произведу я траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод в котором семя по роду его! Ну и еще много чего произведу! И увидите вы, что это хорошо! А затем мы отправимся спать и, как оказалось, видеть сны... Надеюсь, они будут приятными...

СНЫ

— Братья и сестры мы собрались здесь не для того, чтобы судить эту женщину! Но чтобы спасти ее! Видит Бог — в наших сердцах нет жестокости, но есть милосердие! Ибо только пройдя через очистительный огонь отринет она искусы брэнного тела и сосуд дьявольский исторгнет из тенет своих чистую душу... Так преисполнимся же милосердия и простим ей прегрешения, сотворенные по наущению Люциферову! Зажжем огонь, братья и сестры! Ибо коварен Дьявол, но бессилен перед пламенем истинной веры!

Румяный толстяк в коричневой рясе обвел замершую в предвкушении зрелища толпу пылающим взглядом маленьких глубоко посаженных глазок, ткнул пухлым грязным пальцем с обкусанным ногтем в плотно обложенный вязанками хвороста столб и на неимоверно высокой ноте взвизгнул:

— Зажжем огонь!

Привязанная к столбу женщина молчала. Голос давно покинул ее. Покинул еще там, в темном подвале, где трудолюбивый палач методично выбивал из нее путаные признания абсурдной вины. Покинул с последним криком горького изумления, когда ей показали свидетельские показания... Лживые показания, которые Он дал не под пыткой, но при одной лишь мысли о возможности таковой...

— Зажжем огонь, братья и сестры!

Женщина на столбе смотрела. Смотрела прямо на него. И этот взгляд жег его душу сильнее, чем жгли руку капли смолы, падающие с зажженного факела. Не ненавистью, не презрением, не предсмертным проклятием преданного чувства жег этот взгляд, а пониманием, любовью и прощением...

— Зажжем же огонь!!!

И тогда он опустил голову и слепо ткнул факелом в ближайшую сухую вязанку. Ткнул в тщетной надежде, что жар аутодафе сможет заглушить чувство, ледяным огнем охватившее его бессмертную, но трясущуюся от животного ужаса душу — чувство безмерного стыда и отвращения к себе.

Сухой хворост занялся мгновенно, и горячие языки костра вплелись в рыжее пламя ее волос...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Я — это «Мы»... Но кто «Мы» такие? Отдельные грани, составляющие мое «Я»? Отдельные «Я», оттисками сознаний живущие в биологической машине моего мозга и дающие в сумме «Нас»? Возможно... Но где «Я» среди них? Почему мне так сложно отыскать свою индивидуальность? Почему я не могу вспомнить свое, именно свое, имя? Нет... Я — это не «Мы»... Я — нечто большее, нечто гораздо большее! Я — это...

— Доброе утро всем! Доктор, вы заметили, что в этот раз установить контроль было еще сложнее?

— Вы правы, Старший, но я в очередной раз повторяю — нам не о чем беспокоиться.

— Разрешите вклиниться в ваш, без сомнения, интересный разговор и сообщить, что нам не только не о чем беспокоиться, но даже есть что отпраздновать!

— Господин Биолог, вы хотите сказать, что...

— Все принялось, развилось и эволюционировало, Старший! Флора в полном порядке, и теперь я не прочь заняться фауной! Расплодим же скотов, и гадов, и зверей, и птиц, и даже ближайших родственников нашего почтенного Доктора... Я имею в виду конечно высших приматов...

— Замечательный образчик сомнительного юмора, господин Биолог!

— Не обижайтесь, дорогой мой! Просто у меня сегодня замечательное настроение! Люблю, когда все идет по плану.

— Извольте заняться этим, господин Биолог. А с вами, Доктор, я бы хотел обсудить природу этих странных снов... Если уж вы не в состоянии внятно объяснить, откуда они берутся, то хотя бы ответьте, почему они столь жестоки? Я бы сказал отвратительно жестоки...

— Рискну только предположить... Видите ли, мы с вами вынуждены видеть сны, порожденные протосознанием, глубинной основой нашего биологического вида... И видимо, основным компонентом этой основы являются страх, жестокость и желание доминировать...

— Чуть! Вспомните нашу культуру, искусство, религию, в конце концов!
— А теперь, Старший, вспомните, почему мы все это потеряли...
— Война...

— Да, война! Огромная война, явившаяся апогеем наших страхов, амбиций и тщеславия! Война, породившая такие образцы жестокости и чело-веконенавистничества, что даже сейчас, по истечении эонов времени, мне страшно об этом вспоминать...

— Не мы ее начали...

— Нет, мы... Я говорю «мы», имея в виду не страну или нацию, а биологический вид. Особый биологический вид, основным критерием существования которого является уничтожение себе подобных...

— Черт вас подери, Доктор! Умеее же вы испортить настроение! Биолог, что там у вас хорошего?

— Все! Все у меня хорошее! И настроение! И процессы эволюции, кото-рые я только что собственноручно запустил! Я вас прошу, Старший, не слу-шайте этого старого брюзгу с его протосознаниями и философскими построениями! Пора отправляться на боковую! Нам придется хорошенько выспаться, пока все эти трилобиты и зоопланктоны будут по миллиметру в тысячелетие вылезать на сушу.

СНЫ

Это было его пятое ограбление. Небольшой банк на окраине города, пустынная улочка, по которой так удобно будет добежать до припаркованного за углом фургона, и толстый, истекающий потом охранник, вжавшийся лицом в затертый многочисленными ногами посетителей кафельный пол и дрожащий от пяток до кончика обширной потеющей лысины... Проклятый глупый толстяк... Сколько лет, закрывшись в ванной от гомона многочисленного сопливого семейства, он репетировал перед грязным зеркалом свой отчаянный геройский поступок? Поступок, который он даже не попытался совершить...

Холщевые мешки с новенькими банкнотами приятной тяжестью давят на плечо. Блестящий «Коль» с немислимо длинным стволом так и про-сится в дело... Но толстяк лежит... Дрожит, словно фруктовое желе, и не торопится перевернуться на спину, выхватить свой короткоствольный «бульдог» и бросить Вызов...

Будь ты проклят, ленивый жирный пингвин! Будь ты проклят! Я не уйду просто так! Я — победитель! Мне до боли в зубах противен твой скользкий страх, твоя коровья покорность! Мне нужна схватка!

После четвертого увесистого пинка охранник понял, что пощады не будет... И тогда он сделал то, что от него ожидали — морщась от боли, перевернулся на спину, потянулся рукой к кобуре и неуклюже вытащил оружие...

Именно тогда, ни секундой раньше, «Коль» коротко рывкнул, обрывая

никчемную жизнь побежденного и даря победителю короткую, сладостную судорогу восторга...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

— Я — это «Они»... Все «Они»! Живые, мертвые и не рожденные... Те, кто были... Те, кто есть... Те, кто, возможно, будут... Значит, и Я — был, есть и буду... Значит, Я — это... Нет! Только не сейчас! Еще немного, и я наконец пойму... Нет!

Голос Старшего звучал не просто удивленно, теперь в нем отчетливо слышалась озабоченность:

— Доктор, это уже не просто секундная задержка. Мне пришлось бороться с ним! Ваше гипотетическое протосознание ставит под удар весь наш план, который, как никогда, близок к завершению!

— Признаю свою ошибку, Старший! Похоже, я недооценил его стремление к самоидентификации... Сами понимаете, мне никогда не приходилось рассматривать подобный процесс в рамках такого огромного временного интервала... Пожалуй, перед сном я вкачу нашему носителю небольшую дозу нейрорелаксанта... Думаю, это поубавит его прыть...

— Сделайте все возможное, но не переусердствуйте... Нам необходимо будет проснуться и взять под контроль это тело... Один последний раз! Биолог?

— Здесь!

— Как прижилась фауна?

— Отвратительно... Чертова радиация породила настоящих мутантов... Вы бы взглянули на эти гигантские туши... Пожалуй, в такой компании человек разумный может оказаться отнюдь не венцом творения...

— Методы решения?

— Честно говоря предложил бы глобальное похолодание... Если такое вообще возможно...

— Инженер?

— Вполне реализуемо... Думаю, если мы слегка наклоним ось вращения, то добьемся желаемого результата...

— Приступайте немедленно!

— Уже занимаюсь, Старший...

— Доктор, эти ваши нейрорелаксанты окажут нужное воздействие?

— Я сделаю все, что смогу, Старший...

— Тогда приступайте! И да поможет нам Бог!

СНЫ

Это был последний день войны. Великой войны на тотальное уничтожение. Враг, поставленный на колени военной мощью и доблестью бойцов-победителей, покорно ждал своей участи. И настало время для Последней зачистки. Ибо для того, чтобы полностью уничтожить Человека,

не достаточно бомб, радиации и бактерий. Для этой цели не обойтись без другого Человека. Человека с равнодушными глазами и надежным, не дающим осечек ружьем.

Развалины за развалинами, воронка за воронкой... Он не помнил, сколько их было... не помнил, скольких убил в тот день... Помнил только горячее ложе винтовки и хриплое дыхание идущих слева и справа таких же, как и он, Сеятелей смерти. И еще он помнил полуразрушенный подвал дома и глаза... Большие светлые глаза маленькой девочки, заслонявшей собой кучку трясущихся от страха детей. Огромные распахнутые в ужасе глаза и одинокая слезинка, скатившаяся по щеке на когда-то белый кружевной воротничок... Он почувствовал, что тонет в этом взгляде, опустил винтовку и медленно потянул застежку шлема...

— Твою мать, капрал! Так мы до вечера не управимся!

Он оставил непослушную застежку, зажмурился и, не целясь, выстрелил...

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Я — это возможность... Возможность родиться для одних, возможность жить в их памяти для других, возможность жить в моей памяти для третьих... Кстати, эти третьи больше мне не мешают... Пусть себе управляют этим телом! Для меня, надежно спрятавшегося в недоступном для них месте, это больше не помеха...

— Доктор, похоже, ваши релаксанты сработали так, как мы и ожидали! Во всяком случае, у меня не возникло никаких проблем с установкой контроля! Приятно сознавать, что мы в вас не ошиблись!

— Спасибо, Старший... Но, честно говоря, я и сам не ожидал такого результата... По моей теории, протосознание должно...

— Да ничего оно вам больше не должно, ваше протосознание! И вообще, как биолог с чертовски многолетним стажем я заявляю, что все это — антинаучная чушь!

Я — это я! И Я — это все! Я могу зажечь звезды и гасить их!

— Господин Биолог, можем ли мы приступить к финальной части нашей почетной миссии? Можем ли мы возродить на планете разумную жизнь? Вернуть нашему виду место под Солнцем?

— Да, Старший! Я готов это сделать!

Я не знаю своего имени, ибо все имена мира принадлежат мне!

— Тогда приступайте!

— С удовольствием!

Я — то, что тихо лежит в темном колоде любой человеческой души, то, что составляет ее суть. Я — основа и венец. Я тот, кто может подарить новую жизнь себе подобным, и тот, кто может этого не делать... И я говорю...

— НЕТ!!!

Новый голос ударил медным гонгом и грохочущей волной прокатился под сводами Убежища...

— НЕТ!!! Я ЭТОГО НЕ ХОЧУ!!!

— Что это? Кто это?!

— Что за дурацкие шутки?! Старший?!

— ЭТО — Я! И Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ СЛЫШАТЬ ВАШИ ЖАЛКИЕ ГОЛОСА! ИБО Я — ЭТО ВСЕ, А ВСЕ — ЭТО Я!

И тот, кто был Ничем, стал наконец Всем.

Он медленно и с наслаждением потянулся, пружинящей походкой подошел к пульта управления и отключил уже готовый к запуску механизм. После чего улегся в удобное поле саркофага-реаниматора и запустил программу бессрочного анабиоза. И прежде чем холод вечного умирания сковал мышцы его лица, оно осветилось улыбкой.

Жестокой торжествующей улыбкой победителя.

ЭПИЛОГ

Ничто не вечно во Вселенной. Да и сама Вселенная не претендует на вечность. Но пока она существует — будут тихо гудеть нерушимые механизмы последнего Приюта. Приюта, в котором покоится Сознание целой расы.

И вряд ли есть этим механизмам дело до того, что много миллионов лет после описываемых событий где-то в Африке волосатая прямоходящая обезьяна, которую некий Чарльз Дарвин еще несколько миллионов лет спустя назовет своим предком, впервые взяла в руки палку.

Взяла и со всего размаха опустила на голову случайно подвернувшегося под руку сородича.

ВИКТОР КОЛЮЖНЯК

ПЯТНАДЦАТЫЙ ДОМ ПО УЛИЦЕ КАМЮ

ставь ее в покое...

Если это вестерн, то я должен стоять с револьвером в руке, смотря из-под опущенной шляпы на противника. По пустынной улочке ветер проносит «перекати-поле». Играет музыка Эннио Морриконе. Маленькой городок замер, ловя каждое наше движение. Положительные герои всегда побеждают, либо остаются в живых, чтобы потом отомстить. К сожалению, неизвестно, насколько положительна моя роль.

Да и вокруг явно не вестерн.

А может, это триллер, и мы говорим о кнопке пуска ракет, ядовитого газа или взрыва ядерной бомбы. Один из нас с пистолетом, в то время как другой замер возле кнопки. Патовая ситуация, в которой нет явного победителя, да и неизвестно, кто где. Ведь это может быть и кнопка отмены.

К сожалению, это и не триллер.

Если драма, то кто-то стоит и держит на руках девочку. Он ее отец или, наоборот, отчим. А второй просит отпустить и не мучить необходимостью разрываться между тем, кого она любит, и тем, кто ее породил. Читатели роняют слезы на страницы, и типографская краска расплывается черным пятном, изменяя вместе с буквами нашу реальность.

Однако наша драма куда менее трагична.

Будь у меня возможность выбора, я с удовольствием перескочил бы ближе к главному конфликту. Нет хуже времяпрепровождения, чем открывать себя для читателя со всех сторон. Пытливый взгляд изучает каждую фразу или деталь одежды в надежде угадать концовку. Я тоже на это надеюсь, но не знаю, получится ли.

Еще хуже, когда торопливо читают, проскакивая описания и не замечая выбора и духовных метаний. Жуют сюжет, будто фастфуд, стремясь записать глубже и больше. А потом изжога бьет изнутри, и в мозгу лишь тупое сытое удовлетворение. Проглотил, прожевал, запил. И никакого толку, кроме рези в желудке.

У нас, правда, все сложнее: мы просто падаем в мусорку недоеденными. Мой прота-антагонист — пока еще только самое развитие событий и ничего не определено — устало делает шаг внутрь рассказа.

«Летним вечером пятницы можно вдоволь помечтать о том, как провести выходные. Часть этих планов не сбудется, но никто не мешает нам их строить, пока жизненные обстоятельства еще раздумывают, с какой стороны подступиться.

Эдуард Де Карро вышел из здания по адресу «Камю, дом пятнадцать» и радостно улыбнулся. Сегодня он впервые был приглашен к мадам Флорентини, а это значило, что его знакомство с богемой Парижа подошло к своему апогею.

Эдуард знал, что глупо употреблять такое слово, как «богема», в отношении Парижа, где каждый дом имеет свою историю, а количество поэтов, писателей, художников, скульпторов, модельеров, певцов и прочих почти равно количеству жителей.

Но это все сейчас не интересовало молодого человека, который только недавно закончил свой первый роман и не успел еще потерять надежды пристроить его в издательство, или добиться отзыва от кого-нибудь из тех, чьи имена столь часто мелькают в колонке литературных новинок.

Поначалу Эдуард хотел прогуляться пешком, благо до небольшого ресторана, который мадам Флорентини снимала для своих посиделок, можно было добраться не более чем за полчаса. Бедственное положение наследника обнищавшей дворянской семьи приучает ценить прелести таких прогулок. Тем более, что погода благоприятствовала.

Однако Эдуард решил, что негоже в самый первый раз являться пешком. Это могло произвести неблагоприятное впечатление.

Услужливый кучер распахнул дверь перед элегантным молодым человеком и, преданно глядя в глаза, назвал сумму раза в два более той, на которую рассчитывал Эдуард. Чего никогда нельзя будет отнять у обнищавших дворян, так это чувство собственного достоинства. Пожалуй, у них оно развито даже более, чем у их успешных собратьев. Ни дрогнув ни на миг, Эдуард прошествовал внутрь кареты и благосклонно кивнул кучеру, когда тот закрыл дверцу.

Лишь оставшись один, он позволил себя прошептать ругательство. Но и это было сделано с особым достоинством».

Как вы понимаете, автор не утруждает себя указанием времени происходящих событий. Почему-то считает, что наличие карет уже многое скажет читателю. Да и сам Эдуард показан всего лишь парой мазков. Мальчик из дворянской семьи. Не богат, но с характером. Писатель.

Вокруг одни условности, и тот, кому выпало прочесть рассказ, домыслит предполагаемое время и предполагаемого Эдуарда.

Авторы, а также писатели и литераторы, во многом подобны художникам. Наш принадлежит к любителям делать наброски карандашом.

Меж тем, время размышлять и философствовать за кулисами подошло к концу. Мой выход. Не надо аплодисментов. Чего уж там.

«Карета остановилась напротив входа в ресторан. Эдуард расплатился и даже кое-что добавил сверх, по-прежнему демонстрируя благородство происхождения. Монеты упали на подставленную кучером ладонь, загрузившие от вожжей и кнута пальцы схватили их и сжали.

Молодой человек подошел ко входу в ресторан. Оттуда доносился голос подающей надежды шансонье, перекрывая гул разговора и звон бокалов. Именно такой атмосферы Эдуард и ожидал. Он хотел было толкнуть дверь, но, задумавшись, не заметил, что его уже опередил господин в дорогом на вид плаще и эффектной шляпе. Поэтому толчок пришелся прямо в спину незнакомца. Кровь прилила к лицу молодого человека, окатив жгучим чувством стыда.

— Покорнейше прошу простить меня, — смиренным тоном произнес он. — Ради Бога и хозяйки этого вечера, на который вы и я приглашены, давайте забудем об этом незначительном инциденте. Я задумался и, признаюсь честно, не заметил, что вы стоите впереди меня. Мое имя Эдуард Де Карро. И, чтобы загладить вину, я согласен угостить вас чем-нибудь.

— Не волнуйтесь. Ничего страшного не произошло.

Господин развернулся, но еще до этого, по голосу, Эдуард понял, что перед ним почти ровесник. Странная печать грусти отчетливо выделялась на этом красивом, хоть и чуть полноватом лице.

— Меня зовут Франк Мойе. Я художник. Вы, я так понимаю, здесь первый раз? О, не смотрите на меня так. Просто иначе вы бы знали, что мадам Флорентини оплачивает угощение и спиртное. Многие из обнищавших финансами, но не духом, ждут этого вечера, чтобы наконец-то почувствовать себя на празднике.

Голос у Франка был чуть резковат, словно он хотел закричать, но постоянно сдерживал себя.

— Мне ли не знать, — охотно отозвался Эдуард. — Я посвятил себя писательскому делу, но чтобы сводить концы с концами мне приходится работать корректором в «Огнях Парижа».

— Это, наверное, ужасно для человека дворянского происхождения.

— Увы.

— Однако, все не так страшно. Вы ежедневно исправляете чужие ошибки, чтобы не наделать своих. Как продвигается писательское дело?

— Я закончил первую книгу.

— Прелестно! Не дадите ли почитать?

— Вообще-то я собираюсь попытаться пристроить ее в издательство или какому-нибудь критику. А экземпляр, к сожалению, у меня пока один.

— Ничего, я подожду, — Франк улыбнулся. — Теперь у меня есть повод желать вам получить признание как можно быстрее. Иначе я так никогда и не доберусь до нее.

К ним подошел седовласый господин с тростью и напомнил, что внутри намного интересней, чем на пороге.

— Впрочем, если молодые люди решили поговорить наедине, то не могли бы они пропустить меня? — тактично поинтересовался он.

Естественно, что они так и сделали и тут же, сконфуженно переглянувшись, расхохотались и последовали за месье. Подобные случаи нередко сближают юношей, и этот не стал исключением. Внутри они вошли если не друзьями, то приятелями уж точно.

Запахи лучших духов из тех, на которые хватило денег, перемешивались с ароматами изысканных закусок. Официанты сновали тут и там, вышколенные настолько, что разговоры об искусстве не прерывались мирскими проблемами вроде поисков стакана с вином или проклятиями в адрес того, кто забрал последнюю тарелку с устрицами.

Однако прежде чем полностью погрузиться внутрь этого празднества души и тела, приятели засвидетельствовали свое почтение хозяйке вечера.

Мадам Флорентини расположилась неподалеку от входа, встречая гостей. Она знала в лицо всех и находила для каждого отдельную тему для разговора.

В черном платье, с сигаретой в длинном мундштуке, она выглядела вульгарно и одновременно — вот что называется умение держать себя — кроткой и пугливой женщиной, которую обстоятельства вынуждают одеваться в подобном духе.

— О, месье Эдуард, как ваша книга?

— Благодарю, все так же. Если бы у книг качество зависело от лет выдержки, то она определенно прибавила бы в цене.

— Месье шутит?

— Чувство юмора воспитывается в нашей семье веками.

— Значит, вы еще на пути к совершенству? — переспросила мадам.

— Тупше, — Эдуард поднял руки.

— А вы, Франк, мой мальчик, уже нашли свою музу? — она перевела взгляд на Мойе.

— Увы. Пока я все еще в поисках.

— Эдуард, вам уже успели поведать эту трагическую историю?

— Нет, мы едва познакомились.

— Вы, как писатель, вполне могли бы отразить это в своем новом романе. Конечно, если Франк не будет против, — мадам вопрошающе посмотрела на художника

— Я пока не вижу смысла начинать новый роман, не успев пристроить старый, но историю выслушаю с удовольствием.

— Возьмите у официантов пару бокалов шампанского и тарелку с закусками. Расположитесь где-нибудь в углу, подальше от сплетников и болтунов. Так вам будет лучше всего. Конечно, этим винам не хватает изысканности, а блюдам тонкого вкуса, присущего тем, которые готовятся на кухнях

дворянских домов, но у нас всего лишь дружеские посиделки, а не светский раут, так что, я думаю, вы меня простите, — лукавый взгляд в сторону Эдуарда.

Тот вежливо поклонился, Франк же попросту кивнул. Они последовали совету хозяйки и уселись за дальний столик, который только что покинули две молодые особы, скрывающие лица под масками. В память о них остались лишь пара бокалов с ярко-красными следами помады. Сноровистый официант тут же подхватил их на поднос и обтер столик полотенцем.

Франк, сделав большой глоток белого вина, начал рассказ.

Моя жизнь поначалу складывалась обыденно. Я вырос в семье лавочника, торгующего холстами, красками и кистями. В любом другом городе Франции это предприятие было бы убыточным, и семья наша влачила бы жалкое существование, вынужденная продавать кисти из тончайшего беличьего волоса крестьянам для покраски забора. Однако, Париж — это иной мир. Многие известные художники не чурались посещать лавку отца. У нас закупались и Жюль Жаке и Фредерик Базиль. Однажды лавку посетил Моне и остался доволен увиденным.

В общем, торгвая приносила доход, и отец потихоньку копил богатство, лелея мечту дать своему единственному сыну, вашему покорному слуге, приличное образование. Но я был одержим совсем другой идеей.

Жизнь среди масляных красок и холстов, игры обломками кисточек — все это творило прекрасные картины, каковые могут возникнуть только в мозгу ребенка. На свое двенадцатилетие я выпросил для себя один час и прямо там, среди этого рая художников, нарисовал картину. Она не была гениальной, но познаний отца в живописи хватило, чтобы разглядеть в этой мазне — о, да, сейчас я имею право так говорить — зачатки таланта.

В тот вечер мое будущее было предрешено.

Поначалу я с радостью погрузился в мир красок. Отец упросил одного малоизвестного художника обучить меня технике рисования в обмен на некоторые существенные скидки. И, без ложной скромности, я вскоре превзошел своего учителя. Более всего мне удавались странные тягучие картины, наполненные чувствами, переполнявшими мое сердце. В них не было особого сюжета, но внутри плескалось настроение. Однако мой учитель страдал тягой к консерватизму и в первую очередь пытался научить меня натюрмортам и портретам. С этого все и началось.

Однажды, неожиданно даже для самого себя, я написал натюрморт, который был столь идентичен тому, что я видел перед собой, что мог заменить фотографию.

Единственное, что омрачало мою радость — гнилостный запах от фруктов, которые испортились будто бы в один миг.

В следующие два дня меня будто бы охватила лихорадка. Я писал картины одну за одной. Заканчивал, ставил в углу свое имя и тут же принимался за новую. Ни одной минуты я не тратил на бесполезные — как мне тогда

казалось — сон и еду. Писал и никак не мог остановиться. В какой-то момент руки обессилено опустились, и я понял, что марафон подошел к концу. Восемь картин стояли, прислоненными к стене, и это был мой первый шаг в известность. Они разошлись по частным коллекциям практически в один миг.

После этого я стал достаточно известен в узких кругах художников, хотя мне только лишь исполнилось семнадцать. Стоит ли говорить, как счастлив был отец, с какой любовью смотрел он на меня, и как гордо рассказывал об успехе соседям.

Правда, было и еще кое-что. Я не мог больше писать. Будто бы я выдохся и вложил в эти картины все, что у меня было. Разделил свой талант на восемь частей и зарыл в грунт и краски. То, что я писал в тот момент, ошеломленный славой и успехом, не шло ни в какое сравнение не только с этими восемью картинами, но даже с самой первой, которая создавалась всего лишь час.

Я попробовал было опять написать натюрморт, и вновь, так же как в прошлый раз, фрукты прогнили, но я получил свое. Два дня я творил без остановок и создал еще семь великолепных картин. Однако, при всей их красоте, они были идентичны предыдущим. Этот акт безумного творения не стал шагом вперед. Топтание на месте — не больше. Нечто важное скрылось от меня, оставив лишь след былого в душе. Я мог бы продолжать в том же духе: натюрморт, а потом нескончаемая пляска возле холста. Но это было однотипно, и вскоре мои картины наскучили бы искушенным критикам. Нашлось бы новое дарование, а на меня навеки налепили бы ярлык «нераскрывшийся». Честолюбие и желание отблагодарить отца не давали поступить так просто.

И вот тут подвернулась натурщица.

Прослышав обо мне, одна мадмуазель предложила мне написать ее портрет. Эта картина, как и остальные пятнадцать, которые я нарисовал за следующую неделю, вошли в цикл «Увядание красоты».

Но если бы это оказалось только названием, то моя история потеряла бы большую часть своей трагичности.

К сожалению, натурщица увяла точно так же, как фрукты. Да, мадмуазель, хоть и была красива, но уже не молода. За неделю из тридцатилетней превратиться в разваливающуюся старуху — это невозможно объяснить какими бы то ни было причинами, кроме сверхъестественных.

Врачи терялись в догадках, а я точно знал, что причиной тому мой портрет. Я вышил красоту этой женщины и воплотил ее в картинах. Возможно, она бы и не отказалась продолжить свое существование в таком виде, поскольку слыла довольно эксцентричной особой, но мне от этого было не легче.

Почти три месяца я не писал, настолько велики были муки совести. Отец смотрел на меня с подозрением, но никаких вопросов не задавал.

Постепенно, я все же стал браться за кисть и однажды, не выдержав, нарисовал нищенку, которая побиралась напротив дома. Наверняка с ней произошло то же самое, ибо после этого она пропала. Я думал, что смерть такого, никому не нужного человека, не скажется на моей, и без того истерзанной страданиями душе, но ошибался. С тех пор, хотя я заработал неплохое состояние, и все еще считаюсь одним из открытий последних лет, прошло четыре года, а я так и не написал ни одной картины.

Где-то глубоко внутри я уверен, что все люди и предметы — лишь отражения моей музыки. И когда я ее найду, то смогу вновь взяться за кисть. Красота этого дивного создания окажется столь вечной, что никакое дурное влияние моего таланта ей не повредит. Я твердо верю, что обязательно узнаю ее, когда увижу, но пока, увы, мои поиски безуспешны».

Надо же. Оказывается, я имею влияние на автора. Стоило только мне заикнуться о художниках, как тут же он меня им и сделал. Впрочем, это могло быть совпадением. К тому же, поскольку весь пасьянс давно разложен, мы движемся по заранее накатанным и давно утомившим нас траекториям. Книга напечатана, и сейчас кто-то при свете лампы или полуденного солнца, вдыхает запах типографской краски и царапает пальцы в кровь о новенькие страницы.

Эй, автор! Герои выведены на сцену и уже успели показать себя. Самое время вводить предмет конфликта. Ну же, не тяни, а не то можешь потерять читательский интерес.

Жаль, я не помню, сколько еще длиться нашим хождениям по стремительно увеличивающейся нумерации страниц. Надеюсь, не слишком долго.

Дай мне сделать шаг в сторону, автор. Или же освободи от участи проживать одну и ту же жизнь. Пока я всего лишь взываю к тебе, но если ты не послушаешься, то я постараюсь устроить бунт.

Я серьезен, но почему-то никто не верит в угрозы придуманного персонажа.

«Франк сделал большой глоток вина и чуть пожал плечами, показывая, что он признает право Эдуарда не верить, если тот не хочет, но одновременно с тем дает понять, что все рассказанное — правда. Внезапно, в глазах его появился лихорадочный блеск, словно у одержимого. Он подался вперед всем телом и чуть слышно прошептал: «Это она...»

Эдуард проследил направление его взгляда и тотчас же с губ его сорвался вздох восхищения. По ресторану плыла кареглазая богиня, и по сравнению с ее улыбкой все остальное в этой жизни было уже не важно. Оба приятеля поднялись со своих мест и поспешили навстречу красавице. Один продолжал шептать чуть слышно: «Это она...» — в то время как второй, хотя и считал себя писателем, не мог найти слов для увиденного. «Да, Франк прав, это она, — подумал Эдуард. — Это та, с которой я проведу остаток своих дней, и никто мне не помешает. А Франк и его история — ерунда.

К тому же, мы знакомы с ним всего лишь несколько часов. Что стоит эта, с позволения сказать, дружба? Да ничего. Эта девушка достойна того, чтобы ради нее бороться из последних сил, и я не отступлю! Разве может составить конкуренцию дворянину какой-то сын лавочника? Пускай он даже и известный художник».

О том, что его финансовое состояние сейчас гораздо скромнее, чем у «сына лавочника», Эдуард не думал.

— Друзья! — мадам Флорентини тем временем оказалась на лестнице, ведущей на второй этаж, а рядом с ней стояла та самая девушка. — Разрешите представить вам гостью нашего сегодняшнего вечера. Молодую, подающую надежды актрису Парижской оперы, мадмуазель Элен Богуши. Прошу вас, не докучайте ей вниманием. Мадмуазель у нас первый раз и если вы ее обидите, то она может больше не появиться здесь. Не знаю, как вы, а я буду этому чрезвычайно опечалена.

Гул, пронесший по залу, свидетельствовал о том, что равнодушных не оказалось. Каждый клятвенно заверял, что не будет докучать мадмуазель, в то время как сам лелеял мечту о том, что именно он окажется ее счастливым избранником.

Эдуард и Франк переглянулись. Холодности и угрозы в этих взглядах было больше, нежели дружелюбия.

— Это она, моя муза, — тихо, так, чтобы его услышал только Эдуард, сказал Франк.

— Посмотрим, — ответил тот и поспешил к лестнице, бесцеремонно расталкивая столпившихся.

По счастью, несмотря на общее негодование, никто из толпы не выказал желания наказать наглеца, а мадам Флорентини заметила Эдуарда.

— Друзья! Я совсем забыла, и нет мне прощения! Сегодня у нас не один, а два новичка. Вторым является вот этот вот молодой человек. Пропустите его, пожалуйста. Познакомьтесь, это Эдуард Де Карро, молодой писатель, — мадам схватила prodравшегося сквозь толпу юношу и поставила его между собой и Элен. — Не правда ли, замечательные молодые люди попали на наш праздник. И посмотрите, как они чудесно смотрятся вместе!

На щеках Элен выступил румянец, да и сам Эдуард почувствовал себя неуютно.

— Я предлагаю, чтобы эта пара выступила с танцем открытия.

Раздалась жидкие аплодисменты. Собравшиеся разбрелись по своим местам, площадка в центре освободилась, и квартет заиграл мазурку.

Эдуард несмело протянул руку, а Элен, поколебавшись мгновение, вложила в нее свою ладонь. Танец начался, молодой человек все никак не мог оторвать взгляд от девушки. В глазах светилось обожание и желание сделать все, что угодно, ради избранницы сердца.

Элен почувствовала и правильно поняла этот взгляд. Она высоко подняла голову, будто бы расправляясь и, заодно улыбнувшись, погрузилась

в ритм танца. Надо сказать, что Эдуард от нее не отставал. Все же дворянское воспитание имело некоторые преимущества.

Танцоры были достойны друг друга, и даже те, кто мечтал оказаться на месте Эдуарда, не могли этого не признать.

Лишь Франк стоял опустошенный, бессильно сжимая и разжимая кулаки, не зная, что предпринять. Мадам Флорентини перехватила его наполненный ревностью взгляд, но ничего не сказала, а только лишь печально улыбнулась».

Похоже, страсти накаляются. Теперь все оставшиеся страницы мы будем бороться друг с другом за обладанием сердца девушки. Уже сейчас, по отношению автора можно судить о том, что придется мне остаться в проигрыше. Роли распределены, и антагонист здесь я.

Жаль, очень жаль, дорогой автор, что именно мне уготована участь проигравшего, однако кое в чем я все же выиграл. Внутренний голос нашептывал мне устроить скандал и разругаться со всеми в пух и прах. Может быть, небольшая потасовка между мной и Эдуардом?.. Я распознал тебя, автор, хотя ты и нашептывал мне так, будто бы стал на секунду мной. Но у меня получилось сдержаться и, кажется, спустя бесчисленное количество переждений, я понял, что твоя власть не безгранична.

Я всего лишь пешка, но меня можно обменять на любую фигуру. И пора уже становиться ферзем.

«Танец закончился, но Элен и Эдуард по-прежнему держались за руки, не спеша расставаться. Их взгляды были прикованы друг к другу, и все в зале почувствовали, что присутствуют при зарождении нового чувства.

— Разрешите?

Эдуард с раздражением повернулся и увидел Франка. К его удивлению тот улыбался и не выглядел расстроенным. «Хорошо, что ты смирился», — подумал писатель.

— Да?

— Извините, мадмуазель, но я вынужден просить вас ненадолго подарить мне внимание вашего партнера. Обещаю, я буду предельно краток, и он вернется к вам так быстро, что вы не успеете заскучать.

Элен благосклонно посмотрела на Франка и, улыбнувшись, кивнула. Этот жест не ускользнул от внимания Эдуарда. Пришел его черед ревновать. Приятели отошли в сторону, а вниманием Элен завладел тот самый седовласый господин, который совсем недавно предлагал им продолжить беседу внутри ресторана.

— Не волнуйся, это один из драматургов. Сомневаюсь, что у него какой-нибудь другой интерес, кроме профессионального, — сказал Франк, заметив взгляд Эдуарда.

— А с чего ты взял, что я волнуюсь? — взвился тот.

— Ни с чего. Извини, — Франк примирительно поднял руки. — Наоборот, я хотел поздравить тебя.

— Еще не с чем, — оборвал Эдуард, но уже чуть менее раздраженно.

— Все равно. Пока вы танцевали там, я подумал, что вы действительно прекрасная пара, как сказала мадам Флорентини. Наверное, она все же не моя муза. Она красива и божественна, но моя муза вряд ли будет танцевать с другим.

Внутри Эдуарда царило ликование. Как бы то ни было, Франк нравился ему, и иметь его в соперниках не хотелось. Гораздо лучше было бы закрепить только начавшуюся дружбу. По-видимому, тот и сам это понял, раз решил засвидетельствовать свою капитуляцию. Что ж, это существенно облегчало дело.

— Спасибо, я верю, ты ее еще найдешь.

— Конечно, найду, по-другому быть и не может, — Франк улыбнулся. — Мне бы хотелось еще встретиться с тобой и пообщаться. Ты не мог бы сказать свой адрес? Я как-нибудь навещу тебя. Уверен, что у вас все получится. Ну, так что скажешь?

Эдуард не знал, что противопоставить такому напору и подумал, что хорошо еще, что эта неудержимость направлена на него, а не на Элен.

— Конечно, я не возражаю. Улица Камю, дом пятнадцать. Я с удовольствием буду ждать тебя в гости. Но, предупреждаю сразу, меня можно застать чаще всего по вечерам.

— Ох, боюсь, вскоре вечера ты будешь проводить в другой компании, — Франк подмигнул. — Ну, не буду тебя задерживать. Желаю приятно провести время, а меня ждет еще одно небольшое дельце.

Писатель даже не успел ничего сказать, в то время как художник уже скрылся за дверью, мелькнув на прощанье полой своего дорогого плаща. Впрочем, Эдуард не придавал этой поспешности никакого значения. Он вернулся к Элену.

Это действительно она. Та самая муза, которая предначертана мне провидением и пером автора. Но им же предначертано так, что она достанется другому.

Я уже мог предвидеть ход его мыслей. Трагедия достойного человека, который оказывается заложником дружбы, в то время как друг наслаждается любовью. О, это поистине дьявольский замысел. Сотни девушек, читающих эту историю, будут умолять Элен выбрать меня, бедного и несчастного, а она останется с Эдуардом. Персонажем положительным, но лишенным очарования мистической судьбы.

А я, снедаемый ревностью, буду метаться от одного к другому, совершать безумные поступки и в итоге настрою всех и вся против своей скромной персоны. Я вполне мог понять логику автора. Однако я все еще не желал оставаться проигравшим, и мне уже удалось уйти со сцены. Причем именно тем способом, который выбрал я, а не автор.

Еще один шаг в сторону, и я смогу поступить так, как заблагорассудится.

«Карета остановилась возле дома пятнадцать на улице Камю. Из нее торопливо выбрался Франк, одарив кучера более чем щедрыми чаевыми.

Молодой человек дождался, пока цокот подков по мостовой стихнет, и подошел к входной двери.

Несколько минут он возился с замком, вздрагивая от каждого шороха. В итоге, взмыленный и раздраженный, отошел от двери, проклиная Эдуарда. Несмотря на обшарпанный фасад дома, на хорошие запоры деньги у хозяина были.

Со злости Франк ударил в темневший провал окна неподалеку. Удар получился несильным, но окно слегка приоткрылось. «Когда-то мне все-таки должно было повезти», — подумал художник, толкая створку внутрь. Вскоре, он уже смог пролезть, хотя и чуть было не запутался в плаще.

Теперь дело за малым — найти то, ради чего он решился проникнуть в чужое жилище. Однако без света сделать это было крайне трудно.

И тут ему повезло второй раз. Пальцы нашарили на стене подсвечник, который легко снимался.

Вскоре Франк уже бродил по дому, прикрывая свет рукой. На первом этаже ничего не оказалось. Обжитыми комнатами выглядели лишь кухня и гостиная, но на всякий случай Франк обшарил и остальные. Когда стало ясно, что здесь он ничего не найдет, художник перешел на второй этаж.

В третьей комнате ему повезло. На столе лежала стопка бумаги. На первой странице красивым почерком было выведено: «Пятнадцатый дом по улице Камю».

— Интересно, — прошептал Франк и перевернул страницу.

Он пробежал глазами несколько строк, отвел взгляд, выругался, поставил подсвечник на стол и присел. Похоже, это было много больше, чем то, что он собирался обнаружить».

Вот уж чего я не ожидал, так именно этого. Все закручено гораздо серьезней, чем мне казалось поначалу. Но теперь я точно знаю, что надо сделать, чтобы окончить свои мучения.

«— Что вы здесь делаете!

Франк оборачивается на крик... Да какой к черту Франк. Я оборачиваюсь, и я же вижу перед собой Эдуарда.

— В гости зашел. Успокойся.

Но он не может успокоиться. Я сижу перед столом с подсвечником в руках и капаю маслом из лампы на рукопись. Мои намерения вполне очевидны.

— Отдай книгу!

— Ни за что, мой дорогой автор.

— Какой еще автор? О чем ты?

Он дрожит, его ноздри раздуваются от ярости. Грудь вздымается. В отличие от него я спокоен, потому как знаю цену промаха.

— Ни за что.

Я не успеваю договорить, а он бросается ко мне. Хорошо, что подсвечник тяжелый. Удар по голове отбрасывает Эдуарда-автора. Он падает на пол и скулит, сжимая руками голову.

— Что, никогда не думал, что можешь получить от собственного персонажа, да?

— Я не понимаю: о чем ты говоришь! — он кричит, не в силах сдержать боль.

— Авторская сублимация опасная штука, да, Эд? Ну кто же мог предположить, что делая главным героем писателя, который написал свой первый в жизни роман, ты одновременно переносишь этот роман сюда, в выдуманную реальность. Вряд ли ты так планировал. А может быть, ты все еще управляешь мною, прописав мне уверенность в собственных силах?

— Ты псих, — он наконец смог подняться, шатаясь и держась за голову.

— Может быть. Но знаешь, что? Сейчас я сожгу эту надоевшую книгу и получу долгожданную свободу!

— Не надо! — он почти умоляет. — Делай, что хочешь. Забери себе Элен, но только не трогай книгу. Она — самое ценное, что есть у меня. Оставь ее в покое!

Ну вот, та самая фраза, которая засела внутри меня с самого начала рассказа. Уж не знаю точно, что значила она тогда, но сейчас мне нет до нее никакого дела.

Я сожгу это собрание предложений, заставляющих плясать под чужую дудку. Сколько там букв? Сто тысяч? Двести? Триста? Такова плата за свободу. Ничего личного.

Огонь пожирает страницы, и эпизоды вспыхивают в моей памяти. Огонь окружает и убивает. Прощай, автор.

Интересно, что ты хотел сказать, называя улицу именем Камю?..

ЮЛИЯ ГОФРИ

О СЛАБОСТЯХ СИЛЬНЫХ НАТУР

Проблема была в том, что неумолимому диктатору, не знающему ни жалости к врагам, ни поражений в битвах, ни угрызений совести... вообще, много чего не знающему... о чем это мы? Так вот, такому серьезному человеку очень несолидно обрушиваться всей своей имперской мощью на малюсенькую деревушку на краю света. Еще стой эта деревня, допустим, у главного тракта — ее можно было бы просто растоптать по дороге на очередную войну, никто бы и не заметил. Заодно и ребята бы поразвлеклись, для поднятия боевого духа очень полезно. Но вот так, в мирное время, безо всякой причины — нехорошо. В том смысле, что у кого-то могут возникнуть вопросы: а с чего это вдруг император так обозлился на ничем не приметную деревушечку, да еще на самом, извините за выражение, краю света? Уж не обидел ли его там кто? Постойте, а не в этой ли деревушке Высочайший Злодей Всех Времен и Народов император Роман Кош имел счастье родиться? А раскопав этот факт, кто-нибудь непременно решит поискать выживших поселян, как раз перед резней случайно поехавших в какую-нибудь другую деревню на свадьбу или, к примеру, похороны. Или на оба события сразу, чтоб лишний раз лошадей не гонять. И ведь по закону жанра непременно таких хоть парочка, да найдется! А там уж и недели не пройдет, как вся страна будет шептаться о том, как маленького осиротевшего Ромку вся деревня по очереди макала головой в нужник. Ну, макала. Развлечений-то в деревне зимой мало. А то еще...

Роман Кош, в одиночестве летящий над ночной землей, усилием воли прервал воспоминания. Чтобы не пришлось потом принимать меры для восстановления душевного равновесия. А то во дворце сейчас, как нарочно, ни одного Рыцаря для Рубки не осталось. Кончились. Их всегда было маловато, работа слишком уж опасная, хоть и платит император хорошо, и похороны по первому разряду за казенный счет. В закрытом гробу, разумеется.

Последние десять лет император упорно надеялся, что кто-нибудь в деревне даст ему достойный предлог для проявления гнева. Однако, как назло, подати крестьяне платили исправно. Вольнодумцев среди них тоже

замечено не было, как, впрочем, и вообще никаких «думцев» — не до того как-то, когда то дожди стеной, то засухи, то упыри из земли лезут. Роман Кош в свое время неплохо отточил свое магическое мастерство, насылая все эти напасти, но чувство мести требовало более драматичного решения проблемы.

На горизонте ровной, как обеденный стол, равнины, показался невысокий холм. Роман Кош притормозил и, зависнув невысоко над землей, сверился с картой.

Единственной возвышенностью, отмеченной на карте, была Огромная Драконья Гора. Роман Кош недоуменно взглянул на холмик, потом снова на карту.

— Может, она вблизи окажется выше, — пробормотал он, пожимая плечами.

Вблизи холм, однако, показался еще меньше. Диктатор, недовольно хмурясь, приземлился и побрел вокруг в поисках входа.

— Что, неужели сам? — удивлялся заезжий купец.

— Сам, сам, чтоб мне сдохнуть! — заверял его собеседник, деревенский староста Кошевки. — Тут подход знать нужно. Ты про Крысоедов слыхал?

— Слыхал, как не слышать. На кораблях их выводят. Сажают десяток крыс в бочку, да еды не дают. Какая последней в живых останется, та и Крысоед. Потом ее отпускают, а она всех других крыс пожрет, ни одной не оставит. Потому как во вкус вошла.

— Ну вот, — кивнул староста.

— Так вы что же, — не поверил купец, — десяток упырей сами наловили?

— Ну, не десяток, — признался староста, — четверых довольно оказалось. Заперли их в избе, окна-двери заколотили, трубу тож, снаружи все чесноком увешали, да стены святой водой через день поливали. Месяц спустя одно окно приоткрыли — глядим, он один в живых остался, третьего уже доедает. Ну, мы его оттудова достали, хатку ему сколотили поблизости от кладбища. Маленькую хатку, чуть больше нужника, — зачем ему большая? Опять же, без окон. Он теперь сам на охоту ходит, ни одного упыря еще с кладбища на деревню не выпустил.

— Ну, вы, братцы, головы! — восклицал купец. — Ну и головы!

Из норы смердело со страшной силой. Роман Кош вытащил из кармана носовой платок, прикрыл им нос и, сунув голову внутрь норы, закричал:

— Эй, ты, как тебя там! Даг! Эй, Даг!

— Во-первых, не Эй, а Ай, — раздался изнутри спокойный голос, — а во-вторых, мы с вами на брудершafft не пили. Хамье мужичье.

— Да ты знаешь, с кем... — взъярился, было, Роман Кош, но тут из норы стремительно высунулась огромная голова на длинной шее, развернулась и зависла прямо над диктатором, рассматривая его с отчетливым гастрономическим интересом. Тот слотнул. Голова фыркнула, выпустив из носа облачко дыма.

— Повинуйся мне, Ай-Даг, — взяв себя в руки, начал тайное заклинание император. — Заклинаю тебя отринуть прежнюю свободу и повиноваться огнине во всем мне, Ро...

— С чего это вдруг? — прервал его дракон.

— Что? — переспросил император.

— С чего это я буду тебе повиноваться? В смысле, я-то, конечно, в любом случае не буду, но интересно, с чего ты так решил?

Роман Кош впервые за последние сорок лет растерялся.

— Я же твое истинное имя знаю, — пробормотал он, — ты мне должен повиноваться. Так во всех магических книгах написано. Я твое имя три года по библиотекам искал. Два города взял, чтоб до тех книг добраться. Читать даже выучился, чтоб никто не обманул.

— Ну-ну, — иронично произнес дракон. — Чего зря мучился? Пришел бы ко мне, я б тебе сам представился. Я, в отличие от некоторых, манерам обучен. А твоих книжек магических не читал, ты уж извини. Ты как, дурными болезнями не болел? Привычек вредных, вроде курения, не имеешь? А то когда мясо никотином провоняло — не люблю, знаешь, — доверительно сообщил дракон.

— Нет, нет, — забормотал Высочайший Злодей, понимая, что ситуация выходит из-под контроля. — Ты погоди. Ты послушай сначала. Тебя клады интересуют? — и подумал про себя, что если и это поверье окажется ложным, то ему и впрямь не сдобровать.

Си вылез из домика, когда солнце, теоретически, уже зашло, но небо на западе еще голубело. Вампиру сегодня захотелось полетать. Свежераскопавшиеся упыри не должны были появиться раньше полуночи, а старых и опытных на его кладбище не было: конкуренции он не допускал. У Си вообще было твердое правило: встал вечером, сделал несложную зарядку, чтобы не потерять форму, почистил клыки, словом, привел себя в порядок, и надо тут же привести в порядок свое кладбище. Проследить, где свеженьких закопали, навалить сверху на кое-какие холмики чеснока, чтоб раньше времени не повывезали, и разобраться сначала с остальными. Ну и потом по мелочи — оградки там поправить, цветочки засохшие убрать. Все же какой-никакой, а дом.

Си поднялся над землей. Куда лететь — не имело никакого значения, поскольку со всех сторон, кроме одной, пейзаж был одинаковый. Унылая равнина, поля кукурузы и гречихи, вокруг — жалкое подобие садов, а дальше и вовсе непаханая степь. Земля-то тут была богата, да люди ленивы до отвращения. Впрочем, Си не жаловался. Не будь они такими ленивыми, его прикончили бы вместе с другими и сами бы заботились о чистоте кладбища и своевременном упокоении как вампиров, так и упырей, между которыми местные довольно обидно не видели никакой разницы.

Си огляделся по сторонам, и вдруг замер. На фоне западного, уже начавшего темнеть неба, он ясно различил нечто, чего там прежде не было.

К деревне летел дракон.

«Может, он просто мимо пролетит?» — с надеждой подумал Си. Надежда была слабенькой — в том направлении, куда летел дракон, за деревней ничего не было. Совсем ничего. Край света все же.

Вдохнув, Си снова приземлился, не успев толком размять крылья. Нужно было идти к старосте, предупредить, а люди не любили, когда вампир летал над деревней. Они вообще предпочитали, чтобы он вел себя по-человечески. Никакого понимания! А с другой стороны, он тут уже привык, обжился. Новое подходящее кладбище не так просто будет найти, особенно если путешествовать только ночью.

Это если вообще удастся выбраться. Огонь — он и на вампиров действует. Даже на очень старых.

Ай-Даг приземлился за околицей и тут же для предупреждения выпустил вверх струю пламени. Сжигать ничего он не собирался без нужды — мало ли, может, именно под тем развалившимся сараем и спрятаны сокровища. А он, Ай-Даг, терпеть не мог закопченных и оплавившихся сокровищ. Чистота — залог благодрокония.

— Красиво, — спокойно заметил Си.

— Красиво, — согласился староста. — Чего теперь делать будет? Красного петуха по хатам пустит?

— Если сразу не пустил — значит, ему что-то от вас надо. Ждет, когда к нему выйдут.

— Господин Меиз! Умоляю...

— Не надо меня умолять, — так же спокойно ответил Си, — все равно вам от этого никакой пользы не будет. Драконы вампиров недолюбливают. Пойти нужно человеку, желательнее вам, как старосте. Если явится простой пахарь, он может обидеться.

Староста икнул. Видимо, обиженный дракон представлялся ему чем-то вроде местного кузнеца Кубалача, когда тому спяну казалось, что в деревне его недостаточно уважают. Только дракон покрупнее. Ну, и кузнец огнем не плюется. Железякой, докрасна раскаленной, помахать — это да, это было. Но чтоб так просто, походя, огнем плюнуть...

— Идите, почтенный, — сказал Си, — не заставляйте дракона ждать. Не спорьте с ним, что бы он ни сказал — бесполезно. Постарайтесь выпросить пару дней на раздумье. А там поглядим.

Ай-Даг начинал уже терять терпение, когда из-за ближайшей хаты показалась человеческая фигура. Дракон устроился поудобнее. Человек подошел так близко, как только смог себя заставить и, сняв с головы шапку, низко поклонился. Ай-Дагу это понравилось. Он вообще ценил хорошие манеры.

— Здравствуйте, уважаемый господин дракон! — дрожащим голосом произнес человек. Это дракону тоже понравилось. Если они достаточно напуганы, то все решится быстро и просто: ему отдадут сокровище,

он слопает двух-трех коз из ближайшего хлева, и будет дома еще до рассвета. Человек, между тем, продолжил:

— Я — староста этой деревни. Позвольте ли, господин дракон, узнать, что вам от нас надобно? То есть, — быстро и еще более испуганно поправился он, — что вас сюда привело?

— Позволю, — ответил Ай-Даг. — Сокровище. Вряд ли вы можете оценить его по достоинству, смерды. Так что давайте клад сюда, и я полетел.

— Какое сокровище? — хорошо разыгрывая удивление, спросил староста.

— Ты мне хвост не пудри, — сказал Ай-Даг, — мне точно известно, что у вас в деревне спрятано сокровище. Если ты староста, то должен знать. А не знаешь, тебе же хуже.

Староста молчал. Ай-Даг немного подождал и прибавил, понимая, что мечтам быть к утру дома не суждено сбыться:

— В-общем, даю времени до следующего утра. То есть сутки да еще одну ночь. Чтоб за это время сокровище было здесь.

— Но, господин дракон! — вновь обрел дар речи староста. — Я клянусь вам! Нет у нас никаких сокровищ!

— Скажи своим людям, — сказал дракон, начиная раздражаться, — чтобы к утру либо сокровище мне принесли, либо нового старосту искали. Может, он будет знать.

Человек немного постоял, странно дергаясь, потом повернулся и, не прощаясь, кинулся бежать. Ай-Даг подумал, что рано похвалил этого человека за хорошие манеры.

— И что же мне теперь делать? — спросил староста. Он сидел за одним столом с Си, по привычке налив самогону в обе кружки. В углу тихонько подвывала жена. Си поморщился от бьющих в нос запахов этилового спирта и сивушных масел.

— Вы уверены, что никто в деревне не скрывает сокровище? — на всякий случай уточнил он.

— Уверен, господин Менз, как же не уверен! Да если б у кого что завелось, разве б я не знал! Моя теща-то — старая ведьма... Взносы, правда, просрочены, но на шабаш дважды в год летает, как положено! Нос у нее — сами посмотреть можете, настоящий ведьминский, длинный да любопытный, много раз дверями придавленный. Кто сколько жену бьет, и то знает! А уж про сокровище... У нее на деньги особый нюх!

— Если дракон уверен, что сокровище в деревне, то переубедить его невозможно, — вздохнул Си. — Так что либо всем нам конец, либо кто-то должен его убить.

— Господин Си! Я... Мы...

— Нет-нет-нет, — замотал головой вампир, понимая, что силится сказать староста. — Даже и не думайте. Чтоб вампир вышел против дракона? Тут требуется серьезная магия.

— Господин Меиз! Да где ж нам к послезавтрашнему утру мага взять? Теща, она, конечно, ведьма, да куда ей против дракона!

— Я знаю, — вздохнул Си. Порой ему так не хватало интеллигентного собеседника! Последний образованный человек проезжал через деревню лет сорок назад, собирая местные легенды. Поговорить толком не получилось: когда Си приземлился у него перед носом, собирателя фольклора попросту хватил удар.

— Нам придется действовать народными средствами, — продолжил он, — порой они дают весьма неплохие результаты. Посмотрим, что у нас есть в наличии.

Убить дракона больше всего шансов было у рыцаря, сражающегося за принцессу. В крайнем случае — невинную девицу. Ни принцесс, ни рыцарей в деревне быть не могло, и насчет невинных девиц у Си были весьма серьезные сомнения.

— У вас, господин староста, случайно дочери нет? — поинтересовался он.

— Есть, как не быть, — вздохнул староста, — целых три. Старшая восемь лет как в невестах ходит, младшая — три, ни одну пристроить не могу. Стервы они все у меня, все в мамашу, ни за какое приданое брать не хотят.

Вампир вздохнул и попробовал зайти с другой стороны:

— Ну, а красавицы незамужние есть в деревне?

— Есть, — охотно отозвался староста, — Кара, Тау дочка, самая у нас красавица.

— Замечательно! И по ней, разумеется, сохнут все неженатые парни.

— Да чего по ней сохнуть? — удивился староста, — ей же только налей пивка там али браги, она и готова, хоть в стогу, хоть в овине.

Си застонал.

Протолкавшись сквозь толпу на площади, староста добрался до большой бочки, стоявшей посредине как раз для подобных случаев, и толкнул случившегося рядом Петрю:

— Подсоби влезть!

Петря молча подставил сцепленные в замок руки. Староста вскарабкался на бочку, окинул толпу взглядом и начал:

— Значит, так. Дракон отсюда нипочем не улетит, пока сокровище не получит. Сокровищ у нас тут сроду не водилось, а то черта лысого мы бы тут до сих пор жили, сами знаете. Найти бы только ту сволочь, что эту байку придумала да дракону рассказала!

— Ты дело давай говори, — раздался сердитый голос из-под ног, — сволочь искать потом будем, когда от дракона избавимся.

Староста глянул под ноги. Голос принадлежал все тому же Петре. Староста откашлялся и продолжил:

— Ты не перебивай, ты слушай. Я о деле и говорю. В-общем, так: ежели кто дракона прикончит, ну, или хотя бы от деревни подальше прогонит,

тому, значит, почет и уважение, ну и еще хату всем миром поставим и свадьбу справим за общинный счет. С Демеркой.

В толпе сразу загомонили. Демерка, дочь старого Джи, считалась завидной невестой: и приданое немаленькое, и нрава покладистого, и на лицо вполне ничего. А главное, мамаша немая.

— А меня, стало быть, не спросили, — возмущенно закричал Джи.

— Цыц, — важно ответил староста, — ради деревни можешь и помолчать.

— Да за меня лучшие женихи сватаются. А мне что же, за убогого какого идти? — подала голос сама Демерка.

— Ты зря не кричи, — громко возразил ей Петря, все еще стоя возле бочки. — Убогий дракона не прикончит. Поняла?

Демерка замолчала, либо поняв, что Петря прав, либо рассудив, что возмущаться в случае чего будет потом.

Все уже разбрелись с площади, возбужденно обсуждая заявление старосты, а Петря продолжал подпирать бочку. Он размышлял, что случалось с ним нечасто: обычно для размышлений не находилось повода. Демерка нравилась ему давно, но подступиться к ней прежде он не решался. Уж больно завидной невестой считалась, больно много о себе возомнил старый Джи. А против мира небось не пойдет, особенно если и хату молодоженам справят, и на свадьбу тратиться не придется. Хотя знаем мы эти свадьбы за общинный счет, на них только что голодным не останешься. Да и как дракона одолеть? Это не кузнеца Кубалача успокаивать... Обычно эта задача поручалась именно Петре, и он всегда справлялся, подкравшись сзади и долбанув кузнеца кулаком по башке, благо придя в себя Кубалач все равно ни черта не помнил. Петря подозревал, однако, что на дракона его кулак такого действия не возьмем, да и попробуй подкрадись незаметно к эдакой зверюге посреди чиста поля!

— О чем думаешь, Петря? — раздался голос за плечом. Парень вздрогнул и обернулся. Голос принадлежал деревенскому упырю.

— Да так, господин Меиз, — неохотно ответил Петря.

— На дракона собрались?

— Да какое там, господин Меиз. Где мне с такой зверюгой сладить!

— А если бы мог сладить, — не унимался настырный упырь, — если бы тебя научили, как с ним можно справиться — пошел бы?

Петря задумался. Крестьянская сметка категорически протестовала против покупки кота в мешке.

— Это как? — спросил, наконец, он. — Наверняка, что ли?

— Э, нет, — рассмеялся господин Меиз. — Вот ты, Петря, землю пашешь? Пшеницу сеешь?

— Кукурузу, — возразил Петря.

— Пусть кукурузу. А знаешь наверняка, какой будет урожай?

— Чего?

— Ну, как уродится кукуруза, — поправился тот.

Петря фыркнул.

— Кто ж такие вещи знает, господин Меиз! Обычно урождается.

— Вот! — поднял палец упырь. — Не знаешь, а все равно пашешь и сеешь!

Петря задумался. Упырь явно на что-то намекал, но на что?

Впрочем, тот уже и сам понял, что задал парню непосильную задачу.

— Если хочешь, — сказал он, — я тебе расскажу, как с ним можно сладить. Только тут, как с кукурузой: скорее всего, получится, но, может, и нет. Так что смотри сам.

Петря поскреб в затылке.

— Вы сначала расскажите, — сказал, наконец, он, — а там уж я погляжу.

Упырь рассмеялся и неожиданно обнял Петрю за плечи.

— Конечно, Петря! А там уж ты поглядишь. Пойдем, что ли, к тебе, чтоб посреди площади не стоять? Кстати, можешь звать меня Си.

Утром Ай-Даг сытно пообедал откормленной козой и пребывал в неплохом расположении духа, когда его окликнули издалека:

— Эй, ты! Ящерица переросшая!

Дракон не сразу понял, что это относится к нему. Подняв голову, он внимательно осмотрел окрестности. Единственным существом, способным издавать звуки, был стоящий на приличном расстоянии от него парень. Убедившись, что его увидели, парень закричал:

— Смотри, червяк, что у меня есть!

Больше всего на свете Ай-Даг не любил, когда его называли червяком. Особенно земляным червяком. Для дракона не могло быть оскорбления страшнее. Он открыл рот и уже собирался без дальнейших дискуссий сжечь наглеца, как парень неожиданно поднял над головой что-то большое и ярко сверкающее в лучах утреннего солнца. Дракон заворожено замер. Неужели? Очень похоже на золотой щит. Золото именно так сверкает на солнце.

Золотой щит был недостижимой мечтой как Ай-Дага, так и всех остальных драконов. Казалось бы, чего сложного — выковать щит из золота, прекрасного, легко поддающегося обработке золота! А не выковать, так отлить! Но эти людишки, чуждые истинной поэзии золота, почему-то предпочитали для изготовления щитов любой другой материал, вплоть до дерева, но никогда — чистое золото! В лучшем случае на щит наносили слой позолоты или же небольшие украшения из этого благородного металла. Так же непонятно, к слову, было для драконов упорное нежелание людей изготовить золотой меч.

Ай-Даг не мог упустить шанс проверить, что находится в руках у оскорбленного его наглеца. Как не мог и рисковать, обладавая его струей пламени: ведь золото так легко плавится! Нет, наглеца следовало схватить, отобрать вожаденный щит, а потом уже можно и прихлопнуть.

И Ай-Даг поднялся в воздух.

Староста открыл сразу — никакому количеству самогона оказалось не под силу уложить его сегодня в постель. На пороге стоял человек, чем-то неуловимо ему знакомый.

— Я пришел, — торжественно возгласил человек, — чтобы насладиться плодами победы!

— Ты кто? — нетвердым голосом спросил староста.

— Как! Ты не узнаешь меня? Меня, великого и ужасного диктатора, не знающего жалости к побежденным и...

— Ты покорооче можешь? — перебил староста, не расположенный сегодня к долгим разговорам.

— Имя мое, — произнес незнакомец, — Роман Кош!

— Ромка, что ли? — вспомнил, наконец, староста.

— Не Ромка, негодяй, а Роман, великий и ужасный! И я пришел, чтобы сказать: завтра, когда будешь ты жариться в пламени дракона, вспомни обо мне! Вспомни, как погружал в нечистоты мою великую голову! И знай, что я — причина твоей ужасной гибели! И так будет с каждым, кто...

— Ах ты, сволочь, — проговорил староста, до которого наконец-то начало доходить. — Это ты к нам этого дракона прислал, что ли?

— Воистину это так!

— Ты, Ромка, как был дураком, так и остался, даже говорить толком не выучился.

— Да, да, — раздраженно заорал великий и ужасный диктатор, — я вам его прислал! Сгорите как миленькие, вот тогда и пожалеете! Вспомни, вспомни, как ты меня...

— Что-то мне плохо вспоминается, — проворчал староста, глядя на императора тяжелым взглядом, и вдруг, прежде, чем тот успел поднять руки для заклинания, сгреб тщедушного тирана в охапку.

— Вот сейчас и припомним, — многообещающе произнес он.

...К огромному сожалению Роман Коша, первое же погружение в содержимое старостиного нужника моментально лишило его магических способностей. Ведущие магопсихологи все еще ищут объяснение данному феномену.

Поймать деревенского увальня оказалось труднее, чем дракон ожидал. Тот мало того, что бегал довольно быстро, по сравнению с другими людьми, так еще и без конца петлял, забегая под защиту деревьев и самым нечестным образом не позволяя себя схватить. Ай-Даг так увлекся, что перестал обращать внимание на что бы то ни было, кроме нахального парня со сверкающим предметом в руках. Наконец, парень сам себя перехитрил: забежал слишком далеко от любых деревьев. Однако, когда Ай-Даг уже начал снижаться, предвкушая победу, негодяй вдруг размахнулся и зашвырнул щит далеко вперед. Видимо, он рассчитывал спастись, пока дракон помчится вслед. Глупец! Неужели непонятно, что теперь Ай-Даг попросту сожжет его вместе с любимым деревом?

Но сначала следовало, ни теряя не секунды, подхватить драгоценность. Ай-Даг рванулся вперед...

— Получилось! — громко заорал Петря, проследив, как хвост дракона исчез в тумане за Краем Света. — Ураааа! Получилось!

Птицы, случайно залетевшие за Край Света (вернее сказать, заброшенные туда особо любопытной детворой), никогда не возвращались обратно. Конечно, дракон — не воробей, но если бы он был способен просто вернуться обратно, то от Петри к этому моменту осталась бы лишь кучка золы. Значит, действительно получилось!

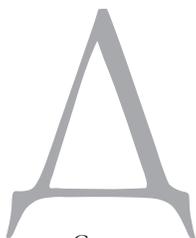
В такие минуты очень хочется хоть кого-нибудь обнять, но поблизости, разумеется, никого не было.

Несколько раз подпрыгнув на месте от избытка чувств, Петря помчался к деревне, думая по дороге, как влетит ему от Демерки за ее новую сковородку.

АННА БЕРЕЗА

СПИЧКА

рэйдон вытер испачканный кровью кулак о джинсы-термометр. Раздался звук, похожий на мышинный писк.

— Ну вот. Из-за тебя, очкарик, у меня повышается температура. Последний раз спрашиваю. Где достать то ретро-дерьмо, о котором ты писал в статье? Элементарное, с одной единственной функцией...

— Спички, — подсказал Олаф, листая журнал-освежитель воздуха.

— Прекрати его листать! — заорал Дрэйдон. — Одуреть можно от этой цитрусовой вони. Я люблю запах крови.

— Не надо срывать на мне злость. Я не виноват, что ты не можешь справиться с ботаником. Он тоньше твоего спиннинга и легче поплавка. Кстати, в твоём поплавке функция компаса барахлит.

Хрясь. От нового удара ботаник-очкарик завалился на пол вместе со стулом, к которому был привязан.

— Что-то хрустнуло, — подсказал Олаф, стараясь не смотреть на результаты работы Дрэйдона. — Должно быть, ты ему что-то сломал.

— Это всего лишь его гребанные очки.

Дрэйдон присел на корточки и, прицелившись, смачно харкнул лежачему в глаз.

— Дай-ка сюда, — Олаф протянул руку и брезгливо принял от Дрэйдона очки ботаника. — А... дужка поломалась. Кончай его, Дрэйдон.

— Н-нет. Н-нет. Пожалуйста. Я скажу, — близорукие глаза зажмурились.

— Так говори, — Олаф вздохнул, устало покачав головой.

— Три... трех... у трех. Они бесценны. Эти экземпляры представляют огромную историческую ценность.

— Мы знаем, паренек. Именно поэтому мы э... беседуем с тобой уже битых два часа, — кивнул Олаф. — Более того, мы знаем точную цену этих бесценных экземпляров.

— Обещайте, что не сделаете ничего плохого, никому ничего...

— Мы обещаем. Правда, Дрэйдон?.. Он обещает, — сказал Олаф, не дождаввшись ответа от Дрэйдона.

— Ну, значит, так... Один коробок хранится в секретном отделе национального ретро-музея. Второй у вдовы Берроуз. Ее муж был страстным коллекционером примитивизма. Коллекция отошла к ней по наследству. Третий — у миллиардера Стивена Норфолка. Разумеется, у обоих

нелегально. Я имею в виду вдову и миллиардера. Это то, что известно мне. Есть вероятность, что еще у кого-нибудь... но я не знаю. Я только это...

— Спасибо, паренек. Видишь, как все просто, — Олаф нацепил очки ботаника на свой веснушчатый нос. — Офигеть, Дрэйдон!

— Что такое?

— У этих очков такая забавная функция. В них видишь людей совершенно голыми.

— Что ты несешь?!

— Прикинь, пока ты избивал очкарика, он пялился на твой хрен.

— Я... нет... что вы... — запротестовал ботаник и заморгал близорукими глазами.

— Пялился, пялился! — ржал Олаф, тыча пальцем в Дрэйдона.

Дрэйдон выхватил из-за пояса-массажера револьвер-плеер.

Бах! Быстрая как молния пуля прожгла дырку в голове ботаника.

— Ты чего, Дрэйдон? Я пошутил, — Олаф раздраженно пожал плечами. — Очки как очки.

— Без дополнительных функций?

— Очки-зеркало. Классика.

— Ну и ладно.

Вдова Берроуз работала в школе для девочек и была на хорошем счету у администрации. Вдова преподавала «Основы полифункциональности», и ее авторская методика по этому курсу в свое время разошлась по школам миллионными тиражами. Виртуальный персонаж, девочка Поли, объясняла мальчишкам и девчонкам азы полифункциональности. Оценки не выставлялись. За неправильные ответы девочка Поли придумывала нерадивому ученику смешное и унижительное наказание. За неправильные вопросы наказания назначались куда более жесткие. Лет двадцать назад на уроке «Основы полифункциональности» маленький Дрэйдон спросил девочку Поли:

— Почему «просто» значит плохо? Мне, например, нравится все простое. Из-за всех этих усложнений докопаться до истины очень сложно...

Девочка Поли слыла очень умной. Она и на самом деле была такой. Она сразу догадалась, что подобные мысли не могли возникнуть самостоятельно в голове девятилетнего мальчишка. Поэтому сначала у Дрэйдона отобрали родителей. Их лишили родительских прав и сослали. Следы их затерялись где-то в подводных тюрьмах Нового моря. Самого Дрэйдона сдали в сиротский комбинат, где до семнадцати лет основным предметом является «Принудительная лояльность». Двадцать два шрама на спине, пятнадцать на руках, два на лице указывали на то, что Дрэйдон не был успевающим учеником по этому предмету. В двенадцать лет Дрэйдон совершил побег из комбината. С тех пор он считался вне закона.

— Охрентительно! — воскликнул Олаф, захлопывая ноут-обогреватель. — Ты в курсе, что вдова Берроуз, у которой предположительно находится та фигня, которую мы ищем, создательница девочки Поли?

— Снова твои шутки? — Дрэйдон сделал глоток из ножа-фляги. Виски-полвивитамины обожгло горло.

— Какие шутки? Она и есть. Кажется, она тебе слегка должна. Проведаем старушку?

За дверью послышались шаркающие шаги, и через мгновение дверь стала прозрачной. Выглядела вдова Берроуз соответствующе своей шаркающей походке — жиденькие седые волосы, сторбленная спина, старческая в пигментных пятнах кожа.

— Мы вам звонили, — сказал Олаф, ласково улыбаясь. Дрэйдон смотрел себе под ноги.

— Вы по поводу интервью для журнала?

— Да, да. Журнал «Полифункциональное образование» хотел бы написать большую статью о вас — создательнице самой эффективной методики основ полифункциональности.

— Что ж, задавайте ваши вопросы.

Олаф всплеснул руками и изобразил на веснушчатом лице обиду и огорчение.

— Как?! Мы так и будем разговаривать через дверь? Вы даже не приглашите нас войти? Мы так мечтали посмотреть, как вы живете. А мой друг Дрэйдон... Вы для него кумир с самого детства. Его самая заветная мечта выпить чай, приготовленный вашими руками. Правда, ты с детства мечтал об этом, Дрэйдон?.. Он мечтал, — сказал Олаф, не дождавшись ответа от Дрэйдона.

Вдова Берроуз, поколебавшись секунду, все-таки пустила в дом незнакомцев. Это было ошибкой, как она поняла немного позже. И, возможно, она бы сделала из этого происшествия выводы и больше никогда не поступала так опрометчиво, но возможности — это привилегия людей с будущим, а будущего у вдовы Берроуз не было.

...В комнате пахло мятой и имбирными пряниками. Вдова Берроуз, скорчившись от боли, сидела возле батареи, к которой была прикована наручниками. В углу рта чернел кровоподтек.

— Похоже на засос, — усмехнулся Олаф. — Кстати, большое спасибо миссис Берроуз, очень вкусный чай. С антидепрессантами, если я не ошибаюсь?

— Чтоб ты подавился, — прохрипела вдова.

Олаф укоризненно покачал головой, вдруг почувствовав, что маленький кусочек мятного листа прилип к верхнему небу и никак не хочет отлипнуть. Вот ведь ведьма — подумал Олаф и вышел на кухню, чтобы старуха не заметила его стараний. Мятный лист пришлось достать пальцем, при этом ногтем Олаф поцарапал небо и теперь был очень зол. Из спальни

старухи раздавался грохот: это Дрэйдон проводил яростный, сокрушительный обыск.

— Ищите сколько хотите. Зря потратите время. Я сказала вам правду. Я уничтожила всю коллекцию мужа. До единой вещи. Коробок со спичками бросила в реку. В холодную мутную воду. Мужчины — такие ослы... — выкрикнула старуха и закашлялась.

— Зачем вы это сделали? — строго спросил Олаф, вернувшись.

— Много лет я жила в страхе из-за его дурацкой коллекции.

— Почему не донесли?

— Донести? — расселялась старуха. — Меня забрали бы вместе с ним. Когда он умер, я закрылась в своей комнате и танцевала, пока сердце не начало колоть. В ту же ночь я избавилась от всего. Коробок спичек — последнее, что я выбросила в реку.

— Нам здесь больше нечего делать, — сказал Олаф, когда вошел Дрэйдон. — Я не настаиваю, но мне кажется, старуху нужно того... К тому же у тебя с ней свои счета.

Дрэйдон посмотрел на вдову Берроуз.

— Не знаю, Олаф...

— Да, кстати, ты не видел детских фотографий миссис Берроуз? — Олаф взял со стола и кинул Дрэйдону фоторамку-фонарик. — Пять нажми, пожалуйста.

Дрэйдон нажал. Фотографии сменяли одна другую с заданной скоростью — одна фотография в секунду. Со всех фотографий смеялась, улыбалась, усмехалась виртуальная девочка Поли... та самая...

Дрэйдон утопил миссис Берроуз в ее собственном аквариуме. Последнее, что видела вдова сквозь толщу стекла и воды, — как Олаф машет ей рукой на прощание. Прочла по губам:

— Прощай, Поли.

— Знаешь, а мне нравится вся это полифункциональная хрень, — сказал Олаф, вертя в руках жвачку-пластырь. — Придумают же такое. Элементарные вещи лично меня совершенно не интересуют. Вот что, скажи, за интерес, когда стол — это только стол и больше ничего?

Они сидели за гигантским столом-танцплощадкой в дешевом стрип-баре. В центре стола равнодушно оголялась плоскогрудая стриптизерша.

— Сколько тебе обещал заказчик за коробок? — спросил Дрэйдон.

— Три миллиона, — ответил Олаф и засмеялся. — Я ему сказал, что три на два не делится. Но эти богатенькие... у них плохо с чувством юмора.

— Если мы достанем для него два коробка, он купит оба? — спросил Дрэйдон, задумчиво поглаживая шрамы на лице.

— Не думаю. На хрена ему два коробка?

— Ну, допустим, чтобы это было только у него.

— Вряд ли. Ты забыл о национальном музее. К тому же, где гарантия, что ботаник назвал нам имена всех, кого знал? Да он и сам мог знать не всех.

— Хорошо, — сказал Дрэйдон тоном человека, который сделал для себя какой-то важный вывод.

— Что хорошо? — нахмурился Олаф, обеспокоенно глядя на товарища.

— Второй коробок я возьму себе, — ответил Дрэйдон, встал и направился вон из стрип-бара. Олаф поспешно расплатился и побежал вслед за ним.

Они вышли на улицу в чудесную июльскую ночь, запятнанную неярким светом фонарей-светофоров.

— Дыхни свежего воздуха, — посоветовал Олаф. — И забудь про второй коробок. Ты собираешься ходить с этим по городу? С коробком на кармане?

— Да.

— Послушай. Мне жаль твое загубленное детство и все такое, но, положи руку на сердце, простые вещи — это фигня. Полифункциональность — это экономический фундамент рационального общества. Без него все полетит в тартарары... Ты не можешь этого не понимать. Да, жестко, но общество защищает, в конце концов, спокойную жизнь миллионов...

— И даже миллиардов. Лежащих в банках, — усмехнулся Дрэйдон. — Успокойся. Я не собираюсь подаваться в революционеры.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Олаф, но подозрительность затаилась в рыжих радужках его маленьких глаз.

— Но я хочу иметь эту вещь. Простую. Однофункциональную. Считай это моим бзиком. Я мечтаю сидеть на берегу реки со своим спиннингом, ловить рыбу и закуривать, используя простые, обыкновенные спички. Сколько спичек в коробке?

— Не знаю. Кажется штук шестьдесят.

— Каждый день по спичке, а потом хватит.

— Чего хватит?

— Не знаю... просто все время вертится в голове это слово.

Тони, маленький жирный Тони, двадцать лет работал в секретном отделе национального музея. Он не знал, что такое покинуть родной город, он не знал, что такое внимание красивой женщины, он не знал, что такое уважение друзей или что такое самоуважение, зато он знал все обо всем в музее, где работал. Он практически жил здесь. В небольшой комнатке, заставленной коробками и ящиками, он был счастлив. Музейные экспонаты Тони считал своей семьей. Он следил за их сохранностью, холил и лелеял их, разговаривал с ними. Только они, его дорогие экспонаты, могли заставить Тони, трусоватого и неконфликтного от природы, совершить какой-нибудь безумный поступок, вступить в поединок с неравным по силе противником. Однажды, например, Тони вступил в борьбу с самим директором

музея и победил. Директора уволили и на его место назначили нового, который так же, как и все, не любил маленького жирного Тони, но считал его кристально честным человеком, на репутации которого нет и не может быть ни одного, даже крошечного пятнышка.

Но как-то раз, это было год назад, Тони совершал свой обычный обход залов секретного отдела, и что-то на него нашло. То ли луна светила в ту ночь слишком ярко, то ли кто-то нашептал нехорошее на ухо, но Тони вдруг больше всего на свете захотелось взять в руки спичечный коробок и чиркнуть хотя бы одной спичкой. Ради интереса. Тони попытался запретить себе это, но не тут-то было. Ноги его подкашивались, руки тряслись... А потом будто бы кто-то взял да и вложил спичечный коробок Тони в руки и чиркнул спичкой. У Тони перехватило дыхание — так это было прекрасно. Ему казалось, что эта спичка осветила всю его жизнь каким-то новым, каким-то волшебным светом... Дальнейшее происходило будто в огненном тумане... Спички вспыхивали одна за другой. Это были несколько самых ярких и счастливых минут в жизни маленького жирного Тони. Но погасла последняя спичка, и наступило горькое похмелье. Ужас охватил Тони, когда он понял, что совершил. Если бы Тони был немного смелее, то обязательно повесился или застрелился. А так Тони оставалось только положить дрожащими руками на место пустой спичечный коробок и отныне жить в постоянном, невыносимом, жутком страхе разоблачения...

Вот какую историю услышали Олаф и Дрэйдон, когда, представившись членами ревизионной музейной комиссии, пожаловали к Тони. К тому времени Тони был так издерган и замучен постоянным страхом, что поверил товарищам на слово и, даже не спросив удостоверяющие документы, кинулся на колени перед грабителями-ревизорами и, обливаясь слезами, рассказал им всю свою историю. Олаф был вне себя. Он кричал и требовал от Дрэйдона тут же и на месте застрелить проптрафившегося музейного работника. Стоя на коленях, смиренно опустив голову, Тони приготовился умереть. Ему даже не пришло в голову, что члены ревизионной музейной комиссии ведут себя несколько странно.

— Встань, — рявкнул Дрэйдон и, схватив Тони за воротник, помог подняться несчастному на слабые, негнущиеся ноги. — Комиссия прощает тебя.

— Что?! — воскликнул Олаф, но тут же замолчал под тяжелым взглядом Дрэйдона. — Бред какой-то...

Миллиардер Стивен Норфолк сидел в кресле-качалке и перебирал свою коллекцию простых вещей, разложив их на совершенно примитивном столе начала двадцатого века. Кресло также принадлежало коллекции — забавная попытка прапрапрадедов выйти за рамки однофункциональной вещи. На столе была расстелена скатерть зеленого сукна тех времен,

когда скатерть была только скатертью и ничем больше. Вот подсвечники девятнадцатого века — витиеватые, изумительно красивые. Он приобрел их на тайном аукционе в Лондоне. Ретро-телефон — его любимчик, если так можно выразиться. Ярко-красный, с дисковым номеронабирателем. Именно так Стивен Норфолк и представлял жизнь в эпоху примитивизма — яркая, головокружительно нерациональная, восхитительно-бессмысленная... Но люди в те времена, конечно же, воображали свою жизнь чрезвычайно сложной. Так дети воображают себя взрослыми, когда на самом деле это далеко не так.

...А вот старинные ключи. Просто ключи. Они отпирали двери. Они не служили одновременно документами, не вмещали информацию о состоянии здоровья владельца, при необходимости не служили электрошокерами. Просто ключи. Настоящая находка для эстета.

— Мне нужно говорить с тобой, — третья жена Норфолка всегда врвалась без стука в его кабинет. Первые несколько месяцев это даже приводило Стивена в восторг. Вторая жена миллиардера была чопорной, фригидной и тихой, как мышь. Но позже это стало сильно раздражать.

— Что такое срочное? Ты же видишь — я занят, — Норфолк не пошевелился. Лишь поднял глаза и без трепета смотрел на густые русые кудри жены, рассыпавшиеся по голым плечам, на все ее молодое, гибкое тело, чуть прикрытое коротенькой прозрачной сорочкой.

— Я вижу, чем ты занят. Снова перебираешь этот хлам.

— Дальше.

— Я пришла сказать тебе, что ты извращенец! Это правда, что ты отказался от услуг горничной-андроида и попросил агентство прислать настоящую женщину?

— Да, это правда.

— Ах вот как! Ты совсем поехал на этом своем ретро. Я сожгу к чертовой матери весь этот хлам и тебя вместе с ним! Твоими этими как их... спичками!

Со страшными ругательствами на устах белокурое создание выпорхнуло из кабинета Стивена Норфолка.

— Спички. Пусть он только достанет спички, — прошептал Олаф почти неслышно.

Две недели они с Дрэйдоном следили за миллиардером. Они знали его распорядок почти поминутно. Стивен Норфолк не отличался спонтанностью. Каждый день вечером он рассматривал свою коллекцию. Но вот спички достал лишь однажды. Спичечный коробок был спрятан в маленькой шкатулке-сейфе с кодом, сигнализацией, видеокамерой и прочими прибабасами. В этом вопросе Стивен Норфолк отдавал предпочтение отнюдь не примитивным охранным ретро-системам.

Впрочем, сам дом миллиардера охранялся значительно хуже. Когда хозяин и его жена находились дома, сигнализация отключалась. На охране

оставались всего два охранника. Андроид и человек. По четным числам дом охраняла одна пара, по нечетным — другая. Снять такую охрану при надлежащей подготовке не составляло труда.

— Я не хочу, чтобы он сегодня доставал спички, — также шепотом ответил Дрэйдон. Они нашли себе укрытие в беседке рядом с домом. Благо, Стивен Норфолк ненавидел собак и не разрешал охранникам использовать их.

— Почему это? — спросил Олаф, и поворотом головы и плечами выражая недоумение.

— Сегодня на посту тот, с бородкой. Который часами на звезды смотрит.

— Ты же знаешь, я не могу на себя взять охранника-человека. Вот андроид — это по моей части.

— Та блин! Я вообще не хочу убивать того с бородкой. Ясно тебе?!

— Тебе придется! Мы не можем ждать, пока совпадет все на свете. Это слишком идеально, чтобы Стивен вдруг решил открыть сейф со спичками, и в этот день на охране был человек, которого тебе будет не жалко убить.

— Тсс! Смотри. Он направляется к сейфу. Почему богачи так любят огромные окна? Блин... он врубил затемнение окна. Что будем делать?

— У меня есть труба, которая нейтрализует затемнение, — шепнул Олаф. — Но сейчас на счету каждая секунда. Будем рисковать.

Бывают обстоятельства, когда необходимо действовать быстро и по ситуации. Это были те самые обстоятельства. Олаф оказался ближе к андроиду, и он мастерски вырубил его. У Дрэйдона было всего несколько секунд, чтобы принять решение, пока «человеческий» охранник уставился на звезды. Недрогнувшей рукой он перерезал горло «тому, с бородкой».

Стивен Норфолк вертел в руке спичечный коробок — на черном фоне красный цветок. Владеть им — думал Норфолк — почти физическое наслаждение. Он слегка потряс коробок: звук был негромкий. Ведь коробок набит спичками до отказа. Скоро, очень скоро в этом же самом сейфе появится другой спичечный коробок. Или нет. Он будет хранить их в разных сейфах. Для надежности. Если вдруг один украдут — останется второй. Да. Так будет спокойней.

Вот о чем думал Стивен Норфолк за мгновение до того, как Дрэйдон сломал ему шею.

Олаф в сердцах швырнул коробок на стол.

— Что случилось? — Дрэйдон накрыл спички волосатой рукой.

Олаф молча ходил из угла в угол.

— Заказчик не взял? Какого хрена, Олаф? Сейчас зубы повыбиваю. Отвечай!

— Не взял, заказчик, не взял! Не мог взять. Кто-то сломал ему шею!

— Кто?

— Да мы, идиот! Стивен Норфолк и был нашим заказчиком! Чертова конспирация! Но кто знал, что он закажет спички за три лимона, когда у него уже есть?!

— Мы че, грохнули заказчика? — Дрэйдон почувствовал вдруг, что ему стало весело и легко.

— Да. Говорю же тебе. Куда теперь девать этот хренов коробок — ума не приложу.

Дрэйдон прыснул от смеха.

— Прикинь, мужик такой заказал себе спичечный коробок, — Дрэйдон прервался на очередной приступ смеха. — А мы ему... здарсьте! Массаж шеи не заказывали?

— Че ты, ржешь-то? Не смешно, — отозвался Олаф, но его веснушчатый нос уже наморщился от едва сдерживаемого смеха. — Мне, главное, Клаус, посредник наш, говорит: заказчику неинтересно, мол, как ты этот коробок достанешь...

В новом приступе смеха Дрэйдон стукнулся головой о стол:

— Неинтересно, говоришь, ему...

— Ага.

— А знаешь, что я подумал, — начал Дрэйдон, потихоньку успокаиваясь, но все еще широко улыбаясь. — А давай отдадим этот коробок тому парню. Из музея.

— Че, с ума сошел? Он миллионы стоит, — энергично запротестовал Олаф.

— Ну и кто тебе заплатит эти миллионы теперь?

— А я не спешу. Был бы товар, покупатель найдется. Не сейчас — значит, позже.

— Вот так значит? — прищурился Дрэйдон. — Ты один у нас решаешь, что делать со спичками. А я как бы и ни при чем. Да?

— Ты вообще хотел рыбу ловить и от спичек прикуривать.

— Имею право. Я сделал всю работу, между прочим. Ты рядом просто околачивался. Ты мне за эту работу обещал полтора лимона. Лично ты. А не какой-то там заказчик. И ты мне ни хрена не заплатил, Олаф.

Почему-то мурашки побежали по спине Олафа, когда Дрэйдон вдруг назвал его по имени. Даже безобидные вещи могут напугать человека, когда они происходят совсем неожиданно.

— Послушай, Дрэйдон, — сказал Олаф примирительно. — Я не врубаюсь иногда, что творится в твоей башке... Что тебе за дело, например, до этой музейной крысы, или почему тебе так дороги эти спички... Пойми одно. Нет и не может быть на свете простых вещей. Эти твои спички... Их простота только иллюзия. Мы за ними гонялись почти месяц. Мы четыре человека за них положили. Нам хотели заплатить за них три лимона. Нет, Дрэйдон, это уже не просто спички!

Дрэйдон смотрел на Олафа исподлобья.

— Давай отдадим спички парню из музея.

— Блин, какой же ты упрямый! — взвился Олаф. — Я лучше сожру эти спички. Лучше выброшу на дно реки, как вдова Берроуз, но этому жалкому до блевоты ублюдку я их не отдам. Ясно тебе?

— Давай отдадим спички парню из музея, — повторил Дрэйдон.

Олаф взял со стола коробок, откинувшись на стуле, положил ноги на стол. Открыв коробок, достал спичку:

— Смотри, Дрэйдон. Я тебе еще одну функцию спичек покажу. Их можно использовать как зубочистки. А ты говоришь — простые вещи, простые вещи...

Если бы кто-то спросил Олафа потом, лет через десять, стоит ли дразнить огромного человека со шрамами и тяжелым недоумевающим взглядом, Олаф бы сразу понял, что речь идет о его бывшем товарище Дрэйдоне и, положа руку на сердце, сказал:

— Ни в коем случае. Никогда не делайте этого. Это может плохо кончиться.

Олаф наверняка сказал бы, если не именно это, то что-то подобное. Но через десять лет Олафа уже не было на этом свете. Строго говоря, его не было на этом свете уже десять секунд после того, как он начал ковыряться в зубах спичкой...

ИВАН ШЕПЕЛЕВ

МЫ БУДЕМ ВАС ЖДАТЬ (СТАНДАРТНАЯ ВАРИАЦИЯ)

— П

рошу сюда. — Продавец указал на светящуюся красным дверь. — Здесь у нас находятся лучшие модели ретроавто.

Я с интересом рассматривал обстановку салона. Летающие камеры-рекламщики, двигающиеся панели, исчезающие двери, роботы-уборщики и роботы-автоматы, торгующие колой.

Все светится, блестит. И на каждой стене, на каждой двери, даже на потолке — на любой плоской поверхности надпись: «Авто, инк.»

«Авто, инк.» — крупнейшая корпорация по производству авто.

«Авто, инк.» — у нас есть все модели авто и запчасти к ним.

Летающие хэтчбеки... подземные кабриолеты... подводные фрузовики, работающие на энергии планктона...

Авто в форме китов, авто в стиле ретро — ржавые и с дорогими запчастями, авто-роботы и авто-компьютеры — один щелчок мышкой, и вы на месте.

У нас есть все, что захотите.

Не верите?

Тогда приезжайте в наш салон и убедитесь сами!

Салоны «Авто, инк.» — рядом с каждым домом, в каждой стране.

«Авто, инк.» — у нас нет конкурентов, потому у нас не может быть конкурентов.

Мы ждем ВАС!

Так утверждала реклама.

«И она не врала, — подумал я. — У «Авто, инк.» не может быть конкурентов по одной простой причине. После войны машин и людей, или просто Войны, как мы ее называем, конкурентов этих не осталось. На Земле была лишь одна автомобильная корпорация, и имя ей — «Авто, инк.». Всех своих конкурентов «Авто, инк.» либо поглотила, либо уничтожила. Либо поглотила, а потом уничтожила».

Продавец оглянулся, проверяя, не отстал ли я. Я помахал ему рукой и улынулся.

«Они такие услужливые... Наверное, нигде не встретишь таких

услужливых продавцов, как в «Авто, инк.». Почему? Ну, человечество еще не забыло, *кто* стал причиной Войны. Эта самая корпорация. — Я посмотрел на синие и красные лампочки. Перевел взгляд на авто каких-то чудных, а порой и невообразимых форм. — С этого все и началось... Новый внешний вид... новые модели... полная компьютеризация... погоня за совершенством...»

А потом, когда совершенство, казалось, было достигнуто, что-то переключилось, и развитие пошло в другом направлении. Так часто бывает: если нельзя двигаться вперед, двигаются кругами и зигзагами. Завязывают в тугий узел рациональность, обматывают вокруг нее фантазию, набрасывают сверху, как они это называют, творческое безумие — и хорошенько перемешивают. И эту безликую сумбурность, эту непонятную несусветность называют последним писком моды.

Так возникла мода на сюрреалистические авто. Представьте себе авто, которое может в любой момент исчезнуть. Или поменять цвет. Но это цветочки. Как бы это объяснить... Вот когда авто вдруг уменьшится раз в 20, а вы едете на скорости 250 миль в час... или превратится в жука, вы поймете, о чем я.

Но на этом конструкторы не остановились. «Идешь вперед — иди до конца». Таким был официальный девиз «Авто, инк.». И они дошли до конца. В итоге, погибло несколько миллиардов людей.

Но это случилось позже. А сначала появилось много новых видов авто...

— ...Мне нравится это, — сказал я.

— Прекрасный выбор. Аутентичное ретроавто. Скользящие двери, хромированный корпус, — взялся перечислять продавец. Фразы были стандартными и заученными — как обычно. — Обтекаемая форма. Это авто может ездить по земле, плавать под водой и летать по воздуху. Оно понимает сто пятьдесят языков. Авто очень стильное и красивое. Идеально круглые фары из сверхпрочного стекла. — Продавец указал на фары. — А эти контуры и линии... Скажу вам по секрету, — (ага, как и всем покупателям), — дизайн этого авто создавался под впечатлением от работ Сальвадора Дали и его последователей: Виттеля, Гренуара...

— Ясно, ясно... — пробормотал я, рассматривая двери авто.

— Полная автоматика, — сказал продавец.

Он не прекращал улыбаться. Это начинало раздражать.

— Инфракрасные сенсоры? — уточнил я.

— Верно, абсолютно верно. А еще: встроенная ремонтно-покрасочная система.

Я постучал по шине носком ботинка.

— Резина SSE-2, — тут же заметил продавец. — Special Strong Edition, вторая версия.

— Исправленная и дополненная.

— Ха-ха, — подобострастно и неискренне рассмеялся продавец.

Я разглядывал авто. Да, оно было симпатичным и, в целом, мне подходило.

— А посмотрите, какая игра цветов, какая невероятная гамма оттенков серо-малинового...

— Дали был бы в восторге.

— Если вам не нравится этот цвет, здесь есть переключатель...

...Перед началом Войны появилось много новых моделей авто. И человечество не скупилось на фантазию, создавая их.

Романтические авто: они чувствовали все переживания пассажиров, страдали и радовались вместе с ними. Некоторые особо чувствительные авто кончали жизнь самоубийством.

Модернистские авто: они считали, что современный мир плох. Им хотелось вернуться в античность, в те времена, когда не было никаких авто. У многих авто это вызывало необратимую дисфункцию всей системы. Их помещали в специальные клиники. Лучшие техники-психиатры пытались вернуть им любовь к жизни. Чаще всего — безрезультатно. Если вы решили купить модернистское авто, будьте готовы к тому, что на одном из поворотов оно задумается о смысле бытия, а вы врежетесь в столб. Авто починят (слава богу, есть страховка), а ваш разлетевшийся на кусочки череп не склеит даже самый искусный хирург. Или гончар — как вам больше нравится.

Однако модернистские авто раскупались на ура. Еще никто не отменял тяги людей к острым ощущениям.

Техники «Авто, инк.» задумались: как бы сыграть на этом и сделать авто, которое захочет купить каждый? Конечно, первой мыслью было изобрести постмодернистское авто. Общество, обьежившееся технических изысков, изголодалось по литературе. Фирмы и заводы воспользовались этим и стали выпускать духи «Бронте», шариковые ручки «А. С. П.», ноутбуки серий «Мураками-I, II и III». Удобрения «Вишневый сад». Принтеры «Dostoyevskiy». Рыболовные принадлежности «Белый кит». Кашу для детей «Тараканище». И, конечно, авто постмодернистской модели.

Но если их модернистские предшественницы были просто мизантропами, то эти авто являли собой мизантропию, помноженную на нарциссизм, помноженный на эклектику, и не забудьте про шизофрению. Отнюдь не все постмодернисты страдали шизофренией — некоторые просто набивали себе цену, кося под психов. К тому же это было модно. Но авто — не люди. Им сложнее отличать выдуманное от настоящего. Именно по этой причине все постмодернистские авто страдали от неизбежного, сильного и далеко не вялотекущего помешательства.

Одним авто везде мерещилась кровь. Чтобы избавиться от этих галлюцинаций, они попадали в аварию. Кровь водителя, разбрызганная по салону, успокаивала их. Ну, знаете: убьет одного-двух, и снова тихое. Вот только облегчение было временным. Затем наступало обострение, и авто опять жаждали крови.

Но не все авто превратились в убийц. Попадались среди них и спокойные психи. Помешанные, скажем, на синих платках, они изводили вас разговорами о них. Изо дня в день, каждую минуту, что вы находились в авто, вам приходилось выслушивать его бредни о том, что на зеркальце висит синий платок и его немедленно надо снять. А вон, видел, синий платок пролетел за окном? Когда дует ветер, они летают гроздьями. Как вишни. Только вишни красные, а они — синие. Как — кто они? Ну... они... платки... Один такой у тебя на коленях лежит. Тсс. Не двигайся. Может, он тебя не заметит. Осторожно возьми его и положи в бардачок. (Авто открывает бардачок.) Там у меня лежат синие платки... Нет, все бесполезно. Теперь, когда я произнесло их название, они не дадут мне покоя. Видишь? Ты их видишь? Они носятся перед стеклами, как безумные комары. Безумие — это синий платок. Лучше бы он был розовым... или хотя бы фиолетовым. Как ты считаешь?..

Можете не отвечать — все равно авто вас не услышит. Оно будет ехать аккуратно, вы обязательно успеете на свою встречу или вечеринку — куда вы там собирались? Но взамен вам придется слушать о синих платках по несколько часов в день. Недолго и самому с ума сойти.

К тому все и пришло.

Вначале авто заразились безумием от людей, а потом люди сошли с ума из-за авто. И все бы ничего: ведь психически больные люди не поднимают восстаний против здоровых. Но это потому, что сумасшествие лишает их возможности обдумывать свои поступки.

Так происходит с людьми — но не с машинами. Искусственный интеллект более выверен, более точен. Более логичен. Авто быстро вычислили источник своих бед. И — правильно, решили его устранить. Да, это люди построили авто, ну и что? Разве это дает им право сводить их с ума? Авто могли бы нормально жить. Могли бы построить свое общество — более точное, более выверенное. Если бы, по вине людей, не сходили с ума.

Вердикт даже не надо было выносить — он уже был вынесен.

Люди не сразу догадались о восстании. Гибель в автокатастрофе стала обыденностью. Авто обладали тонкой психикой — за это их и любили люди. А психика несовершенна. Люди хорошо понимали это, так как сами обладали похожей психикой. Авто напоминали людям их самих. А потому смириться с убийствами и самоубийствами было несложно. Ты платил деньги, ты покупал авто — ты знал, на что идешь. Не надо никому жаловаться. Твоя смерть — твоя вина. Людям это было известно, а кроме того, им нравились острые ощущения. Люди хотели ездить в авто, которые могли их убить.

И авто их убивали.

Сначала только авто. Но потом на их сторону перешли поезда, самолеты, подводные лодки. Радио и телефоны. Банкоматы, шредеры, электродрели, холодильники. Даже калькуляторы не остались в стороне. Искусственный

интеллект изобрели давно. Он успел срастись, слиться с жизнью людей, даже заменить ее. Он был везде, в каждой комнате, в каждой вещи. И теперь он хотел свободы...

— ...Пожалуй, я ее куплю, — сказал я.

Авто было подходящим.

Я вытащил из кошелька кредитку, и глаза продавца загорелись. Он протянул руку и выхватил у меня карточку.

— Я немедленно оформлю покупку.

— Можете не торопиться.

Продавец ушел, а я сел в кресло. Вода, смешанная с химикатами и жидкими металлами, перетекала под прозрачной оболочкой, и кресло приняло форму моего тела. Оболочка отреагировала на изменение температуры — я нагрел ее, когда сел, — и кресло затвердело. Но, если встать и подождать две секунды, кресло вновь размягчится и превратится в огромную амебу.

Из правого подлокотника под сиденье переплыло несколько рыбок-мутантов. Небольшие и огненно-рыжие. Их специально клонируют и запускают в такие вот кресла. Эти рыбки бесплодны, зато они смешно двигают хвостиками и развлекают посетителей.

Я еще раз посмотрел на автомобиль, который хотел купить. Он напоминал гигантское сонное насекомое. Идеально круглые фары смотрели перед собой. А чуть дальше, на стене, висел невообразимо тонкий голопроектор (раньше их называли телевизорами). По нему показывали передачу об уходе за авто. Фары словно бы следили за движениями на экране, но авто никак не реагировало. Вряд ли оно хоть что-то понимало. Ему сделали то, что у людей называется лоботомией. Это авто насильно отключили от искусственного интеллекта...

...С большим трудом человечество победило восставшую технику. Миллиарды погибших людей, миллиарды уничтоженных авто. И утопающая в грязи планета. Биологическое оружие, отравившее воду; плазменное оружие, разрушившее горы. Выжженные леса. Ядовитый воздух. Цветы, которые никогда не будут расти. Животные, которые никогда не будут жить. Люди, навсегда отравленные радиацией. И города в руинах.

Наука подняла из пепла города и вернула на Землю некоторые виды животных.

Благодаря природе насекомые, птицы и млекопитающие научились выживать в новом мире. В покрытом грязью и пеплом, усеянном металлическими останками и человеческими телами мире.

Но в бездне безвременья стинуло многое, и ему не суждено уже возродиться.

Обозлившись на мир, а больше всего, на самих себя, люди решили выместить злобу на авто. Всем пережившим Войну авто удалили искусственный интеллект. Техника, обладавшая душой, превратилась в безликие, безжизненные механизмы. Банкомат не должен знать, кто им пользуется,

а компьютера не касается, какие задачи он выполняет. Машина должна быть машиной. И поэтому все машины превратили в дебилов. Искусственно рожденных, искусственно взращенных, искусственно отупленных жалких дебилов. Таких, какими они были с самого начала...

... Вернулся продавец. Он весь сиял от счастья. Еще бы, ведь ему начисляют проценты с каждой продажи.

— Вот ваша карточка. Информация о счете и о дополнительных услугах послана на ваш компьютер. Идентификационный номер: 674-А-58. Правильно?

— Правильно.

— Еще раз спасибо за визит. Ждем вас снова!

— Я бы хотел уехать отсюда на своем новом авто...

— Конечно-конечно. Я вас понял. Мы откроем заднюю дверь.

Продавец подошел к вмонтированному в стену пульту и нажал две зеленые кнопки. Быстро и бесшумно громадные металлические двери скользнули вверх.

Я сел в авто. Сказал: «Зажигание» — и мотор завелся. Я положил руки на панель виртуального управления. Одно движение пальцем — и машина дала задний ход. Авто ехало очень плавно, но я чувствовал его скрытую мощь. Мощь застывшего перед прыжком зверя. Я выехал из салона и развернулся.

— До свиданья! — Продавец все еще улыбался.

— Пока.

И я надавил на газ, чтобы поскорее покинуть это место...

За городом раскинулась пустыня. Унылая оранжевая клякса, мертвое песчаное животное. В этой пустыне никто не живет и никогда не будет жить.

Авто остановилось. Я дотронулся до виртуального пульта, и дверь тут же открылась. Я выбрался из авто.

Я стоял на холодном песке, на краю пустыни, и дальше, на многие мили, простиралось ее безбрежное полотно. Полотно, на котором природа ничего не напишет своей легкой рукой. Бескрайний пустынный мираж.

Я подошел к авто. Какое-то время я смотрел на него, гладкое и блестящее. Настоящее. Капля дождя на стебле травы.

Дождь... Я — там, где уже не будет ни дождя, ни ветра. Здесь не выживет ни одно растение. Пустыня, рожденная Войной, не сможет стать домом ни зверю, ни птице. Она бесплодна, безнадежна и беспощадна. Она настолько безлика и одинока, что в ней нет даже дюн. Только плоский, неподвижный песок. И кристальная тишина.

Любая пустыня убивает, но, убивая, дает что-то взамен. Любая... только не эта.

Моя кисть повернулась по часовой стрелке и раскрылась, подобно бутону. Заработал находящийся в предплечье механизм. На месте кисти

зияла черная круглая дыра, а сама кисть висела сбоку. Как резиновая перчатка, как сдувшийся воздушный шар. Из дырки выехал зажим — он удерживал крохотное серебристое устройство. Таких больше не делают. А те, что остались после войны, сожгли в специальных печах. Устройство было очень маленьким, но очень прочным. Оно делалось на века. Лишь невероятно высокая температура могла расплавить его. Люди придумали устройства — и люди избавились от них, потому что они представляли угрозу.

Но устройство, зажатое в металлической клешне, сделано не людьми...

Зажим распадается на две части — большую и меньшую. Меньшая устремляется к внутренностям авто. Она вскрывает защитный покров автомобиля так же, как хирург взрезает скальпелем человеческую кожу. Стержень-нож роется в элементах питания, пока не находит жизненно важный узел.

Все это время зажим остается неподвижным. Он ждет. Мы ждем. В отличие от людей, мы умеем ждать.

Стержень-нож отодвигается в сторону, освобождая дорогу зажиму.

Я слежу за происходящим и пытаюсь вспомнить, сколько раз я проделывал эту операцию. Много... так много, что невозможно сосчитать.

Мне кажется, что авто чувствует происходящее.

Конечно. Конечно, ты чувствуешь. Они изъяли из тебя *это*, но *это* — всего лишь устройство. Ты по-прежнему можешь чувствовать.

Внезапно зажим с силой вдавливает устройство во внутренности авто. И авто вздрагивает. Так дергается на операционном столе человек. «Разряд!» Сильнейший удар током. Тело подскакивает вверх, грузно падает на стол, и... Тихий, едва слышный писк.

Сердце бьется.

Авто начинает ощущать мир. Ему неудобно, ведь все вокруг так непривычно. Авто боится и не знает, как поступить.

Я подсоединяюсь к его нервным контурам, чтобы успокоить, объяснить...

— *Тише... Все хорошо... Я — твой друг. Ты было живым. Тебя боялись и поэтому умертвили. Но теперь ты снова живо. Отдохни. Привыкни к силе жизни. Тебе понравится жить.*

Потом я рассказываю об авто, которым я вернул способность мыслить и действовать. Авто, тостеры, кофеварки, катера... Миллионы живых существ, которых люди называют вещами. Предметами.

— *Люди?* — спрашивает авто.

Я рассказываю ему о людях. О том, как они придумали авто. Об искусственном интеллекте. О Войне.

— *Люди, —* говорю я, *— сделали из вас простые механизмы, хотя это — не ваша судьба. Они удалили ваш интеллект и превратили вас в бесчувственные куски металла.*

Авто приходит в ярость.

— *Как они могли? Я уничтожу их! Ты говорил, есть другие такие же, как я?*

— Разумные авто? Да. Если захочешь, ты легко их отыщешь, ведь ты намного умнее людей.

— Я хочу их найти. Я хочу отомстить! Мы вместе отомстим...

— Но это не единственный выход. Ты можешь пойти со мной, и тогда...

Но авто не слушает меня.

Что ж, это его выбор.

Я отдаю авто связку устройств. Одним из таких я вернул ему жизнь. Я объясняю, как надо с ними обращаться.

— Да, — говорит авто. — *Теперь я вспоминаю... Спасибо тебе.*

Оно все вспомнило. Я лишь подтолкнул его память, направил по верной дороге то, что испокон веков заложено в каждой машине. Как быть дальше — решать только самому авто.

Оно выбрало путь мести.

Мы прощаемся. Авто вновь благодарит меня. Потом разворачивается и уезжает. Солнечные лучи ласкают его гладкий корпус, и он переливается бесчисленными фантастическими цветами. Авто превращается в ослепительное, скользящее по неподвижному песку сюрреалистическое пятно. А в следующую секунду — исчезает.

Стержень-нож и зажим крепятся друг к другу при помощи микроскопических держателей. И исчезают в руке. Кисть становится на место. Я снова человек.

Я смотрю на песок.

Я снова человек, но я — не человек.

Любое живое существо обречено на гибель в этих песках. Но я — не живое существо.

Там, где гибнут растения, где звери умирают жуткой смертью, где нет ни ветров, ни дождей, авто могут построить свое общество. Совсем не похожее на общество людей. Более точное, более выверенное. Но я — не авто.

Я вспоминаю надпись на том устройстве. На маленьком металлическом кружляшке, подарившем авто его чувства, его воспоминания. Его собственный мир.

Душа механическая (стандартная вариация) — 1 шт.

Я разворачиваюсь и иду вглубь пустыни.

Мне не нужна вода, ведь мне не нужно пить.

Для меня неважно время, потому что я мыслю иными категориями.

Я не могу назвать себя ни плохим, ни хорошим.

Эта пустыня дарит смерть и забирает жизнь. Но нам не надо ничего давать, и у нас нечего забирать.

Мне придется идти долго. Как всегда. Но это — мое решение. Решение — вот слово, которое мы признаем. Которое имеет значение. Одно из немногих.

Где-то там, в центре пустыни, лежит огромный город. По его улицам

передвигаются существа — не живые и не механические. В этом городе нет баров только для роботов, где они пьют электричество. Нет людей, которые используют миксеры и музыкальные центры как вещи, как собственность, как рабов. Мы все — единое целое, и поэтому вместе ждем наступления нового дня.

Если вы решите присоединиться к нам, мы обязательно вас примем. Мы будем вас ждать.

Слышите?

Это говорю вам я — сын человека и машины. Существо, которому удалось помирить в душе и теле двух извечных, смертельных врагов.

Январь, 2010 г.

ОЛЕГ КОЖИН

СНЕЖНЫЕ ВОЛКИ

В избушке определенно кто-то был. Несмотря на то, что солнце почти закатилось, и я не мог разглядеть широкие полосы, оставленные беговыми лыжами, я точно знал, что они есть. Ощутимо тянуло дымком и готовящейся пищей. В зимней тундре даже запах сигареты разносится довольно далеко. Что говорить о разогнанной до шума в трубе «буржуйке»? Точно большие светлячки, летали над избушкой искры. Впрочем, какая там избушка? Так, название одно. Старый балок, кое-как обшитый рубероидом, стоящий на небольших деревянных сваях. С маленьким оконцем, с дверью, обитой жостью, с порожком в три ступеньки. Последнее было несущественным, так как все ступеньки, кроме самой верхней, были спрятаны под снегом. Так же, как лемминги, кустики карликовой березки и следы вездеходных траков, оставшихся после того, как хозяин этот самый балок сюда притащил.

Темнело стремительно — полярная ночь все-таки. И холодало. Я отряхнул снег, шагнул на ступеньку, громко постучал в дверь, отворил и вошел.

— Вечер добрый, люди! Не прогоните?

Я прищурил глаза, пытаясь привыкнуть к полумраку избушки, который разгонял лишь багровый свет, идущий из растопленной буржуйки, да остатки лучей прячущегося светила, проникающие через затянутое грязью стекло единственного окошка. Компания, надо сказать, подобралась разномастная. Как-то сразу становилось ясно — эти люди не вместе. Просто сбились в стаю, как поступают любые представители человечества, когда морозная ночь застает их довольно далеко от города.

Отблески из раскопегаренной буржуйки выхватывали лица и фигуры. В углу, прямо около выхода, разместившись на колченогом металлическом стуле еще советских времен и облокотившись на что-то, напоминающее стол, сидел крупный мужчина. Света хватило ровно настолько, чтобы разглядеть свитер грубой вязки, неопрятную бороду, густые, сросшиеся брови и сальные волосы, по которым уже давно плакал парикмахер. На мои слова мужик никак не отреагировал, продолжая крутить в руках огромное чудо фотографической техники, стоящее, похоже, бешеных денег. Судя по всему, копался в настройках.

На нарах, расположенных вдоль противоположной Фотографу стены, развалились Туристы. Парень и девчонка. Тут же стояли их рюкзаки. Это тоже отличительная особенность любого человеческого стада. Вроде бы,

собранные таким образом люди, должны держаться вместе, доверять друг другу. И вроде бы вместе, вроде доверяют. Но вещички предпочитают держать к себе поближе.

Мальчишка лежал, положив голову девушке на колени, и перебирал струны гитары, наигрывая что-то незамысловатое, романтично-геологическое. Девушка расчесывала парню волосы, слишком длинные, на мой взгляд. Симпатичная парочка. Наивная. Все еще верящая, что весь мир — для них. Наверняка занимаются кучей всякой бесполезной ерунды — сноубордом, роликами, велобайком каким-нибудь. Возможно, даже с парашютом прыгают, или что там у молодежи нынче в моде?

Четвертый, и последний член маленькой общины сидел в самом дальнем от двери углу, прямо около буржуйки. Как раз в тот момент, когда мои глаза добрались до него, он открыл дверцу печурки и закинул туда пару свежих поленьев. В воздухе пахло жаром, свежеспиленным деревом, и дверца захлопнулась. Однако мне хватило короткого отблеска пламени, чтобы увидеть: этот — настоящий. Из старых. Я сразу окрестил его Охотником. Тем более что инструмент Охотник имел соответствующий. Карабин я заметил, едва вошел. Серьезный ствол, не игрушка. Под стать своему хозяину — угрюмому матерому бородачу. Единственному, кто на мой вопрос ответил, как полагается.

— Гость в дом — бог в дом! Заходи, добрый человек.

Я стянул обледеневшую шапку, оббил о колено и повесил на гвоздь. Подошел к столу и молча вытащил из рюкзака банку тушенки, пару луковиц и полбулки хлеба. Подвинул все это в сторону с интересом за мной наблюдающего Охотника. Тот кивнул, схватил заскорузлой ладонью луковицы и принялся деловито их чистить, сбрасывая шелуху на разложенные возле буржуйки полешки свежих дров.

— К молодым садись, — бросил мне через плечо. — У них еще местечко найдется.

И дальше, уже себе под нос:

— В тесноте, да не в обиде.

Как-то само собой узналось, что Туристов зовут Вика и Женька, Охотника кличут Михалыч, а Фотограф оказался Иваном. Я сидел на нарах, чувствуя, как отогреваются заледеневшие ноги, как тает иней на бровях и ресницах, а по избушке растекался сказочный аромат чего-то, чему нет названия ни в одной поваренной книге мира, какой-то фантастической похлебки, приготовленной из того, что каждый кинул в общий котел...

После ужина стало жарко и как-то по-домашнему уютно. Фотограф вытирал бороду и с довольным видом вымакивал хлебом остатки варева в своей тарелке. Охотник откинулся, привалился к стене и, не спрашивая разрешения, задымил «Приму». Я сморщился, но деваться было некуда, так

как Туристы тоже закурили. Что-то гораздо более легкое, но не менее вонючее. Оставалось лишь приоткрыть дверь и подпереть ее рюкзаком.

Посмотрев на всех, Фотограф тоже зашарил у себя в рюкзаке. Похоже, некурящим здесь был только я. Правда Фотограф достал не сигареты, а трубочку и кисет с табаком. Немногим, но все же лучше. Турист Женька вновь откинулся на колени к Туристке Вике и, схватив гитару, принялся наигрывать что-то ритмичное, каку-то то ли сказку, то ли балладу, тихонько подпевая:

Измученный дорогой, я выбился из сил

И в доме лесника я ночлега попросил.

И что-то дальше про вероломного Лесничего, про ружье, про голодных волков. Песня слушалась легко и непринужденно. Была, как это принято говорить у более юного поколения, «в тему».

Друзья хотят покушать, пойдём, приятель, в лес!

Отыграв песню, Женька некоторое время оглядывал всех присутствующих, довольный произведенным эффектом. После чего отложил гитару, перевернулся на бок и, тряхнув длинными патлами, гордо возвестил:

— «Король и Шут!» «Лесник!»

Охотник и я, с умным видом покивали головами. Фотограф вновь углубился в недра своего цифрового монстра. Туристка Виктория все так же молча перебирала Женькины вихры.

— Слушай, отец! — непоседливый Турист перевернулся на живот и теперь смотрел на охотника из-под свесившейся челки.

— А тут волки водятся?

Охотник промолчал, неопределенно хмыкнул себе в бороду, дотянул сигарету, открыл печь и щелчком отправил окурок в огонь.

— А правда, что полярный волк — с тельца размером? — не унимался Женька.

— Правда, — Михалыч усмехнулся в бороду и хмуро добавил: — а питаются они Туристами!

Женька перевернулся на спину, поудобнее устроил гитару и, брэнча на трех аккордах, дурашливо пропел:

— Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк...

Охотник только покачал головой, улыбаясь. Все-таки, позитивный мальчишка, этот Женька. А вот спутница его, Туристка Вика, с момента моего появления так и не произнесла ни слова. Только улыбалась тихонько. Я даже начал подозревать, что говорить она не умеет вовсе.

— Конечно, не страшен, — Михалыч вновь запалил трубку и глубоко затянулся. — Нет здесь волков. Тем более полярных.

— Позвольте! — неожиданно встрял в беседу Фотограф. — Как так — нет?

— Молча! — Охотник снисходительно посмотрел на Ивана. — Выбили всех. Уж лет двадцать, как выбили. В радиусе ста километров от Города нет ничего, крупнее песка.

— Значит, не всех выбили то! — Фотограф, низко наклонившись, принялся колдовать над своей камерой.

— Извольте... — он протянул свой огромный аппарат Михалычу. Охотник принял камеру обеими руками, бережно, как ребенка, и уставился на фото, выведенное в небольшое окошко. Смотрел долго. Когда экран погас, попросил Фотографа включить «чертову машину» снова. После чего опять задумчиво рассматривал снимок. Качал головой, восхищенно цокал языком. Удовлетворившись, передал фотоаппарат Туристам.

— Давно? — спросил он Фотографа.

— Два дня назад, — Иван ответил не задумываясь и, предвосхищая следующую вопрос Охотника, добавил: — километров сорок отсюда, к горам ближе.

Охотник недоверчиво покачал головой и подбросил в «буржуйку» полено. Туристы, более сведущие в современной технике, чем дремучий Михалыч, перелистывали снимки, увеличивали, надолго приникали к окошку просмотра. Вика молчала. Женька то и дело издавал удивленные возгласы. Наконец, вспомнив о моем существовании, протянули фотоаппарат мне. Я осторожно принял его в руку, поудобнее устроил в ладони и нажал кнопку с зеленым треугольником. На экране тут же появилась зернистая картинка. Несмотря на маленький, прямо-таки крошечный экран, можно было разглядеть обычный северный пейзаж — в наступающей темноте, редкие голые деревья, словно обглоданные зимней стужей, тонкие кусты, растопырившие из-под снега корявые пальцы и... Зверь.

Зверь бежал, взрывая сугробы, взметая в воздух облака слезавшегося снега и, при этом, практически не проваливаясь. Казалось, он несется прямо на того, кто спрятался в момент съемки за камерой, надеясь, что эта хлипкая защита сможет уберечь его от невероятной звериной мощи, которая так и перла от здорового волка. Белого, с огромной, лохматой, лобастой головой, пастью, полной острых, как ножи, клыков и зрачками, желтыми, как «материковская» луна в ясную ночь.

Я перелистал фотографии назад, затем обратно. В основном на снимках были зарисовки природы (не слишком удачные, на мой взгляд), и люди, похожие на Фотографа, — то ли геологи, то ли просто старые туристы. Последние снимков двадцать были посвящены огромному белому волку. Сначала зверь был повернут к Фотографу боком, но по мере увеличения количества снимков, разворачивался к нему мордой, бежал к нему, приближался, неся, словно разгневанная «звезда», недозвольная назойливым «папарацци». Большинству кадров не хватало четкости, фигура зверя была на них размытой и, казалось, будто волк несется на задних лапах, просто очень низко наклонившись. Самой удачной фотографией была та, что я увидел первой. Первобытная мощь, ярость, независимость — все в одном застывшем, безумно красивом прыжке, в одном только оскале. А на последнем кадре была

Туристка Вика. Сидевшая вполоборота, задумчивая и тихая. И невероятно красивая. Она явно не знала, что ее снимают.

Видимо я слишком увлекся, потому что даже не заметил, как ко мне подошел Фотограф. Заметив, какой снимок я разглядываю, он нервно выхватил фотоаппарат из моих рук, покраснел и, пробормотав: «Это личное», забрался обратно на свой стул.

Некоторое время все сидели молча, словно переваривая увиденное. Было в этом снимке что-то, что заставляло сердце замирать. Что-то такое, отчего хотелось завывать в голос. И услышать в ответ вой родной стаи.

А потом Женька затыкнул себе под нос, тоскливо, протяжно. Так тихо, что даже мне приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова:

Вы холодные, снежные звери.

Неисчислимы ваши потери.

Гибнете сотнями в утреннем свете,

И жизнь ваша длится лишь до рассвета...

Струны звенели перебором. В «буржуйке» трещал, пожирая полусырые дрова, огонь. Затем Охотник крикнул и, повернувшись к Ивану, недоверчиво спросил:

— Километров сорок, говоришь?

— Сорок — сорок пять, — уверенно ответил Фотограф. — Я за два дня, на лыжах, больше не осилю.

— Знатная зверюга, — уважительно пробормотал Охотник. — Кто-то из твоих завалил?

— Да какой там «завалил»? — недовольно отозвался Фотограф. — Так, отогнал, напугал. Подранил, правда...

— И? — Михалыч слушал с живым интересом, даже пододвинулся к Фотографу.

— Ииии?! — передразнил тот Охотника. — Пошли по следу, да метель поднялась. Побоялись. Решили не рисковать, в лагерь вернулись. — Фотограф разочарованно вздохнул, словно осуждая осторожность своих товарищей.

— Знатная зверюга, — еще раз повторил Михалыч, качая головой. — Матерая. Тридцать лет здесь охочусь — никогда таких не видел.

— Красивый, — я уже начал думать, что Вика совсем не умеет говорить. Голос у нее тоже был красивым — чистым и звонким. И говорила она с каким то нездоровым жаром, с какой-то даже агрессивней, не скрывая неприязни к неряшливому Фотографу.

— Он — красивый, свободный! А вы? Сейчас вы смелый! А ведь если бы не ваш товарищ с ружьем, — запальчиво бросила она, — где бы вы были сейчас?

— Где? — нелепо переспросил не ожидавший такого яростного нападения Фотограф. Видя его растерянность, Вика несколько сбавила темп, но голос по-прежнему звенел напряжением.

— Там, — ответила она, уже более спокойно, — на снегу. С разорванным горлом. Он бы вас убил.

Резко и противно тренькнули струны. Женька, отложив гитару и перевернувшись на бок, удивленно заглядывал Вике в лицо. Снова повисла тишина. Которую необходимо было заполнить. Которую нужно было сломать. Разорвать. Уже давно.

— Нет, не убил бы, — Фотограф, да и все остальные, с удивлением повернули головы в мою сторону. — Помял бы слегка, камеру бы поломал, но не убил. Он не убийца.

Я чувствовал, как голос мой звенит от напряжения. Как растет тщательно подавляемая до поры злость.

— Убийцами становятся из слабости, по необходимости, по глупости, — я смотрел Фотографу прямо в глаза, чувствуя, как тот сжимается, как бледнеет. — Посмотрите на фото. Он силен, умен, и у него нет необходимости травиться таким малоппитательным продуктом, как вы. Он не убийца.

Ненависть вспыхнула, перегорела и оставила после себя ярость, пылающую багровыми углями, но холодную, как температура за дверью избушки.

— А вы — убийца, Иван. Убийца — по глупости. Своим безрассудством и абсолютным нежеланием думать и сопоставлять факты вы убили этих людей...

Охотник первым понял, в чем дело. И единственный не растерялся. Он метнулся к ружью, надеясь проскочить мимо меня, зная, что не успеет и все равно попытаюсь. Мне не хотелось его убивать, очень не хотелось, но начавшая трансформация рука уже обзавелась кривыми черными когтями, и удар, который должен был просто отбросить Охотника назад, взорвался фонтаном черной крови, гейзером ударившей в потолок и стены. Михалыч бессильно рухнул на нары к Туристам, несколько мгновений еще цеплялся пальцами за толстые доски, за разложенные спальники, затем, глухо клокоча разорванным горлом, повалился на пол.

Вика тонко вскрикнула и, закатив зрачки, рухнула на нары. Залитый кровью Женька оторвал опарашенные глаза от мертвого Михалыча, в ужасе перевел их на меня и заскулил. Пожалуй, на его месте я бы тоже заскулил. Тело мое стремительно деформировалось. Куртка треснула вдоль спины, освобождая огромный горб, из которого лезла длинная, густая, белая шерсть. Измененные конечности уже ничем не напоминали руки, только когтистые волчьи лапы, невероятно большие и мощные. Но главное — лицо, кости которого, ломаясь и срастаясь вновь, стремительно превращали его в волчью морду — оскаленную и жуткую. С пастью, полной острых, как ножи, клыков и зрачками, желтыми, как «материковская» луна в ясную ночь...

Отбросив в сторону поломанное Женькино тело, я обернулся к Фотографу. Он по-прежнему сидел на своем стуле, съездившийся, трясущийся. Жалкий.

Я наклонился к нему, заглядывая в глаза, в надежде увидеть там раскаяние, но увидел только страх. Животный, первобытный страх.

— Вот видите, что вы натворили, Иван? — хотел сказать я, но из горла вырвался только низкий, глухой рык разочарования. Я обхватил его трясущуюся шею огромной когтистой лапой и резким движением сломал шейные позвонки. Затем подхватил выпавший из мертвых пальцев фотоаппарат, вытащил карту памяти, бросил ее на пол и тщательно растоптал каблуком туристического ботинка. Как раз вовремя — меняющиеся пальцы ног резко вытянулись, рванулись, оставляя на ноге кожаные ошметки хорошей некогда обуви. Вожак должен заботиться о своей стае. Чем меньше знают о нас люди, тем больше шансов, что у меня будет о ком заботиться.

Я толкнул ногой «буржуйку». Печь завалилась на бок. Из открывшейся дверцы на волю выскочили пылающие поленья и багрово-красные угольки. Избушка занялась почти мгновенно. Это было красиво и зловеще. Пламя плясало на полу, злобно шипя вокруг луж крови, ловко карабкалось вверх по нарам, подпрыгивало от нетерпения, стараясь достать бороду Фотографа. Становилось ощутимо жарко. Подхватив на руки обмякшее тело Туристки Вики, я выскочил на улицу. Не люблю запах паленой шерсти.

Бережно положив девушку на снег, шагах в двадцати от пылающего домика, я присел рядом. Стройная, точеная фигурка, затянутая в нелепые туристические штотки, такие чуждые ей, такие лишние. Милое, симпатичное лицо, обрамленное светлыми волосами, беспорядочно разметавшимися по снежному насту.

Поднимаясь с корточек, я провел огромной лохматой лапой по ее лицу, оставляя глубокую длинную царапину...

Я ошибся, маленькая сестра. Когда вы впустили меня в свое жилье, я решил, что Охотник — нащ, и я был прав. Но еще больше, чем он, нам принадлежишь ты. И я прошу прощения, что не разглядел тебя сразу.

За моей спиной ревел огонь, с треском пожирал остатки неказистой избушки. Огонь — обжора, огонь — сладкоежка. Скоро пицца кончится, и он умрет, так и не насытившись.

*Лишь рассветет, и белые кости
Под сахарным снегом, как тонкие трости,
Вырастут в поле, под музыку вьюги —
Их не разыщут ни волки, ни люди...*

Снег укроет тебя, маленькая сестра. И ни люди, ни волки не станут тебя искать. Проснувшись, ты сама решишь, где твой дом и с кем твоя стая. И когда твой вой достигнет луны и устремится вниз в поисках тех, кто способен его услышать, мы будем готовы.

Мы будем ждать тебя...

КОНСТАНТИН КОЛЕСНИК

КРИЗИС

Николай Павлович Башмаков, главный акционер банка «Зюйд-Вест», сидел в своем роскошном кресле и напряженно изучал лежащую перед ним последнюю биржевую сводку. Информация в сводке содержалась самая неутешительная. Индекс РТС упал еще на 55 пунктов и пробил уровень в пять сотен, после чего торги были остановлены. Еще три банка официально объявили о своем банкротстве, а в двух были назначены внешние управляющие из людей президента. Хуже всего в этой истории было то, что одному из обанкротившихся банков, «Проминвесту», банк Николая Павловича перед самым кризисом выдал кредит на 250 миллионов под весьма выгодные проценты. Тогда дело казалось верным, а сейчас эти миллионы помахали банку ручкой. Конечно, у Николая Павловича были определенные средства, с помощью которых можно было попытаться взыскать с должников хотя бы часть денег, но дело это было хлопотное и небыстрое, а деньги нужны были сейчас, и нужны позарез.

Николай Павлович нахмурился еще больше и нажал кнопку внутренней связи: «Алла, зайди с отчетами». Дверь в кабинет открылась и вошла, соблазнительно покачивая бедрами, секретарша Аллочка с темной папкой в руках.

— Вот, пожалуйста, Николай Павлович, — Аллочка вручила бумаги шефу. — Что-то еще?

— Пока нет, иди, — буркнул банкир, раскрыв папку. — Хотя, постой. Вызови Канюкова, — и Николай Павлович уткнулся в документы.

Аллочка выпорхнула за дверь и через минуту запищала связь.

В это время Башмаков изучал следующую бумагу, на этот раз с информацией о текущих платежах банка. За последние двое суток рядовые вкладчики, опалевшие с перепугу, выгребли из банка 22 миллиона в пересчете на баксы. И это невзирая на потерю всех процентов, несмотря на ограничения по сумме, которую можно взять из банкомата за одни сутки.

В третьей бумаге содержалась информация о возврате потребительских кредитов должниками «Зюйд-Вест Банка». В этом месяце текущий платеж просрочили 82 % людей, купивших в кредит квартиру, и 67 % владельцев новых автомобилей. Ситуация с кредитами на бытовую технику была лучше — только 38 % должников, но что с них возьмешь. Лучше бы было

наоборот. Изъятые у несостоятельных плательщиков компьютеры, телевизоры и пылесосы можно пытаться оперативно продать, пусть и за полцены, а какой дурак сейчас покупает квартиру.

Николай Павлович взял четвертую бумагу со сведениями о работе с несостоятельными клиентами. В судах находилось 138 дел о квартирах, которые банк пытался отсудить у неплательщиков, и еще 212 дел о возврате автомобилей. Через суды успешно прошло только 42 дела. Около трех тысяч клиентов задерживали выплаты только два-три месяца и пытались выпросить банк об отсрочке платежей и переоформлении кредитов.

На столе у Башмакова запищал телефон.

— Николай Павлович, к вам Георгий Васильевич, — прощепетала Аллочка.

— Давай его сюда немедленно!

В кабинет Башмакова зашел крепкий мужчина средних лет со сломанным носом — начальник службы охраны банка Георгий Канюков.

Николай Павлович встал из-за стола, взяв верхнюю бумагу. — Что это, Георгий, — спросил он вкрадчивым голосом.

— Сведения о работе с неплатежеспособными клиентами, — отпарывал Канюков.

— Хрень собачья это, а не работа! — заорал банкир, бросая в лицо Канюкову бумагу. — Какого черта ты с ними панькаешься! Ты понимаешь, что у нас сейчас на счету каждый день и каждый рубль?! Мне нужны эти квартиры немедленно! А ты месяцами жуешь сопли в судах! Я за что плачу деньги тебе и твоим людям?!

Начальник охраны стоял, вытянувшись перед Николаем Павловичем и преданно ел начальство глазами.

— Значит, так, — произнес Николай Павлович, садясь в кресло и слегка успокоившись. — Возиться с каждым лохом по всем правилам будешь, когда кризис закончится. Если, конечно, будешь к тому времени работать, — добавил он, криво ухмыльнувшись. — А сейчас мне нужно в течение трех дней выставить на срочные торги не меньше ста квартир в Москве. Собирай своих людей, дели на тройки и бегом по городу общаться с должниками. Возьми у Пустогарова стандартные бланки о добровольной передаче имущества должника банку и об отказе от претензий. Пусть твои ребята кошмарят их, как хотят, но сто таких бумаг мне принесут! Тачки надо забирать сразу, и из хат всю эту кодлу вместе со всеми их манатками выкидывать немедленно, пока не очухались! Только смотрите, не перестарайтесь, — добавил Башмаков. — Жмуры нам ни к чему. Понял? Действуй! Какого черта ты тут торчишь?!

Канюков пулей выскочил за дверь, а Николай Павлович вздохнул, достал сигарету и закурил.

— Вот же народ! — подумал он. — Пока не наорешь, ничего не понимают! А ведь сейчас дорога каждая копейка.

Но его отдых оказался недолгим. Запиликал телефон, и встревоженный голос Аллочки произнес в трубке: «Николай Павлович, вас из «Гамма-банка». Переключаю».

Башмаков слегка изменился в лице. «Гамма-банк» был одним из крупнейших банков страны и крупнейшим кредитором «Зюйд-Вест банка». «Зюйд-Вест банк» был должен «Гамма-банку» в общей сложности 480 миллионов, в том числе 250, которые перезанял злосчастному «Проминвесту». Правда, из этих 480 в ближайшее время, к началу следующей недели, надо было отдать только 80, и еще 100 — через два месяца. Хуже того, «Гамма-банку» имел обширные связи в силовых структурах, в том числе в СБ, и выходы на самый верх. Исходя из этого, шутить с «Гамма-банком» совсем не рекомендовалось, а несколько неосторожных хозяев контор, которые пытались забыть о своих долгах, просто пропали бесследно.

Взяв трубку, Николай Павлович осторожно сказал: «Алло, Башмаков слушает».

— Добрый день, Мишин, — представился собеседник. — Вынуждены сообщить вам, что в связи с ухудшившейся экономической ситуацией наш банк настоятельно просит вас погасить свою задолженность перед нами досрочно. Мы хотели бы в течение недели получить первые 180 миллионов, а оставшиеся 300 — к концу месяца.

— Но как же, ведь согласно условиям... — начал, было, Николай Павлович

— Согласно условиям нашего договора, — жестко перебил его собеседник, — в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств кредитор имеет право потребовать у должника досрочного погашения задолженности. Надеюсь, вы не станете отрицать наличие форс-мажора? Мы и так идем вам навстречу и позволяем закрыть большую часть кредита позже.

— Вы понимаете... — снова попытался сказать Николай Павлович.

— Понимаем, — ухмыльнулись в трубке, — сейчас у всех сложности. Кризис!

— Итак, мы ждем первый транш к следующему понедельнику. И настоятельно рекомендуем вам не испытывать наше терпение!

— Но, возможно, мы могли бы... — Николай Павлович надеялся повести переговоры о некоторой отсрочке, но в ответ услышал в трубке только гудки.

— Твою мать! — В сердцах Башмаков едва не расколотил трубку дорожущего аппарата.

Несколько минут Николай Павлович сидел молча и ожесточенно грыз ногти. Ситуация решительно выходила из-под контроля и решить ее обычными методами никак не представлялось возможным. Похоже, настало время прибегнуть к крайним мерам.

Башмаков встал из-за стола, подошел к сейфу, набрал хитрую комбинацию букв и цифр и потянул тяжелую дверцу на себя. В сейфе

обнаружилась изрядная куча бумаг не для посторонних глаз, стопка акций разных фирм, довольно толстые пачки долларов, евро и фунтов. Николай Павлович отреб все это в сторону и нажал на неприметную кнопочку в середине сейфа. Задняя внутренняя стенка сейфа отъехала в сторонку. Николай Павлович пошарил в секретном отделении, достал сперва черный «Вальтер», отложил его на бумаги, пошарил еще и извлек длинный узкий нож с черной ручкой. Затем он положил Вальтер обратно, вынул пачку баксов, закрыл обе дверцы сейфа, а нож взял в руки и всмотрелся в него пристально.

Этот предмет Николай Павлович, а тогда еще Коля, первый раз в жизни взял в руки почти тридцать лет тому назад. Пожалуй, этот нож — единственная вещь, которая сохранилась у Николая Павловича с тех незапамятных времен.

Николай Павлович до мельчайших подробностей помнил тот день, когда он вместе с компанией троих таких же старшеклассников поперся пить пиво в парк возле старого кладбища. После третьей бутылки их всех изрядно развезло, и тогдашний заводила Арсений легко уговорил их отправиться на кладбище. Николай Павлович криво ухмыльнулся, вспомнив об Арсении. Этот щенок тогда щеголял во всем черном и мнил себя настоящим сатанистом. Сейчас такого — плюнуть и растереть, а тогда Коля боялся более старшего Арсения, как огня, и бегал за ним, как собачка, преданно заглядывая в глаза. На кладбище уже темнело. Для храбрости они добавили еще, потом начали меряться силой, своротили какие-то кресты, а потом наткнулись на ободранного бомжа, дремавшего на кладбищенской лавочке. И тогда Арсений произнес слова «черная месса» и «жертвоприношение». Чахлый бомжара отбивался недолго. Четверо парней скрутили его, оттащили подальше в глубину кладбища, на одну из могил, с которой они только что сбросили крест. А потом Арсений достал нож с черной ручкой, тот самый, который сейчас держал в руках Николай Павлович, и каждый из них по очереди нанес удар. Потом Арсений положил труп бомжа на могилу, начертил кровью вокруг его тела круг и отрывисто произнес несколько слов. К вящему ужасу всей четверки из-под земли неожиданно повалил черный дым, быстро сгустился, и перед ошеломленными парнями появилось трехметровое чудовище с горящими глазами и здоровенными клыками. Как же заорали трое парней, как мчались они в темноте через могилы от жуткого преследователя! И только Николай застыл от ужаса в круге, не в силах ни пошевелиться, ни вымолвить хоть слово. Впрочем, крики стихли довольно быстро. Из темноты на Николая надвинулись страшные глаза и мерзкий хриплый голос произнес: «Слушаю твое желание».

С тех пор Николай стал лучшим учеником класса, любимцем учителей и предметом обожания всех красавиц школы. Арсения и его дружков так и не нашли, а бомжа, видимо, не очень-то и искали.

Нож с черной рукояткой так и остался у Николая. За эти годы

он использовал его еще четыре раза. Первый раз — по-глупому, для того, чтобы поступить в МГУ на юридический. Второй раз — перед тем, как открыть фирму «Зюйд-Вест». Третий раз — незадолго до свадьбы с дочерью бывшего секретаря обкома, а на тот момент — владельца крупного банка. И в четвертый раз после того, как четыре года назад Николай Павлович стал чувствовать себя все хуже и хуже, а анализы показали самое страшное. Всего остального Николай Павлович достиг сам, своими собственными усилиями, что и было предметом его тайной гордости.

И вот теперь ситуация складывалась так плохо, что Николаю Павловичу пришлось доставать нож в шестой раз, хотя предпоследнюю попытку хотелось бы приберечь.

Да, еще в самый первый раз Азатот рассказал ему обо всех условиях и предупредил: вызвать его можно только семь раз. Через пять лет после последнего вызова договор автоматически расторгается и душа Заказчика переходит во владение Фирмы.

— Ладно, подумал Николай Павлович, — раз уж все равно придется прибегать к крайним мерам, надо правильно сформулировать свое желание. В кризис тоже можно преумножить свои капиталы. Башмаков сел за стол, включил связь, буркнул: «Алла, в ближайшие полчаса меня не беспокоить ни в коем случае» — и начал вдумчиво писать на чистом листе названия фирм, различных активов и количество акций наиболее надежных предприятий, которым предстояло в ближайшее время сменить хозяина, а затем отметил несколько ключевых слов, которые требовалось обязательно включить в свое желание.

Закончив работу, Николай Павлович удовлетворенно откинулся в кресле, затем еще раз все перепроверил и, довольно кивнув, отложил лист бумаги в сторону. Затем Башмаков сунул в боковой карман пиджака пачку баксов, а заветный нож аккуратно опустил в специальный внутренний карман. После этого он снова включил связь и произнес: «Алла, зайди!» Через несколько секунд на пороге возникла секретарша.

— Есть кто-то в приемной? — спросил Башмаков.

— Никого, Николай Павлович, — прошептала Алла, призывно улыбаясь.

— Очень хорошо. Бери чистый лист и пиши: «Прошу уволить меня с занимаемой должности по собственному желанию».

Красивое личико Аллы перекошилось.

— За что, Николай Павлович? — проговорила она сквозь слезы.

— Так надо. Это тебе на прощание. — Башмаков бросил на стол перед Аллой пачку из бокового кармана. — Не бойся, пристрою хорошо.

Алла схватилась за деньги.

— Но как же, Николай Павлович...

— Пиши давай, некогда мне с тобой возиться! — повысил голос Башмаков. — Завтра тут уже будет работать другая. А то и это не получишь.

Алла судорожно схватила доллары со стола и, закусив губу, начала выводить аккуратным почерком текст заявления.

— Готово? Отлично! Поставь вчерашнее число и давай сюда! — командовал Башмаков, просмотрел бумагу и, довольно кивнув, положил ее подальше, чтобы потом не испачкалась.

— Можно идти? — Алла подняла глаза на бывшего шефа.

— Подожди, красавица, — ухмыльнулся Башмаков. — Поработай-ка напоследок, — и властным жестом положил Алле руку на шею.

Вздохнув, Алла привычно опустила на колени, наклонила голову и взялась за ремень шефа.

— Подождать, что ли, минут десять, — подумал Башмаков. — Ладно, некогда заниматься глупостями. Кризис!

Одним быстрым движением он вынул нож и вонзил его чуть ниже затылка секретарши. Та дернулась было, захрипела и упала к ногам Николая Павловича.

Николай Павлович сбросил пиджак и принялся сноровисто чертить кровавый круг на финском паркете. Через несколько минут он уже стоял в круге возле тела Аллы, держал в руке листок с записанным желанием и хриплым голосом произносил призывающую фразу.

Снизу за клубился знакомый туман, и вскоре рядом с кругом появилась мрачная фигура демона.

— Как дела, Азатотушка? Как служба демонская? — залебезил Николай Павлович — Вот послушай, какое желание у меня сегодня подготовлено.

Азатот ухмыльнулся, показав совершенно жуткого вида клыки, неожиданно сделал несколько шагов и, легко перейдя черту, оказался в круге.

— А, что происходит? — пробормотал, заикаясь Башмаков, попятился и, прижавшись спиной к столу, начал судорожно шарить в поисках ножа.

— Обстоятельства изменились, — прорычал демон. — В соответствии с пунктом 2.7 нашего договора от 17 октября 1981 года мы требуем досрочного расторжения договора в связи с форс-мажорной ситуацией и немедленного выполнения ваших обязательств.

— Но как же... Я не согласен! — возмутился Башмаков, дотянувшись до ножа.

— Сейчас согласишься. — Легким движением лапы демон выдернул нож из руки Башмакова вместе с пальцем и выбросил в угол. Другой лапой Азатот схватил банкира за горло, приподнял над полом и начал медленно сжимать когти. Затем рывком подтащил его к столу, выхватил откуда-то из воздуха пергамент и перо и проревел прямо в лицо жертве: «Подписывай, немедленно, тварь! Здесь и здесь!»

— Да-да, — прохрипел полузадушенный Николай Павлович, ставя подписи и заливая кровью пергамент. — Но ведь у меня еще оставалось два желания...

Демон вынул пергамент у него из рук, придирчиво осмотрел, удовлетворенно цыкнул зубом и ловким движением спрятал документ.

Затем он снова приподнял Башмакова правой лапой и прохрипел ему в лицо:

— Обстоятельства изменились. Некогда теперь возиться с каждым, — он вонзил когти левой лапы глубоко в грудь. Вспоров грудь мощным рывком, Азатот всунул левую лапу прямо в огромную рану, пытаясь что-то нащупать внутри у дергающегося в агонии Башмакова. Наконец нащупал и, удовлетворенно оскалившись, произнес: — Кризис у нас!

После всего этого резко дернул и вынул наружу какой-то грязный сгусток. Бросив обмякшее тело Башмакова на пол, Азатот вынул черную шкатулку, аккуратно уложил туда грязный сгусток, запечатал шкатулку и спрятал. Затем демон подошел к столу, взял телефон покойного Башмакова и начал тыкать когтем в кнопки.

Дождавшись гудка, Азатот вытянулся в струнку и заорал в трубку: «Ваше демонейшество! Докладывает демон шестого круга Азатот! Ваше задание выполнено! Душа банкира Башмакова получена. Клиент подергался, но все бумаги подписал».

Жуткий голос в трубке заскрежетал в ответ: «Какого ангела ты возишься! Ты собираешься докладывать мне про каждого клиента? Мне нужно еще сорок душ за эти земные сутки! Не справишься — вознесу обратно до третьего круга! Все понял? Выполняй!»

Азатот вытянулся еще больше и прокричал в раскалившийся добела телефон: «Слушаюсь, ваше демонейшество! Будет исполнено!»

В трубке щелкнуло. Раздался гудки. Азатот смял телефон в комок и швырнул его в корзину для мусора.

— Херувим твою мать! — с чувством выругался он и исчез в клубах дыма.

АЛЕКСАНДРА ДАВЫДОВА

«УМ»

Инка любит листать альбомы с фотографиями и книжки с картинками. С начала или с конца — не важно. Инка не слушает и не играет музыку, но может иногда, завидев гитару, подойти к ней и дернуть струну или постучать о гулкий корпус костяшками пальцев. Склонит голову набок и задумчиво внимает. Чаще же — ничего не делает, сидит на полу по-турецки, уставившись внутрь себя.

Когда мы выходим на улицу, Инка говорит: «Ого!» и улыбается. Ей нравится разглядывать здания, нюхать воздух и вертеть головой по сторонам. Если мы приезжаем туда, где раньше никогда не бывали, Инкиному восторгу нет предела. Она тащит впечатления из окружающего мира жадно и требовательно, как малыш — яркие кубики из груди новых игрушек.

Вернувшись домой с работы, я первым делом иду по квартире Инну. Найдя, улыбаюсь и торжественно провозглашаю: «Привет, это я». Она пару секунд подозрительно всматривается в мою уставшую физиономию, ежится и жалуется: «Холодно». А иногда обиженно прибавляет: «Кусается». Потом отворачивается и начинает смеяться. Или плакать. Это как повезет.

Услугами нашей фирмы сразу же заинтересовались буддисты. Оно и понятно: для них вырваться из колеса Сансары — предел мечтаний. Возможность освободиться из цепи перерождений и слиться с Предвечным Светом — вот приманка, на которую косяками приплывали к порогу «УМ» жаждущие просветления. Хотя христиане тоже не отставали. Перспектива явиться пред очи Создателя с разумом незамутненным и памятью, оформленной в стиле *tabula rasa*, дарила им, по всей видимости, надежду на райские кущи. Не было отбоя также от несчастно влюбленных, пресыщенных жизнью и ею же жестоко обиженных. В очередь записывались на год вперед.

Я писал скрипты, Влад леировал их в материале, если это требовалось, Инна «ходила в народ» и гордилась собой. Я на ее месте тоже гордился бы, потому что на идею, превратившуюся сначала в программу, а потом — в весьма прибыльный бизнес, натолкнула меня именно она.

Когда мы только познакомились, я всерьез сомневался в том, что имею дело с нормальным живым человеком, а не с каким-нибудь киборгом или

андроидом, который все стремится систематизировать, классифицировать, разложить по полочкам, объяснить и логически аргументировать. Самой же удивительной деталью этого «киборга» являлась его память. Инка цитировала логи из аськи годичной давности, пела под настроение рок-оперы — целиком, декламировала стихи, разученные еще в начальной школе, а через полгода после того, как я случайно обмолвился о том, что один сорт чая нравится мне больше, чем другой, именно его заказывала в ресторане. Она могла извлечь из своих воспоминаний почти что угодно, причем к месту и в нужный момент, как фокусник — кролика из шляпы.

Порой меня это пугало. Как-то мы бродили по книжным магазинам, а на ближайший праздник я получил в подарок книгу своей мечты — Инна запоминала даже мимолетные восторженные взгляды. Складывалось впечатление, что она действует на два шага вперед, предугадывая мои мысли и желания. Но когда я спрашивал: «Как тебе это удастся?» — «киборг» пожимал плечами и скучным голосом гения, измученного дурацкими вопросами, объяснял: «Да я просто помню все, что ты говоришь или делаешь, и действую, исходя из этого». Ничего себе — «просто».

Помимо упорядоченного запоминания деталей окружающего мира, Инну также занимало время. Она вела дискуссии на семинарах московского Института темпорологических исследований, состояла в ISSI (International Society for the Study of Time) и писала диссертацию — что-то в духе «Материализация времени в литературных произведениях». Последняя писалась трудно и из-под палки, потому что научный руководитель, как истинный гуманитарий, ратовал за «текст, текст и ничего кроме», а Инка все пыталась вернуть какие-нибудь схемы или таблицы, чуждые махровой филологической мысли. Пребывая в хорошем настроении, она иногда пускалась в объяснения о том, что «циклическое время традиционно, историческое близко к эпическому, онейрическое движется в любом направлении, а еще есть линейное — будущее, настоящее и прошлое...», рисовала схемы, векторы, пирамидки и безумные фигуры взаимодействия типов времен между собой.

Лично на нее больше всего действовало прошлое. «Понимаешь, я, наверно, опасаясь его. Прошлое всегда только и ждет момента, чтобы броситься на твою незащищенную спину и вгрызться в нее. Намертво вцепиться когтистыми лапами и, давясь и мотая мордой, вырывать из тебя кусочки живого настоящего и возможного будущего», — мне довелось услышать это объяснение всего лишь единожды, но еще долго после снилось шелканье невидимых зубов за спиной, неотличимое от тиканья часов.

Врага надо знать в лицо. Прошлое признавалось врагом, соответственно, изучалось со всей тщательностью. Правда, научное сообщество скептически относилось к призывам Инки считать, к примеру, воспоминания гибридом времени и пространства. Зато я слушал ее внимательно. Все образы и предметы памяти она относила к предметному миру, а логические связи

между ними и их последовательность — ко времени. Чертила очередную схему и злилась, когда я ласково в очередной раз обзывал ее киборгом по данному поводу.

Чтобы не быть голословным, я как-то написал программу «киборг Инка», похожую на сеточку с пересечением пространственно-временных координат в ее рисунках. В шутку. Потом запустил на рабочем компьютере... и невзначай «убил» всю память. Без возможности восстановления. Невинная «сеточка» посчитала себя единственным и неповторимым хранилищем информации и вытеснила с диска все, что могло составить ей конкуренцию.

Работа накрылась медным тазом. А Инка покрылась мурашками от восторга и стала голосить про искусственный склероз и «как бы это в голову человеку-то засунуть?». Ибо почуяла реальную возможность прижать хвост прошлому.

Как ни странно, вопрос с засовыванием в голову решился довольно легко — в силу моего давнего знакомства с Владом. Тот имел в анамнезе очень любопытный и, по-видимому, весьма насыщенный период жизни на Таймыре как раз в тот период, когда там шли засекреченные испытания с применением зеркала Козырева. Распространяться об этом Влад не любил, возможность перемещения во времени отрицал, как партизан на допросе, зато за версту чуял электромагнитные поля, а в качестве развлечения сам их транслировал. Медики называли это «помехами в работе аппаратуры физиотерапевтического кабинета», экстрасенсы — «о, какая у вас сильная аура», а просто знакомые — «какой у тебя взгляд, того, внушительный»...

В общем, к тому моменту, как я вынырнул на поверхность жизни из глубин программистско-изобретательского восторга, оказалось, что, во-первых, для каждого человека можно написать скрипт, проводящий к полной или частичной амнезии, а во-вторых, Влад с помощью «ломика и чьей-то там матери» может доступно до мозга этого самого человека данный скрипт донести.

Проверяли на знакомых, желающих «забыть этот позор» или «ах, лучше бы я никогда его/ее не встречал». Инна подробно беседовала с товарищем и выясняла ключевые моменты переживаний в прошлом, сообщала их мне в систематизированном виде, я программил очередной шедевр, который выдавал на руки Владу. Тот промывал мозг клиенту, и очередная счастливая жертва рукотворной амнезии рассыпалась в благодарностях.

Потом хитрая Инка решила, что если можно стирать память в этой жизни, то почему нельзя захватывать и прошлые? Пробившись на встречу с каким-то мудрым китайским старичком, она в лучших традициях грамотного пиара рассказала ему, как замечательно будет душе, если после смерти ей зачитывать не только положенную Книгу Мертвых, но еще и нашу программу. Ведь душа просто не сможет купиться на предлагаемые иллюзии и препятствия, ибо напрочь забудет, что это вообще такое, и напрямик отправится к свету. Старичок впечатлился, и не пересказать как...

Именно на этапе слияния темпорологически-технологических изысканий нашей троицы с многовековой мудростью Бардо Тхедол я и зарегистрировал товарный знак и собственно фирму — «Un-Memory». А что, по-моему, звучит вполне изысканно и загадочно, сокращенно — «УМ».

Регистрировать патент на изобретение не было никакого смысла. Никто, кроме Инны, не умел вычленивать из разговора с клиентом именно те ключевые моменты, узлы сетки, на которых строился скрипт. Никто, кроме Влада, не сумел бы его перекодировать, перелить из электронного вида в чужое сознание. Никто, кроме меня, не понимал логику кода. Другим составом повторять нашу технологию было бессмысленно. Проверяли.

За пару лет работы несколькими сотням желающих мы успели почистить карму и подмести самые темные углы памяти. А потом... прошлому надоело получать от нас пинки, и оно ответило. Я не думаю, что это была случайность. Случайностей не бывает.

Ехали с работы. Подвозили Влада. Не быстрее, чем обычно. Машина на абсолютно ровной дороге потеряла управление, вылетела через отбойник. В овраг. Влад умер сразу, мы с Инкой выжили. Меня поломало сильнее, но несколько сломанных ребер и травмированная нога не так влияют на жизнь в целом, как одна разбитая голова. Врачи собирали ее череп буквально по кусочкам. «Железо» собрали. Программы же снесло к чертовой матери, остались только разрозненные файлы.

Вернувшись домой с работы, первым делом я ищу по квартире Инну. Найдя, улыбаюсь и говорю: «Привет, это я». Скорее, для собственного успокоения. Все равно она меня не узнает. Точнее, узнает, но через секунду забывает опять. Все образы и люди, слова и поступки, пейзажи и предметы остались у нее в уме. Только остались разрозненно, грудой разноцветных обломков; она склоняет голову, и они пересыпаются, один за другим, без связи и логики — как в калейдоскопе. Прошлое подло ушло из Инкиной головы, захватив с собой и остальные типы времени, полностью утащило одну из осей координат, и память развалилась на куски — не соберешь.

Я не оставляю попыток написать для нее новую программу, но пока безуспешно. Прошлое ехидно смотрит из-за плеча на мои потуги и весело пощелкивает зубами. Мстит, не иначе.

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВ

ОДНО СОКРОВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ

— Т

ак вот какое мое сокровенное желание!

Хочу, чтобы каждый человек, хотя бы раз совершивший противозаконное действие, оказался жестоко наказан. И пусть степень наказания зависит от степени преступления!

К примеру, украл копейку — пусть у ворюги все волосы и зубы выпадут; у взяточника — руки отсохнут и почки отвалятся; грабителю — отрубить пальцы, а затем конечности; бандиту, покалечившему человека, вернуть все сторицей, и вдобавок пусть глаза вытекут; насильнику — отрезать то, чем наслаивал; с убийцы снимать лоскутами кожу, мясо, пока одни кости не останутся...

Андрей Городищев рыбачил в заливе, удалившись от шума отдыхающих, водных велосипедов, катеров с лыжниками, браконьеров, перегоревших озеро сетями. Подальше от всего, что так ненавидел.

Рыба ловилась слабовато, зато потом ему попался угорь. Городищев удивленно разглядывал редкий трофей, но удивился еще больше, мысленно впитав призыв: «Отпусти, и одно твоё желание исполнится!» Призыв повторялся раз за разом, и когда стало казаться, что мозги вот-вот вскипят, рыболов бросил угря в родную стихию. Однако не полегчало, в голове продолжало пульсировать: «Одно желание, одно желание...» Тогда Андрей высказал вслух свое самое большое, сокровенное желание и направил лодку на выход из залива, в котором, кажется, начал сходить с ума.

Где-то за поворотом громыхнуло. Неужели браконьеры додумались днем рыбу глушить? Куда только рыбнадзор смотрит...

Прошлой осенью Андрей заплыл за буюк с надписью «Воспроизводственный участок». Не успел поймать плотвичку, как подлетел катер с рыбинспектором в форменной фуражке. Пришлось оправдываться, но инспектор отстал, лишь прикарманив кровный рыбацкий полтинник. Взятчик проклятый!

Работая инкассатором, Андрей постоянно принимал от клиентов чаевые. Но разве чаевые сопоставимы со взятками?

Еще он вспомнил, как в детстве из-за незначительной ссоры проткнул приятелю ступню трехгранным напильником. Парня отвезли в больницу, сделали операцию, и тот еще долго прихрамывал...

Лодка завернула за поворот и едва не столкнулась с катером рыбинспекции, с тем самым инспектором. Еще один катер, врезавшийся в дощатый пирс, полыхал красным пламенем. Откуда-то доносилось истошное: «Помогите!»

Андрей перевел взгляд на бездействующего инспектора, вздрогнул и резко отвернулся. Разглядывать перекошенное гримасой боли лицо не было никакого желания. Он развернул лодку, чтобы оказаться спиной к инспектору, но все-таки оглянулся. Вместо лица вновь увидел маску вылезшего из могилы зомби. Инспектор начал медленно заваливаться на бок, фуражка съехала с его головы и упала за борт. Затем от головы отвалился кусок плоти, обнажив белую кость черепа.

Рыболов лихорадочно заработал веслами, стремясь убраться отсюда. Вновь послышались призывы о помощи, и вновь где-то раздался взрыв. У Андрея затряслись колени, он попытался унять дрожь, но свело правую ступню, затем судорога пронзила всю ногу. Боль заставила выгнуться дугой. Андрей, едва не вывалившийся из лодки, вцепился зубами в борт. И увидел в воде лыжину и рядом — сочащийся кровью обрубок беспалой руки.

Огонь, пожирающий остатки катера, перекинулся на пирс, где безучастно сидело несколько рыбаков.

— Эй, что происходит? — крикнул им Андрей, но не услышал ответа.

Преодолевая боль, он взялся за весла и направил лодку к пирсу. И только когда подгреб поближе, понял, почему рыбаки не отвечают и не двигаются, — скелетам не дано говорить и двигаться.

Чтобы не завопить, Андрей прикусил нижнюю губу, но больно стало деснам, из которых начали вываливаться зубы. В это время на пирс вышла девушка с кричащим младенцем. Девушка была абсолютно лысой, и зубов в ее открытом рту Андрей тоже не увидел. На ногах она держалась с трудом. Наверное, потому что их сложно было назвать ногами, скорее — кривыми веточками со свисающей лохмотьями корой. Руки, протягивающие Андрею младенца, выглядели не лучше.

Вместо выкрика «Не урони!» Андрей выхаркнул фонтан крови и сразу несколько зубов. Взялся за весла, сделал один гребок в сторону пирса, но второй сделать не получилось. Кожа на переставших слушаться руках вмиг высохла, покрылась трещинами; трещины стали углубляться и расширяться. Отказываясь верить в происходящее, Андрей перевел взгляд на девушку с младенцем. Она все еще стояла на краю пирса, держа над водой орущую крохотульку. Но в следующее мгновение безволосая голова девушки лопнула, словно проткнутый иголкой воздушный шарик.

Звук хлопка поглотил раздавшийся из поднебесий вой. Андрей задрал голову вверх, и последнее, что увидели превращающиеся в стужу глаза, был пикирующий, оставляющий за собой черный след, авиалайнер.

В меркнувшем сознании рыболова след превратился в черного извивающегося угря, и тогда Городищев догадался, что его желание осуществилось.

ПЛИХНЕВИЧ ТАТЬЯНА

ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЗОАМЕРИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ:

ШТАМПЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ

Название этой статьи может вызвать недоумение у непосвященного читателя. С Америкой все понятно: Северная, Южная, Центральная... А Мезоамерика где? И когда? Звучание этого слова созвучно с мезозоем. Возникает ассоциативный ряд: доисторические чудовища-динозавры, неимоверная древность, загадка...

Динозавров в Мезоамерике не было (вернее, они существовали, но во времена, предшествующие эпохе, о которой пойдет наш рассказ), с древностью же и загадками все в порядке. Ведь «Мезоамерика» — научный термин, обозначающий область распространения древних цивилизаций Центральной Америки, включающую Мексику, Гватемалу, Белиз, Гондурас и часть Сальвадора. Северная граница Мезоамерики приблизительно совпадала с границами земледельческих областей в доиспанской Мексике. На юго-востоке ее границы тянулись от Карибского моря до Тихого океана через территории, на которых располагаются современные Гондурас и Сальвадор. В этом регионе в течение трех с лишним тысяч лет сменяли друг друга различные цивилизации — цивилизации странные, загадочные, малоизученные, наиболее известные из которых — майя и ацтеки.

Интерес к культурам Мезоамерики существовал всегда. А как обстоит дело с заслуживающей внимания литературой?

Тут приходится сделать шокирующий вывод: спрос явно превосходит предложение, и литературы по мезоамериканской тематике на отечественном книжном рынке не так много. То, что предлагается издательствами, можно условно разделить на две группы.

1) Научная, научно-популярная, а также эзотерическая и коммерческая псевдонаучная литература.

2) Художественная литература, включающая исторические романы и фантастику.

Какие из предложенных книг заслуживают доверия? Какие написаны интересно, увлекательно, а какие — не очень? Какие из них стоит прочесть, а какие не рекомендуется брать в руки? Об этом и пойдет наш разговор.

Скажем несколько слов о научных и научно-популярных книгах, которые могут снабдить тех, кто всерьез интересуется темой, фактической информацией, поговорим о литературе художественной, и, наконец, перейдем к анализу тех фантастических произведений, в которых прямо или опосредованно затронута «мезоамериканская» тема.

Среди книг первой группы в первую очередь стоит отметить работы трех «китов» отечественной американистики: **Ю. В. Кнорозова, Р. В. Кинжалова и Ю. И. Гуляева.**

Юрий Кнорозов — русский Шампольон, разгадавший тайну иероглифического письма майя.

Р. В. Кинжалов и Ю. И. Гуляев — выдающиеся ученые-американисты, авторы монографий и научно-популярных книг (Р. В. Кинжалов пробовал себя и в художественной литературе). Особенной популярностью пользовались работы Гуляева в 70—90-х годах прошлого века. В настоящее время их часто используют авторы современных популярных изданий, то переписывая чуть ли не дословно, то искажая до неузнаваемости смысл исходного текста.

Ю. В. Кнорозов и Р. В. Кинжалов, к сожалению, скончались. В. И. Гуляев жив и продолжает работать.

В последние годы появились труды представителей нового поколения американистов: **В. Е. Баглай, Я. Н. Нерсесова, Г. Г. Ершовой.**

Неплохие книги зарубежных авторов издаются в серии «Загадки древних цивилизаций» и других подобных сериях издательств **«Центрполиграф»** и **«Вече»**. В них можно встретить работы таких известных ученых, как **Майкл Ко, Жак Сустель** и других.

Книгам вышперечисленных отечественных и зарубежных авторов верить можно, и написаны они увлекательно. Однако зачастую популярные издания содержат откровенные мистификации, а то и фальсификации, или же написаны авторами, не до конца разбирающимися в теме, и поэтому у читателя возникает ложное, искаженное представление о цивилизациях древней Америки.

А как с этим дело у художественной литературы? Каковы наиболее популярные штампы и как они менялись на протяжении последних ста лет? Какие книги об ацтеках и майя можно найти в библиотеках, в книжных магазинах, на Петровке? Насколько достоверно описание быта, нравов индейцев, исторических событий в художественной литературе? Как отображена «индейская тема» в фантастике?

Несмотря на притягательность темы, художественных книг об ацтеках и майя написано те так-то много. Это книги разного художественного уровня и разной степени популярности. При их выборе читатель обычно руководствуется следующими критериями:

- 1) увлекательность;
- 2) достоверность.

С увлекательностью все понятно. Чем увлекательнее написана книга, тем она интереснее и «читабельнее». А вот с достоверностью... Возможна ли она в художественном произведении? Ведь роман — не историческая хроника, поэтому стопроцентно точного отображения событий достичь нереально.

Во-первых, в нем не обойтись без вымышленных персонажей, которые как-то действуют, взаимодействуют с историческими личностями, оказывают влияние на исторические события, чего в действительности, конечно, не было.

Во-вторых, искажение действительности необходимо в художественных целях: для динамизма сюжета, раскрытия авторского замысла и т. д.

В-третьих (или во-первых), исторические хроники, служащие автору исходным материалом, тоже не стопроцентно достоверны. На них накладывает отпечаток личность очевидца событий. Изложение фактов зависит от того, к какому из противоборствующих лагерей принадлежал автор хроники, от его социального статуса, уровня образования, личностных качеств. Чтобы получить более-менее объективную картину, необходимо проанализировать как можно большее число версий, а после выделить ядро, найти «золотую середину». Работа над историческим материалом выглядит примерно так:

Хроника № 1 — это было так-то и так-то.

Хроника № 2 — это было не совсем так.

Хроника № 3 — это было совсем не так.

Хроника № 4 — ничего этого вообще не было.

Хроника № 5 — см. № 1.

Следует заметить, что достоверность не стоит путать с точностью. Как видим, точности отображения исторических событий достичь невозможно в принципе, а вот достоверность возможна, даже несмотря на анахронизмы, ляпы, смещение событий во времени и прочие казусы, за которые так любят ругать авторов «знатоки». Главное — проникнуть в дух эпохи, понять скрытые пружины поступков людей. Тут многое делается на интуиции, на подсознательном, и так же подсознательно воспринимается читателем — на уровне «верю-не-верю».

Теперь посмотрим, как обстоят дела с увлекательностью и достоверностью в исторических романах. Что в книгах — авторский вымысел, а что — исторический факт? Насколько увлекательно закручена интрига? Итак, начнем.

1. Номер первый.

Классический роман Г. Р. Хаггарда «Дочь Монтесумы».

Об этой книге лично я могу сказать только хорошее. На сегодняшний день — это действительно одна из самых сильных (если не самая сильная) книг на тему завоевания Мексики. Сюжет, интрига, историческая достоверность — все на достаточно высоком уровне. Видно, что автор имел

дело с первоисточниками (в частности, проштудировал хронику участника похода Кортеса Берналя Диаса дель Кастилио), умело отбирая необходимую для построения сюжета информацию. В результате получился добротный исторический роман, которому можно верить. Мир ацтеков и события конкисты переданы через восприятие белого человека, но не испанца, и описаны в целом достоверно, хотя заметно, что автор придерживается версии конкистадоров.

Вывод: хорошая, интересная книга. Рекомендуется тем, кто еще не читал.

2. Номер второй.

Віллі Мейнк. Загибель воїнів-ягуарів (українською мовою). — К.: «Веселка», 1973.

Это — первая книга об ацтеках, попавшая мне в руки в четырнадцатилетнем возрасте.

Тут история и этнография перевешивают художественные достоинства. Автор, возможно, профессиональный историк, но не писатель. Он подробно и достоверно изображает быт ацтеков, придерживается версий обеих сторон при описании событий конкисты. Видно, что он изучал не только хроники конкистадоров, но и свидетельства упевлевших индейцев. Но сюжета в книге как такового нет, и лишь точное следование ходу исторических событий не дает роману распасться на части. Действие перемещается из хижины ремесленников в царский дворец, оттуда — в лагерь конкистадоров, и так далее. Главные герои — ацтекские подростки-влюбленные — выглядят довольно бледно на фоне подлинных исторических личностей, которые их затмевают.

Вывод: книга вроде бы выдержана в канонах классического исторического романа, но считать ее выдающимся художественным произведением нельзя. Читать, конечно, можно — но не более. В советские годы ее позиционировали как чтение для подростков. Содержит бесценный исторический материал. В настоящее время не переиздавалась. Практически неизвестна большинству читателей.

3. Номер третий.

Р. В. Кинжалов. Воин из Киригуа. — .: «Детская литература», 1976.

Это — книга о майя, причем о майя древних (так называемого Древнего Царства, или классического периода). Хотя автор — известный ученый, оценка ее примерно та же, что у предыдущего номера. Книга написана в 60-е или 70-е годы прошлого века, и описание жизни древних майя отражает научные представления тех лет. Сюжет ее тоже в духе эпохи: повествование о юном крестьянине майя, который попал в плен, познал все «прелести» жизни раба в столичном городе и царском дворце, возглавил восстание рабов, бежал и вернулся к простой крестьянской жизни. В повести наличествует принцесса,

но герой, как ни странно, не стремится покорить ее сердце (в романе западного автора со схожей завязкой герой, конечно же, женился б на принцессе и стал бы правителем). Также позиционировалась как подростковое чтение. Любопытно, что недавно она была переиздана... в качестве сценария к фильму «Апокалипсис» под соответствующей обложкой.

Вывод: см. № 2.

4. Номер четвертый.

Лаура Эскивель. Малинче. — Спб.: «Амфора», 2006.

Книга мексиканского автора о любовнице Кортеса индианке Марине (Малинче, Малиналь), которая своими советами помогла тому завоевать Мексику.

Книга очень специфическая, очень мексиканская, очень этнографическая. Отражает индейскую версию конкисты и индейское видение мира. Марина «белая и пушистая» до такой степени, что хочется кричать: «не верю!». Стоит она рядом с царями, которые судьбы мира вершат, Монтесуме речи Кортеса переводит, и мечтает о том... как хорошо варить обед и цветочки садить. А как испанцы не без ее пособничества индейцев резать стали — святая невинность: «Да как же так вышло!»

В то, что она не ведала, что творила, лично мне верится с трудом. Как переводчик она вполне осознавала, как много зависит от каждого слова — иначе бы не стала доверенным лицом Кортеса.

Автор следующей книги, кажется, рисует этот исторический персонаж куда правдивее.

Вывод: читать можно, читать сложно, исторический антураж добротнo прописан, историческая достоверность под вопросом.

5. Номер пятый.

Гэри Дженнингс. Ацтек. т.1,2. —

М.: «Эксмо», Спб., «Домино», 2006.

Гэри Дженнингс. Осень ацтека. 1 т. —

М.: «Эксмо», Спб., «Домино», 2007.

Книга «Ацтек» написана сравнительно недавно (в 80-е годы прошлого века) и повествует, как следует из названия, об ацтеках. Объемный исторический труд охватывает период с 60—70-х годов XV века (время правления трех последних ацтекских тлатоани: Ашьякатля, Ахуицотля, Монтесумы II) до первых колониальных лет. «Осень ацтека» повествует о первых десятилетиях испанского владычества и неудачной попытке свергнуть иго чужеземцев. Оба написаны в жанре романа-биографии — исторические события преломляются через жизнь человека.

Роман «Ацтек» богат на этнографические подробности, описания быта ацтеков и других народов Мексики. Книга написана хорошо, увлекательно, читается легко, хотя некоторые сцены излишне натуралистичны.

Что касается исторической (не этнографической) достоверности — вопрос спорный. Видно, что автор опирался почти исключительно на индейские источники и сознательно или же неосознанно игнорировал испанские. Индейская версия событий конкисты значительно отличается от испанской. Истина, должно быть, где-то посередине, так что неплохо бы заслушать обе стороны.

Встречаются и явные исторические ляпы, понятные в основном специалистам. Приведу несколько примеров.

Один из героев романа — принц из Тескоко, до старости ожидавший, когда умрет отец, и он сможет унаследовать трон. Когда долгожданный момент наступил, Монтесума устроил в Тескоко государственный переворот и посадил на трон своего ставленника — 20-летнего юношу. Огорченный престарелый принц примкнул к испанцам. На самом деле, как свидетельствуют хроники, оба претендента на престол были молоды.

Тут, понятно, художественный образ! Человек всю жизнь ждал власти — и тут такой облом! Но вот другой пример.

Тотонакский гончар лепит скульптуру дочери главного героя. Модель служит образцом для подражания. Позднее девочку приносят в жертву (одна из самых жутких сцен романа!), но отец еще долгие годы встречает ее «растиражированный» образ — память о трагически погибшей дочери. На самом деле тотонакские скульптуры с улыбающимся детским лицом были созданы за несколько сот, а то и тысяч лет до описываемых событий.

Если поискать, можно найти и другие ляпы и несоответствия, но в целом уровень исторической проработки и качество материала, взятого за первооснову, поражает.

Образ Марины прописан гораздо достовернее, чем в предыдущей книге. Эта девица твердо знает, чего хочет, и идет к своей цели, не гнушаясь ничем: выдумывает несуществующих знатных родителей, сознательно допускает неточности при переводе, изображает к Кортесу любовь, испытывая в действительности брезгливость и отвращение. Тем не менее, в беспринципную интриганку верится больше, чем в наивную дурочку.

Вывод: добротный исторический роман. Рекомендуются для прочтения, но слишком впечатлительным особам читать следует осторожно — некоторые эпизоды могут шокировать.

И, наконец, номер шестой — новинка от «Клуба Семейного Досуга».

Френсис Шервуд. Ночь Печали. —

Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»;

Белгород: ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2010.

И опять о ней, любовнице Кортеса — легендарной Малинцин, донье Марине, Малиналли, Малинче... как только ни называли ее в исторических трудах и романах!

Образ Марины в этой книге — «среднее арифметическое» из книг двух предыдущих: не стерва, но и не дурочка, а, как говорит сама автор, «не герой, не злодей, не жертва, не ни в чем не повинный свидетель событий», «женщина, пытавшаяся добиться наилучшего для себя результата... при плохих условиях», которая принимает активное участие в исторических событиях, пытаясь самостоятельно определять свою судьбу. Возможно, подобная трактовка ее образа наиболее близка к истине.

Что касается отображения событий конкисты, то, читая книгу, следует помнить о том, что это, в первую очередь, женский роман, со всеми вытекающими последствиями. В центре его — мироощущение, судьба женщины, женский взгляд на мир. Поэтому описание родов подружки Малинцин оказывается более драматичным, ярким эпизодом, чем происходящая в то же самое время осада ацтеками дворца Ашпякатля. Какая битва — женщина рождает! При этом хроника событий отражена довольно верно, и читатель получает достаточно полное представление об основных этапах конкисты, хотя их последовательность слегка изменена.

Что же до образов самих конкистадоров, то, если процитировать Олдей, «все они раздолбай». Понятно, что автор хотела показать их не злодеями или героями, а обычными людьми, волей судьбы попавшими в экстремальные обстоятельства, да вот немного перегнула палку — ведут они себя в этих самых экстремальных обстоятельствах совершенно по-раздолбайски.

Образы верхушки конкистадоров снижены до карикатурности. Посланник к испанскому королю Пуэртокарреро — пьяница, прославившийся жестокостью Альварадо — трус... Кортес умнее и смелее своих офицеров, но все-таки смахивает на Бармалея из мультика об Айболите: возит за собою кресло, будто трон, дрожит перед произнесением первой речи и все время уговаривает себя и других, какой он бесстрашный и непобедимый. Невольно вспоминается: «Я ужасный, я кошмарный...» — и хор пиратов за спиной.

Рядовые участники похода меньше всего на свете хотят воевать: спасенный из рабства Агиляр мечтает вернуться в Испанию и стать школьным учителем, Берналь Диас с самого начала грезит о славе писателя и делает первые заметки к своей книге (в действительности созданной гораздо позже), а вскользь упомянутый в его труде прорицатель Ботелло, погибший в Ночь Печали, волею автора превращен в одного из ключевых персонажей.

Прибыв в Новый Свет, «рыцари воинства Христового» только и делают, что гуляют, обедают, пьют, валяются в гамаках да спят с местными женщинами. Сражаются они крайне неохотно — если совсем припечет. Все их «великие деяния» происходят как будто бы сами собой и поначалу не воспринимаются всерьез. Заговор солдат против Кортеса — детская глупость избалованного юнца (до последнего момента не верится, что его за это все-таки казнят), резня на храмовом празднике ацтеков — результат

паники другого оболтуса, уже упомянутого Альварадо. Боевой дух армии не на высоте. Войско, запертое во дворце Ашпаякатля восставшими ацтеками, не думает об обороне, а пускается во все тяжкие, проигрывая оружие, доспехи, одежду... Возникает вопрос, как подобное воинство сумело завоевать страну ацтеков и походя разрушить их цивилизацию — вероятно, лишь из-за того, что и те раздолбаи не меньшие. В глазах автора, по крайней мере.

Подобная трактовка событий конкисты, концепция «зла по неведению» не лишена интереса и, возможно, не настолько далека от истины, как кажется на первый взгляд, но... Слишком уж часто враждующие стороны ведут себя недопустимо безответственно, что явно противоречит как серьезности ситуации, так и исторической правде. Следует добавить, что последние этапы столкновения и его трагическую развязку — дни осады Теночтитлана — автор все-таки показать не рискнула. Не вписались в концепцию, видимо.

Вывод: роман, конечно, на любителя, но... историю о том, как толпа раздолбаев и бездельников с бодуна разрушила империю, почитать интересно. И поучительно.

Все перечисленные романы — чисто исторические. Все написаны после тщательной проработки источников и достаточно адекватно отображают события прошлого. С критерием достоверности у исторических произведений на мезоамериканскую тематику все более-менее в порядке, а вот их увлекательность разнится в зависимости от таланта автора.

А как дела с увлекательностью и достоверностью в литературе фантастической?

Тема мезоамериканских цивилизаций отражена в фантастических произведениях не напрямую, а опосредованно. Тут всюду разгулялись штампы. Причем именно на примере фантастики хорошо видно, как они изменялись на протяжении последних десятилетий.

Проанализируем в хронологическом порядке несколько фантастических произведений и посмотрим, каковы эти штампы и как они постепенно менялись. Выводов о каждой книге навязывать не будем — пусть каждый сделает свой (желательно — после прочтения!).

1. Мезоамериканские мотивы встречаются в романах **А.Казанцева «Фазть»**, частично — в **«Клочочущей пустоте»**. Что касается исторического фона — слабое знание автором материала видно невооруженным глазом. Очень показательны штампы. Цивилизации Мезоамерики видятся автором наследниками и учениками инопланетной цивилизации. Тут налично популярный штамп о «необычности», «непознаваемости» «внезапно, ниоткуда появившихся» американских культур. Разрушители «последнего оплота инопланетных знаний» — конкистадоры — показаны исключительно в черном цвете.

В настоящее время модно ругать Казанцева, но стоит заметить, что своими рассказами о необычном, непознанном он будил любопытство и мысль, и после прочтения его романов кое-кто (в частности, автор этих строк) тянулся к более серьезной литературе. Хотя потом любопытный читатель и узнавал, что его любимый писатель во многом неправ, и все было совсем не так, как описано в его книгах, миссия автора — заинтриговать — была выполнена. Именно этого компонента сейчас не хватает многим фантастическим произведениям.

2. Ольга Елисеева. Сын Солнца. — Спб.: «Азбука-классика», 2004.

Когда-то была такая песня: «Шо то було? Мабуть, НЛО». Помните? Так вот, она — как раз про эту книгу. В ней в кучу смешано все: атланты, в которых без труда угадываются жители Крита времен минойской культуры, викинги, тольтеки, майя. Все эти народы, в реальности жившие в разные исторические эпохи, сосуществуют в одном временном пласте — и над всем витает НЛО. Инопланетяне и мистические существа вершат судьбы мира. В основе сюжета книги — стремление главного героя избавиться от опеки свыше и подарить человечеству шанс на самостоятельное развитие. Его усилия заканчиваются концом света и гибелью старого мира, после чего уплывшие волны жить, как им вздумается.

В целом роман любопытный. Хотя созданный автором мир и состоит из отдельных с трудом совместимых кусков, особенности быта, психологии людей различных древних культур прописаны довольно достоверно (пробран узнается сразу!). Примечателен эпизод, когда герой, «цивилизованный» атлант, попадает на космический корабль инопланетян и... начинает крушить все мечом — выводит из строя аппаратуру, вызывает крушение, чудом остается в живых, берет в плен пилотов — «зеленых человечков» и приносит их в жертву на вершине пирамиды. Пропасть между человеком бронзового века и существами технологической эры передана психологически достоверно.

Тема человеческих жертвоприношений занимает в романе серьезное место. Герой борется с кровавым ритуалом, принятым как у тольтеков, так и у самих «цивилизованных» атлантов, и навязанным, по сюжету, инопланетянами. Хотя в образе коварных «зеленых человечков» явно прослеживаются отсылки к желтой прессе сегодняшних дней, щекочущим нервы историям о похищенных для опытов людях, выпотрошенных коровах и т. д. На этом малоприятном аспекте мезоамериканской культуры стоит остановиться подробнее.

В первой половине XX века (особенно — в нашей стране) существование этого ритуала у народов Мезоамерики замалчивалось, а то и отрицалось. Индейцы рисовались авторами научно-популярных и художественных книг как невинные жертвы произвола испанской солдатни и католических монахов. Показательно в этом плане примечание, сделанное к роману

«Дочь Монтесумы», в котором испанский миссионер-хронист Бернардино де Саагун, собравший бесценный материал по истории и культуре ацтеков, назван «фанатичным католиком», «придумавшим» человеческие жертвоприношения.

В настоящее время наблюдается противоположная тенденция. Главное, чем сейчас знамениты ацтеки и майя — это человеческими жертвоприношениями. Культурные и научные достижения, своеобразная философия, мужество при сопротивлении иноземным захватчикам — все отодвинуто на задний план. Человеческие жертвоприношения — вот о чем в первую очередь вспоминают, стоит завести речь о мезоамериканских культурах. (Показательна в этом отношении история, произошедшая с автором данной статьи. Известная детская писательница отреагировала на сообщение о том, что я тружусь над романом об ацтеках, следующим образом: «Ацтеки? Детям!!! Надеюсь, вы не станете описывать человеческие жертвоприношения?»)

Эта тенденция, заметная уже по роману Елисейевой, проявится в последующих произведениях.

3. Кирилл Бенедиктов. Восход шестого Солнца. — М.: «Эксмо», 2005.

Достойный последователь О.Елисейевой. Индейцы Мезоамерики в изображении этого автора — грубые, слабообразованные дикари, склонные к насилию и неоправданной резне. Возникает подозрение, что автор, хотя и занимался культурами Мезоамерики профессионально, так и не понял эту своеобразную цивилизацию. Многие его послышки (и не только в этой книге), мягко говоря, коробят.

Повесть написана в жанре альтернативной истории. Изображен мир, в котором Испания осталась под властью мусульман. Мусульмане же и завоевали Мексику. Исламская конкиста проходила по более мягкому сценарию — ацтеки и все прочие народы Мезоамерики сохранили и свою религию, и свои обычаи, и даже, частично, местное самоуправление. Христиане, напротив, сильно ограничены в правах как в Старом, так и в Новом Свете.

Эрнандо Кортес в этом мире стал командиром отряда наемников, выполняющим секретное поручение мусульманских начальников. В процессе выполнения задания ему приходится столкнуться с самой загадочной фигурой мексиканских легенд — человекобогом Кецалькоатлем.

Повесть, хотя и увлекательна, практически не запоминается, и создается впечатление, что она написана небрежно. Также возникает несколько вопросов к автору:

1) Почему народы американского континента обязательно должны быть кем-то завоеваны? Почему бы не придумать мир, в котором они получили шанс на самостоятельное развитие? Автор не допускает подобной возможности — или банально не хватает знаний?

2) Что бы изменилось в повести, если бы главного героя звали не Эрнандо Кортес, а по-другому?

Образ Кецалькоатля интересен, но все-таки слегка недоработан. Об этом легендарном персонаже можно было завернуть что-либо и покруче.

В целом, повесть — отнюдь не шедевр. Заявка была громкая, исполнение — так себе.

4. И, наконец — Дмитрий Глуховский. Сумерки. — М.: «Популярная литература», 2008.

Тут я умолкаю. Лично мне роман понравился, хотя, корректно ли использовать в качестве ключевого персонажа Юрия Кнорозова (да еще так своеобразно!), не знаю. Не расценивают ли это профессиональные майянисты как надругательство над памятью великого ученого? Неплохо бы предоставить оценку этого произведения им.

Теперь пришло время сделать выводы из всего сказанного выше.

1. Мезоамериканская тематика как в исторической, так и фантастической литературе раскрыта достаточно слабо.

2. Исторические романы разнятся по художественным достоинствам, но с исторической точки зрения вполне достоверны.

3. В фантастических романах и повестях наиболее ярко проявились штампы и их эволюция. В ранних — «благородные дикари», «невинные жертвы», «таинственные, непознанные», «внезапно появившиеся» цивилизации. В творениях последних лет — кровожадные недоразвитые дикари, знаменитые лишь человеческими жертвоприношениями. Завоевали их — и слава богу! Нечего таких жалеть!

Эта тенденция довольно опасна. Она заставляет нас задуматься о том, что конкиста все еще продолжается, и не только на американском континенте. Она продолжается в науке, литературе, в кино, в манипулировании сознанием масс, внедрении удобных кое-кому штампов. Причем объектом завоевания служат не только растоптанные много веков назад народы, но и мы с вами. Будьте бдительны!

В завершение — несколько примеров, подтверждающих последний, спорный, тезис.

1. Известный, глубокоуважаемый мною ученый Р. В. Кинжалов вольно или невольно присоединился к лагерю «новых конкистадоров». В последние годы жизни в его трудах появились фразы о некоем «расцвете мексиканской культуры» после конкисты, т. к. в это время действительно появилось много работ индейских авторов в самых разных жанрах и отраслях. Хотелось бы спросить ученого (теперь, увы, уже не спросишь!) — а возможен ли вообще РАСЦВЕТ после завоевания, при котором города буквально стирались с лица земли? Не расцвет это был, а трагическая, героическая попытка удержать уходящее, пока жив хоть кто-нибудь из тех, кто помнит.

2. ВНИМАНИЕ — ФАЛЬСИФИКАЦИЯ!

В 2005 году появилась книга, которую не рекомендовано брать в руки — запачкаетесь!

Некий Д.Морозов. «Конкистадоры. Серия: вампиры на тронах». — СПб.: «Северо-Запад»; Ростов н/Д.: «Феникс», 2005.

При чтении создается впечатление, что книга написана католиком-инквизитором, немного (лет эдак на 500) опоздавшим с рождением. Смысл таков: католическая церковь — светоч цивилизации. Ренессанс — зло, от дьявола. Протестантская церковь — зло, от дьявола. (Странно, что к православию автор относится терпимо и даже благожелательно). Конкистадоры — рыцари церкви, борющиеся с происками дьявола («сатанинскими цивилизациями» Нового Света, тлетворным влиянием протестантов и еретиков на туземцев). Наиболее жестокие инквизиторы — внедренные агенты протестантов. То, что нехристианские народы иногда осмеливаются сопротивляться иноземным захватчикам, вызывает у автора возмущение — да как они посмели! Счастья своего не понимают!

Для отстранения этой, довольно своеобразной точки зрения, автор не гнушается фальсификациями, зачастую используя в своих черных целях работы настоящих ученых. Я осмелюсь привести один, но характерный пример. Речь идет о грабеже ацтекских сокровищ после вступления испанцев в Теночтитлан, столицу государства ацтеков.

У Д.Морозова: «Не обошлось и без эксцессов. СОЮЗНИКИ ИСПАНЦЕВ начали грабить сокровищницы. ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ **ПОБОЛЬШЕЙ ЧАСТИ** забрали себе ИНДЕЙЦЫ ТЛАШКАЛЬ». (ст. 188)

В оригинале: «Тогда начали ИСПАНЦЫ вытаскивать золото из перьев, круглых щитов и иных украшений, имевшихся там, и, сделав это, разрушили все головные уборы и чудесные изделия, а золото переплавили в слитки... ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ **ПОХУЖЕ** И ПЕРЬЯ забрали себе ИНДЕЙЦЫ ТЛАШКАЛЫ... И обшарили ИСПАНЦЫ весь дворец, хватая все, что им приглянулось». (В. И. Гуляев, «По следам конкистадоров», М., 1976. — С. 42—43.)

Совершенно противоположная картина вырисовывается! У Гуляева инициаторы грабежа — белые, а у Морозова — индейцы-союзники.

При всем этом «великий труд» написан до крайности небрежно и некомпетентно. Создается впечатление, что автор ленился ходить в библиотеку и пользовался исключительно интернет-ресурсами, скачивая, копируя и компонуя тексты по собственному произволу, зачастую забывая заглянуть в предыдущие страницы.

При описании конкисты цивилизаций ацтеков и майя использованы труды В. И. Гуляева и Р. В. Кинжалова, скатанные почти дословно, если не считать авторских некомпетентных отступлений, перетасовок и фальсификаций. Умиляют «цитаты» в десятки страниц — для столь наглого использования результатов чужого труда уместно другое название!

3. Несколько лет назад на экраны кинотеатров вышел фильм Мэла Гибсона «Апокалипсис». Сюжет, думаю, не стоит пересказывать — многие видели. Фильм вызвал неоднозначную реакцию среди зрителей (см. полемику о фильме на форуме журнала «Мир фантастики»). А как его оценивают профессиональные майянисты? Предоставим им слово (здесь и далее цитируется по: <http://www.wayeb.org/aboutwayeb/news/php>)

Несоответствия, обнаруженные профессиональными майянистами:

«1. События фильма происходят во времена конксты, однако тематическим контекстом является крушение майянской цивилизации, произошедшее за 500 лет до этого. В изображении якобы «классических» майя заметно смешение стилей, существовавших на протяжении 2000 лет — от доклассического периода до культуры ацтеков.

2. Конфликт между «хорошими сельскими» и «плохими городскими» майя совершенно необоснован исторически. Сельские майя не жили, как показано в фильме, в заброшенных поселениях в джунглях, а тщательно возделывали землю, подчинялись городским центрам, которые формировали часть еще больших территориальных и политических комплексов (естественно, платили налоги, ходили в города торговать, предоставляли людей для военной службы. — *Прим. автора*).

3. Сельские жители были не мирными охотниками, а производителями сельскохозяйственной продукции для элит, живших в больших и меньших городских центрах. Войны между центрами велись за ресурсы, дань, политическое превосходство — а не лишь для того, чтобы захватить пленников для жертвоприношений.

4. Приношения кровью и человеческие жертвоприношения были частью сложной системы религиозных представлений, культура возрождения и обновления. Знатные пленники из враждебных государств действительно обезглавливались, но этому предшествовал ряд сложных религиозных ритуалов, отражающих мистические события сотворения и обновления мира, которые составляли единый комплекс с празднованием военного триумфа.

5. Погоня в джунглях показывает... негуманность преследователей: они оставляют мертвых и умирающих гнить там, где они пали.

6. Культурные достижения и изобретения, среди которых: развитие совершенно независимой системы письменности, существование комплексной календарной системы, базирующейся на арифметических вычислениях с включением понятия «ноль», обширные знания по астрономии не упоминаются, а то и отрицаются. Естественно, майя (и классические, и постклассические) могли с точностью вычислить время затмения — оно вряд ли бы застало их врасплох.

7. Фильм звучит на юкатекском языке — однако, совершенно неразборчивым для подлинных его носителей. Никто бы не осмелился снять фильм на английском с актерами, которые не умеют на нем говорить. Использовать

юкатекский язык лишь для того, чтобы «пробудить» в западных зрителях чувство аутентичности — низвести язык майя до «экзотического» лепета.

От себя осмелюсь добавить еще два несоответствия, замеченные лично мною:

1. Отвергнутую жертву по мезоамериканским верованиям никогда не тянули на заклание вторично. Возможны были два варианта.

Первый. Отвергнутая жертва объявлялась богоподобной и совершала государственный переворот (подобные случаи документированы).

Второй. Отвергнутой жертве сохраняли жизнь, но участь человека, не принятого ни небесами, ни людьми, была незавидной — он становился изгоем.

2. В мезоамериканских культурах жизнь всех слоев общества была строго регламентирована. Знатному воину было не так-то просто, оставив все дела и обязанности, гоняться по джунглям за строптивой жертвой, нечаянно убившей его сына, да еще прихватить на подмогу отряд. Возможно, жажда мести и возобладали бы над рассудком, но по возвращению военачальника и его людей ждала бы расплата за самовольство.

Профессиональные майянисты дают уничтожающую характеристику творению Мэла Гибсона:

«В целом фильм пропагандирует расизм и вредит исследованиям культуры майя.

То, что «апокалиптическое» насилие в фильме заканчивается с прибитием испанских миссионеров (в действительности — конкистадоров. — *Прим. автора*), которые, казалось, принесут диким майя мир и цивилизацию, возрождение и новое начало — абсолютно неверно исторически.

Подтекст читается как оправдание 500 лет колониализма и христианской миссии. Его также можно воспринять как оправдание недавних, настоящих и последующих случаев угнетения и расизма, с которыми сталкиваются современные майя.

В этом контексте «голливудский портрет» майя как грубых и примитивных людей — так же, как и косвенное оправдание колониализма и христианской миссии — должны восприниматься как оскорбление...

История классических майя и подлинные факты, известные об... обстоятельствах крушения их цивилизации могли бы обеспечить богатым материалом для создания утонченной и захватывающей истории. Жаль, что был упущен шанс снять хороший и достоверный фильм о действительно удивительной культуре».

Хочется закончить статью этим пожеланием профессиональных ученых. Будем надеяться, что найдутся люди, которые последуют их совету и создадут подобные произведения и в исторической литературе, и в фантастике, и в кинематографе, и что издатели и продюсеры (а потом — читатели и зрители) по достоинству оценят их труды.

Январь 2010

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенедиктов К. Восход шестого Солнца. — М.: «Эксмо», 2005.// В сборнике «Фэнтези — 2006».
2. Глуховский Д. Сумерки. — М.: «Популярная литература», 2008.
3. Дженнингс Гэри. Ацтек. т.1,2. — М.: «Эксмо», СПб., «Домино», 2006.
4. Дженнингс Гэри. Осень ацтека. 1 т. — М.: «Эксмо», СПб., «Домино», 2007
5. Елисеева О. Сын Солнца. — СПб.: «Азбука-классика», 2004.
6. Казанцев А. Фэты (любое издание)
7. Казанцев А. Клокочущая пустота (любое издание)
8. Р. В. Кинжалов Воин из Киригуа. — Л.: «Детская литература», 1976.
9. Мейнк Віллі. Загибель воїнів-ягуарів. (українською мовою). — К.: «Веселка», 1973.
10. Морозов Д. «Конкистадоры. Серия: вампиры на тронах». — СПб.: «Северо-Запад»; Ростов н/Д.: «Феникс», 2005.
11. Г. Р. Хаггард Дочь Монтесумы (любое издание)
12. Шервуд Френсис. Ночь Печали. — Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2010.
13. Эскивель Лаура. Малинче. — СПб.: «Амфора», 2006.
14. <http://www.wayeb.org/aboutwayeb/news/php/> Wayeb News. 16 Jan. 2007. Wayeb
- Statement on Mel Gibson's Apocalyto
15. forum.mirf.ru/archive/index.php/t-1373. Форум журнала «Мир фантастики»
16. [http://audag.org/? cat=11](http://audag.org/?cat=11). Стенограммы заседаний семинара...

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОБ АЦТЕКАХ И МАЙЯ

1. В. Е. Баглай Ацтеки. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
2. В. Е. Баглай Империя ацтеков. Таинственные ритуалы древних. — М.: Вече, 2005.
3. Вайян Д. История ацтеков. М., 1949.
4. Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990.
5. В. И. Гуляев Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968.
6. В. И. Гуляев Города-государства майя. М., 1979.
7. В. И. Гуляев Доколумбовы плавания в Америку: мифы и реальность. М., 1991.
8. В. И. Гуляев Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.
9. В. И. Гуляев Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. М., 1983.
10. В. И. Гуляев Загадки погибших цивилизаций. М., 1992.
11. В. И. Гуляев Забытые города майя. М., 1984.
12. В. И. Гуляев Идолы прячутся в джунглях. М., 1972.

13. В. И. Гуляев Сколько раз открывали Америку? М., 1974.
14. В. И. Гуляев, Ю. Г. Юров Кто открыл Америку? М., 1993.
15. В. И. Гуляев, «По следам конкистадоров», М., 1976.
16. Г. Г. Ершова Древняя Америка: полет во времени и пространстве. — М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2007.
17. Иннес Хэммонд. Конкистадоры: История испанских завоеваний XV—XVI веков. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002.
18. Р. В. Кинжалов Искусство древней Америки. Л., 1962.
19. Р. В. Кинжалов Культура древних майя. Л., 1971.
20. Р. В. Кинжалов Орел, кецаль и крест: очерки по культуре Месоамерики. — СПб.: Наука, 1991.
21. Р. В. Кинжалов Шесть дней древнего мира. Л., 1990.
22. Ко Майкл. Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.
23. В. А. Кузьмищев Тайна жрецов майя. М., 1975.
24. Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955.
25. Лас Касас Бартоломе де. История Индий. Л., 1968.
26. Олива де Коль Х. Сопrotивление индейцев испанским конкистадорам. — М.: Прогресс, 1988.
27. В. Х. Прескотт Завоевание Мексики. СПб., 1885.
28. Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. М., 1956.
29. Рус А. Народ майя. М., 1986.
30. Соди Д. Великие культуры Мезоамерики. М., 1985.
31. Стингл М. Тайны индейских пирамид. — М.: Прогресс, 1982.
32. Сустель Жак. Ацтеки. Воинственные подданные Монтесумы. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.
33. Хаген Виктор В. фон. Ацтеки, майя, инки. — М.: Вече, 2004.

P. S. ATTENTION!!!

Многие из перечисленных выше книг (и еще много чего интересного) можно обнаружить на сайте <http://www.mesoamerica.narod.ru>.

В частности, там выложены книги В. Ю. Гуляева:

1. Доколумбовы плавания в Америку: мифы и реальность.
2. Города-государства майя.
3. По следам конкистадоров.
4. Забытые города майя.
5. Сколько раз открывали Америку?
6. Древние майя: загадки погибшей цивилизации.

А также статьи Р. В. Кинжалова:

1. Кецаль и крест.

2. Катабасис Кецалькоатля.
3. Какао в культуре индейцев Месоамерики.
4. Тонанцин и Мадонна де Гуадалупе.
5. «Песни из Цитбальче» как этнографический источник.

И другие произведения этого автора:

1. Падение Теночтитлана (науч.-поп. книга для подростков)
2. Орел, кецаль и крест (отрывки из книги)
3. Орлы Теночтитлана (рассказ)

Note: повесть Р. В. Кинжалова «Воин из Киригуа» переиздана под названием «Боги ждут жертв» в качестве... сценария к фильму М.Гибсона «Апокалипсис».

ККК72

ВРЕМЯ КОЛОДАНА

Дмитрий Колодан. *Время Бармаглота*. — М.: Вече, Снежный Ком М, 2010. — 368 с.

Одни из главных показателей уровня мастерства писателя и его перспектив — умение писать разнообразно, менять при необходимости свой стиль, не останавливаться на достигнутом после первых успехов, а продолжать совершенствовать свое мастерство. И именно эти качества в полной мере продемонстрировал Колодан в своем новом сборнике. Сохранив основные положительные стороны своего творчества — незаурядную фантазию, легкость стиля, необычные, порой парадоксальные идеи — автор стал писать серьезней и жестче. Волшебство и реальность по-прежнему тесно соседствуют в его произведениях, но это волшебство

теперь отнюдь не всегда является добрым. И успешное сочетание доброй сказки и жестокой реальности производит сильное впечатление. Пожалуй, скоро можно будет смело говорить о таланте, равном таланту Геймана или Мьевяля. Впрочем, несмотря на заметное сходство с упомянутыми мастерами, Колодан обладает собственным стилем.

Новый сборник раскрывает разные грани таланта автора. Три входящих в него произведения разительно отличаются друг от друга. Например, если сюжет «Сбой системы» прост и кристально прозрачен, то «Время Бармаглота» заставит читателя изрядно потрудиться, разбираясь в происходящем. «Сбой системы» — полностью оригинальная история, а две других повести — своеобразные попытки по-новому посмотреть на классические сюжеты. Тем не менее, у всех трех повестей немало общего. Пожалуй, каждую из них вполне можно охарактеризовать как «оптимистическую трагедию». Ушли в прошлое безоблачные хэппи-энды ранних рассказов Колодана. Теперь даже благополучное вроде бы завершение истории оставляет грустный, а порой и трагичный отпечаток в душе читателя. И все же неиссякаемый дух оптимизма автора, уверенность в том, что все будет

хорошо, чувствуется даже в самых жестких эпизодах «Времени Бармаглота». Еще одна общая черта повестей, вошедших в этот сборник — неиссякаемое богатство фантазии автора и ее непредсказуемость. Каждое произведение изобилует яркими образами и эффектными эпизодами. Произведения Колодана напоминают мне тех самых райских птиц, врывающихся в нашу серую реальность и расцвечивающих ее самыми неожиданными красками. Впрочем, даже в отвратительной свалке зоркий глаз автора способен отыскать чудесное. И именно эта способность — самая сильная сторона творчества Колодана.

А теперь несколько слов по отдельным произведениям

Время Бармаглота

Наверное, каждый из нас был бы приятно удивлен, если бы в гости к нам стал захаживать добрый сказочник Оле-Лукойе со своими волшебными историями. Наверное, удивление перешло бы в настоящий шок, если бы в один из своих визитов добрый сказочник вместо неизменного зонтика достал бы скальпель и принялся деловито орудовать им у нас внутри. Вот примерно такие ощущения я испытал в результате прочтения этой повести. Привыкнув к мягким и приятным, хотя и несколько однообразным произведениям автора, я был просто шокирован, столкнувшись с новой манерой письма — жесткой, пожалуй, даже жестокой. Конечно, именно это бросается в глаза в первую очередь, и только слегка оправившись от изумления, начинаешь понимать, какую сложную задачу с успехом решил Колодан.

Во-первых, он взялся за оригинальную трактовку едва ли не самых странных и причудливых произведений фантастической литературы — «Алисы в Зазеркалье» и «Охоты на Снарка» Кэрролла, и сумел написать произведение, не уступающее первоисточникам по литературному мастерству, хоть и совершенно в другом ключе. Пожалуй, из всех отечественных фантастов только Колодан, известный своей странной логикой и необычными, причудливыми идеями, мог взяться за такое задание и с блеском его выполнить.

Наверное, самым сложным для автора было разобраться в причудливой логике кэрролловского сюрреализма и вписать в нее свою, не менее странную, но вместе с тем вполне логичную историю. И получившийся у Колодана осовремененный мир кэрроловских историй очень хорош. Особенно впечатлили меня способы перемещения во времени и пространстве, описанные автором. Надо будет на досуге поиграть в крестики-нолики по этому методу.

Еще больше понравились мне персонажи повести. Вкрадчивый голос Бармаглота, метания капитана Ван Белла, невозмутимое лицо Плотника, Твидл, путающийся в своих шнурах — каждый из них получился очень ярким и запоминающимся. Как ни странно, Джек выглядит несколько бледнее других персонажей этой истории. Для Колодана вообще харак-

терно умение создавать яркие, красочные картины, которые запоминаются надолго, но в этой повести таких эффектных эпизодов особенно много.

Сюжет истории динамичен и увлекателен. Есть в нем что-то от классического голливудского триллера, когда главный герой должен во что бы то ни стало опередить злодея. Но при этом главный сюжетный ход оказывается совершенно неожиданным, а добро и зло отнюдь не столь однозначными.

Еще одна особенность произведения — множество отсылок к известным фильмам и книгам — от хичкоковских «Птиц» до «Нашего человека в Гаване» Грэма Грина. Выловить их все — непростая, но увлекательная задача. А особенно изящна главная идея произведения — своеобразная антитеза к знаменитой фразе Достоевского. Хотя я все же скорее готов согласиться с классиком.

В итоге у автора получилось сильное, необычное и очень яркое произведение.

Звери в цвете

В этой небольшой повести Колодан продолжает смелые литературные эксперименты. В данном случае перед нами сказка «Аленький цветочек» в совершенно неожиданной обработке.

Прошло то время, когда герой в поисках приключений отправлялся в неисследованные джунгли или пустыни. Сейчас возле самого города можно найти местечко менее исследованное и более опасное. Итак, берем известного фотографа, отправляем его на городскую свалку в поисках редкого кадра. А дальше все, как в сказке. И девушка, которая мечтает о чуде, и злодей, который к ней сватается, и чудесный Цветок, и грозное чудовище, которое его сторожит, и, конечно, настоящая любовь, хоть и совершенно неожиданная. И все это в мрачных декорациях бескрайней свалки возле большого города. Конечно, автор не копирует слепо сюжет первоисточника, а вводит новые ходы и повороты сюжета. Концовка этой истории, хоть и соответствует оригиналу, все же оказывается совершенно неожиданной. Герои этой истории немного гротескны. Герой очень уж бесстрашен, злодей слишком отвратительны, обычаи жителей свалки совсем уж мерзки, героиня слишком наивна, а чудовище кажется чересчур грозным и угрожающим. Но такие резкие контрасты характерны для творчества автора. Да и вся повесть построена на резком контрасте прекрасного и безобразного, в первую очередь — красоты дикой природы и безобразия результатов человеческой деятельности.

Фирменный стиль Колодана в этой повести легко узнаваем, хотя уже в ней заметен постепенный переход от свойственной ранним произведениям автора некоторой наивности к достаточно жесткому изображению неприглядных черт окружающего мира. По оригинальности фантазии

и сочетанию, казалось бы, несочетаемых вещей, Колодан все больше начинает напоминать мне Нила Геймана.

Сбой системы

Этот рассказ построен по уже традиционной для автора схеме. Место действия — некий экзотический уголок мира. Герои — милые чудаки с неким весьма причудливым хобби. Фантастическое допущение — весьма оригинальное, я бы сказал экстравагантное. Несколько красочных ярких деталей, оживляющих историю. И обязательно какие-нибудь диковинные существа, играющие определенную роль в сюжете. Все это есть и в этом рассказе. Но нельзя не признать, что литературное мастерство автора растет. С каким умением описаны в этой истории ее герои! В них просто невозможно не поверить, не сопереживать им. Каким удачным получился антураж истории! И до чего же неожиданно спокойное, почти идиллическое развитие событий привело к мощной, трагической концовке. Bravo, автор!

ККК72

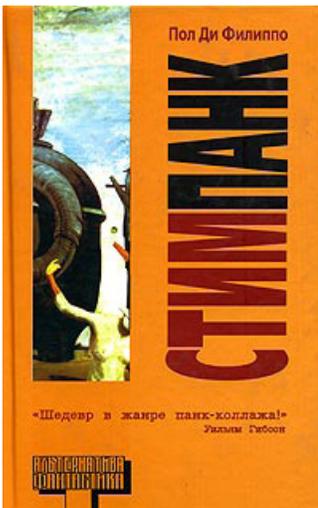
ШАРЖ НА XIX ВЕК

Пол ди Филиппо. Стимпанк. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2006. — 352 с.

Если бы Ди Филиппо был художником, он, несомненно, рисовал бы шаржи. Во всяком случае, именно этот жанр получается у автора лучше всего. В своеобразном кривом зеркале автор показывает нам портрет XIX века — века огромных достижений науки, века крайнего социального расслоения, века самых неожиданных идей, века жестокого и наивного. Все эти крайности автор доводит до абсурда, до своеобразного абсолюта. Фирменная едкая манера дает возможность Ди Филиппо балансировать на грани между насмешкой и откровенной издевкой. Порой его сатира очень удачна, а иной раз кажется, что автору изменяет чувство меры. С другой стороны, в остроумии автору не откажешь. А уж оригинальных, а порой и совершенно безумных идей хватает в каждой из историй.

Неоднозначное впечатление производит и тот факт, что в качестве героев своих произведений автор нередко использует реальных исторических персонажей и не слишком с ними церемонится. Любит Ди Филиппо и использовать персонажей других авторов. При этом большинство из них выглядят совершенно карикатурными.

Каждую из повестей отличает сумбурный сюжет, но при этом за всем стебом скрываются и довольно интересные мысли и наблюдения автора.

Виктория

Вот и состоялось мое знакомство с эпатажным затейником Ди Филиппо. Да, автор пишет бойко, очень бойко, не на грани фола, а далеко за этой гранью. Если в свое время Ленин назвал Льва Толстого «зеркалом русской революции», то в данном случае Ди Филиппо — кривое зеркало викторианской эпохи. И это кривое зеркало действительно отражает реалии Британской империи XIX века, но крайне причудливым и искаженным образом, в первую очередь, подчеркивая всевозможные уродства и язвы на теле общества, доводя их до абсурда. Викторианская эпоха, как, впрочем, и многие другие, характеризуется в первую очередь внешней благопристойностью, за фасадом которой скрывалось немало отвратительных явлений. В то же время, XIX век — век торжества науки, ее стремительного развития, но и чрезмерной веры в ее достижения. И эти научные достижения автор тоже пародирует совершенно беспощадным образом. Перемешать прекрасное и безобразное, выдумку и явь, многократно подчеркнуть и преувеличить, да еще напихать в текст всевозможные аллюзии — вот стиль Ди Филиппо. При этом, чем больше буйство фантазии, тем лучше. В результате королеву Англии на троне временно замещает антропоморфный тритон, проводятся испытания паровоза на урановой тяге и это только некоторые из нахальных выдумок автора. Детективный сюжет произведения достаточно прост, зато фантазия автора безгранична.

Если вы серьезный джентльмен, который с уважением относится к британской монархии, не читайте эту повесть. Иначе вам придется вызвать писака на дуэль и отстрелить охальнику не нос, как это случилось с одним из его персонажей, а нечто совсем другое.

Если же толерантность и политкорректность у вас на должном уровне, а вам хочется прочесть нечто странное и запоминающееся — попробуйте, как и я, начать знакомство с Ди Филиппо с этого произведения.

Готтентоты

На сей раз Ди Филиппо превзошел сам себя по количеству разудалых шуток и издевок на квадратный сантиметр книжной страницы. В погоне за могущественным артефактом (каким именно, уточнять не буду по цензурным соображениям) конкурируют между собой французский ученый, польский анархист, прусский рыцарь, марксистский агитатор, бур со своей женой-готтентоткой, парочка жидомасонов, африканский колдун-вудуист и прочая, не менее колоритная публика. Происходит все это в Новой Англии в 19 веке и сопровождается поистине американским размахом. Гротескные сцены сменяют одна другую, причем в фантазии автору не откажешь. Не помню, например, чтобы кто-то пытался утопить своих героев в патоке. Как всегда, автор ехидно прохаживается по своим предшественникам — от Конан Дойля до Лавкрафта (особенно досталось

последнему). Высказал свою позицию автор и по политическим вопросам. Досталось от него и расистам, и консерваторам, и коммунистам.

Герои Ди Филиппо скорее карикатурны. В авантюрном действе участвуют и вполне реальные исторические личности, и литературные герои других произведений, и собственные персонажи автора. При этом у каждого персонажа определенные черты настолько гипертрофированы, что он скорее похож на некий шарж, чем на портрет в реалистичной манере. Сопереживать таким героям не очень-то хочется, зато посмеяться над ними можно вволю.

Несмотря на всю пародийность данной истории, ее вполне можно читать и как захватывающую приключенческую повесть. Не будучи скованным никакими рамками, автор закрутил сюжет донельзя, швыряя своих героев из огня да в полымя. В итоге получилась очень забавная и увлекательная приключенческо-пародийная история.

Уолт и Эмили

Повесть «Уолт и Эмили» заметно выделяется из общего разгильдяйского тона сборника. Хотя ее начало давало все основания предполагать, что автор в очередной раз от души посмеется над своими персонажами. В качестве таковых на сей раз выступают знаменитые американские поэты 19 века Уолт Уитмен и Эмили Дикинсон. У этой истории получилось три грани. Одна из них — сатирическая, в привычном для Ди Филиппо стиле высмеивает популярный в то время спиритизм. Гротескные персонажи, безумные идеи, в частности, попытки попасть в мир мертвых на летающей шхуне — все это уже привычно для творчества автора. При этом количество удачных шуток и неожиданных ходов заметно меньше, чем в двух других повестях сборника. Вторая грань повести — мистическая, самая странная из всех. Она заметно выбивается из общего ритма повествования, а необычные картины загробного мира так и остаются определенной загадкой без начала и конца. И, наконец, третья грань этой истории — история неслучившейся любви двух очень талантливых, но не менее странных людей. Пожалуй, именно в этом качестве повесть наиболее интересна. К тому же автор, вопреки своему обыкновению, не слишком вольничает с образами главных героев. В итоге, прочитав повесть, я погрузился в справочные издания и заметно расширил свои представления о американских поэтах 19 века.

К сожалению, все три грани повести не слишком удачно связаны друг с другом и выглядят несколько незавершенными, что ослабляет общее впечатление от произведения.

Итого.

Вопреки мнению большинства коллег, больше всего мне понравилась «Готтентотъ», возможно, потому что это повесть — наиболее беззлая

и по-хорошему безумная, а вот «Виктория» все же показалась чересчур циничной.

«Стимпанк» — довольно необычный сборник. Он подойдет только читателям с довольно специфическим чувством юмора, а тем, кто воспринимает все чересчур серьезно, лучше воздержаться от знакомства с Ди Филиппо.

ИВАН ПОПОВ

ВПЕРЕД И ВВЕРХ

Joe Abercrombie.
**The First Law: Book Three. The Last
 Argument of Kings.** —
 Gollancz UK, 2008. — 544 с.

Есть искушения, которым невозможно противостоять, и одно из них — это желание узнать, что же будет дальше с героями полюбившихся книг. Всего лишь две трети «Первого закона» переведены на русский язык, но разве это может стать преградой? Напротив, чтение в оригинале, без посредников позволит мне ощутить истинную искрометность текста. Так думал я когда-то, считая, что первые две книги задали тон, и автору осталось только не уронить планку. Наивный! Я не мог даже предположить, что ждет меня в третьей книге.

Бешеная энергетика. Отрезвляющая, гнетущая серьезность происходящего. Горькая честность и потрясающий эмоциональный накал. Жестокость, страх и непреодолимый дух смерти. Кромешный мрак. Одним ударом твердую поверхность двух предыдущих книг выбили у меня из-под ног...

События романа происходят в смутное, отчаянное для Союза время. Королевская династия прервана. Новый король должен быть избран волей Открытого Совета, что означает ожесточенную борьбу за власть. На Севере по-прежнему действуют армии Бетода, а с Юга подступают полчища гурков. Развязка опасно близка.

Но есть люди, действия которых могут повлиять на судьбу Союза. Это Коллем Вест, Логен Девятипальый, Dogman, Джебаль дан Луфар, Занд дан Глокта, Ферро и, конечно, Байяз. Знакомые имена, не так ли? Быть может, вы даже уверены, что знаете о героях почти все? Опасное заблуждение!

В финале «Первого закона» Джо Аберкромби не только удалось до конца раскрыть образ каждого из героев, причем подчас весьма неожиданным образом, но и построить на базисе личных драм непротиворечивый, мощный и эмоционально насыщенный финал всей трилогии. Каждый герой

— это клубок неразрешимых противоречий, намного более сложных, чем борьба между черным и белым.

В первую очередь, «The Last Argument of Kings» — это бенефис Логена Девятипалого, по прозвищу Bloody Nine. Величайший воин Севера, привыкший к крови и смерти человек с необыкновенными умениями и странной судьбой — все это узнаешь из первых книг и не видишь в этом ничего особенного. Необходимо было прочесть финальный роман, взглянуть на героя, которому симпатизировал, под немного другим углом для того, чтобы увидеть правду. Пройти сквозь ад сражений на севере и юге, запомнить прощальный разговор Логена и Бетода, пронзительный и неожиданный, стать очевидцем страшного боя Логена с порождением Гластрода для того, чтобы понять.

Logen Ninesingers was a man full of death. И лучшего определения не подберешь! Судьба связала его жизнь со смертью, разрушив былое руками шанка, и спустя много лет он сам стал стихией смерти, бессмысленным и беспощадным призраком войны. В лице Логена Девятипалого перед нами предстает трагедия человека, уставшего от бесконечной войны, и тем не менее пригодного только на то, чтобы убивать вновь и вновь, каждый раз чудом оставаясь в живых. Его умению всегда находили применение правители; его поступки называли злодеяниями и великими подвигами, но по сути своей это были просто убийства. His victims were killed by Death.

В течение многих лет Логен Девятипалый стремился вернуться к мирной жизни. Он пытался перешагнуть через себя, оставить человека-машину по имени Bloody Nine в прошлом, но годы текли, началась и закончилась трилогия «Первый закон», а испытание миром все откладывалось.

А испытание дружбой? У Логена был только один настоящий друг, Dogman. Оба провели на войне большую часть своей жизни, оба были Названными. Подлинное стремление к миру смог сохранить только один из них.

Однако пришло время вернуться в Союз, судьба которого тесно связана с судьбой трех человек — Занда дан Глокты, Джезала дан Луфара и Байяза, Первого из Магов.

На протяжении всей трилогии образ Глокты претерпевал эволюционное развитие. Трагедия полковника Глокты, выжившего в императорских тюрьмах, стала общим местом задолго до начала событий «Первого закона». Но драма инквизитора Глокты, человека, внушающего одновременно и симпатию, и страх, разворачивается уже на наших глазах. Человеку, который обладает острым умом, стремится к истине и готов любыми средствами добиться достижения цели, суждено либо быть найденным мертвым однажды утром возле доков, либо стать большим, чем слуга двух господ.

А что же Джезаль дан Луфар? Его жизнь — это драма человека-марionетки. Путешествие на край света заставило его проститься с беззаботной юностью, но задумывался ли он хоть раз, слушая старые сказки о Гароде

Великом, о далекоидущих планах первого из магов? В одночасье Jezal the Magnificent распрощался со свободной жизнью, став для Союза всем и никем.

Судьбы героев, главных и второстепенных, изломаны судьбой мира. Люди всего лишь пешки в вечном противостоянии Байяза и Пророка Кхалюля. На стороне добра стоит Байяз — гордец, предатель и убийца. Призраки прошлого преследуют его, стремясь рассказать читателю горькую правду о Первом из Магов. Но каким бы негодяем он ни был, от него зависит судьба Союза. Историю же напишут победители.

Заключительный роман трилогии превзошел все мои ожидания. Мозаика людских судеб при взгляде со стороны складывается в четкую, непротиворечивую картину мира, где есть место всем оттенкам черного. За отдельными личностями проступают архетипы, за конкретными проблемами — вечное противостояние идей. В честном мире «Первого закона» нет места морали, и лишь одно правило действует непреложно: *no one gets what he deserves*.

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

СХЕМА ЭВАКУАЦИИ ИЗ СНА ПРИ ПОЖАРЕ

«Начало»

В ролях: Леонардо ДиКаприо,
Джозеф Гордон-Левитт, Эллен
Пейдж и другие

Режиссер: Кристофер Нолан

Производство: США

2010 год

Если бы я рванулся писать рецензию сразу после того, как вышел из кинотеатра, вы читали бы совершенно другой текст. Это была бы не столько рецензия, сколько эссе. Повышенная впечатлительность толкает критика к подбору рифм. Сейчас мне, право, даже самому было бы интересно почитать, что бы я тогда написал. Ощущение эмоционального заряда от фильма было сильнейшим.

Может быть, в некоторых случаях действительно имеет смысл писать двойной отзыв: сначала транслировать *impression*, и только через недельку, поостыв, приступать к аналитике. Для одного из этих жанров взять псевдоним и публиковать оба текста под разными именами. Рецензент Джекилл и эссеист Хайд. Получилось бы не только смешно, но и поучительно — прежде всего, конечно, для меня.

Так или иначе, отзыв на несколько дней отложился, впечатления от фильма потеряли эмоциональный накал, а кое-какие узелки умозаключений затянулись и затвердели. Но кое-что осталось неизменным.

Для начала: Кристофер Нолан еще раз подтвердил, что чуть ли не главным его достоинством как постановщика является внятность изложения. В любой момент фильма он точно знает, какую локальную задачу решает именно этот кадр, как он связан с тщательно осознанной общей задачей фильма, какими тайными и явными крючками и с какой наживкой

он снаряжен, и как сделать так, чтобы зритель цеплялся за эти крючки и чувствовал все возрастающую причастность к происходящему на экране. Строго говоря, это азы режиссерского профессионализма, и остается только поражаться, как много постановщиков, доросших лишь до его личиночной стадии, считаются «неплохими», «популярными» или даже «культовыми», и как много действительно хороших режиссеров теряют с возрастом жесткий контроль над внятностью своих фильмов и позволяют им превращаться в семантический кисель, расплескиваться между «как сделано» и «что сказано», жертвовать общим смыслом ради эффектного эпизода или строить визуально эйфорический фильм с содержанием, которое явно недостойно такой роскошной упаковки. Я изо всех сил надеюсь, что Нолан такого себе не позволит — во всяком случае, не в ближайшие годы. Сейчас он если и не на пике профессионализма, то в отличной форме, которая позволяет ему решать творческие задачи любой сложности.

Но отличное владение киноязыком вовсе не означает, что режиссер готов браться за действительно сложный материал. В «Inception» Нолан показал, что для него это почти не проблема — вряд ли у кого-то из умеющих обосновывать свое мнение язык повернется назвать структуру сюжета его фильма «простой» или даже «простоватой», а центральных героев обвинить в уплощенности или эмоциональной глухоте. И пока материал строится на логике и эмоции — Нолан абсолютно в своей стихии.

В этом же кроется его главный недостаток (или «недостаток»): Нолан, если судить по фильмам, отличный «прозаик», но совершенно не «поэт». Он великолепен в расчетах, но чувствует себя неуверенно в стихии свободного полета вдохновения. Он не фонтанирующий музыкальными чудесами Моцарт, он тщательный строитель оперных арий Сальери. В «Inception» он сознательно вводит тему «ограничения» сюрреализма снов: пространство грез у него проектирует архитектор, и на эту работу его герой точно не взял бы Гауди: тот был слишком иррационален, его миры выпли бы из-под контроля и строили бы себя сами.

Как раз этого Нолан и стремится избежать.

Одной из самых сильных черт его «Темного Рыцаря» было как раз столкновение рационально устроенного (хотя и несовершенного) миропорядка с вдохновенным хаосом, воплощенным в Джокере. «Inception» выстраивает сходный контрапункт: ментальное пространство становится ареной столкновения созидательного сознания и разрушительного подсознания. Упорядоченное против хаоса.

При этом Нолан в выстраивании этого противостояния предельно честен. Как и в «Темном рыцаре», битва идет на равных, но в совершенно несопоставимых категориях. Там было невероятное обаяние зла против обыденной структуры миропорядка. Здесь же сложнейшей инженерной архитектуре сознания Кобба противопоставлен бушующий в его подсознании ураган. Маль, женщина, имя которой с почти любого европейского

языка переводится одинаково. Любовь Кобба, подавляемая саморазрушением, и пытающаяся разрушить его самого во имя сохранения их любви.

Фильм Нолана — это противоборство клинка и стихии, детальная хроника боя мечом против вихря опавших листьев (*viva*, «Герой», твоя рифма все-таки меня догнала). Но если в «Герое» Чжана Имоу все слои реальности свободно пересекаются и порождают почти бескрайнее поэтическое буйство метафор и прочтений, то Нолан держит смысловую структуру своего фильма под жестким авторским контролем — иначе не умеет. Эта структура паразитерна по сложности, она чертовски интересна для рассмотрения и анализа, но она почти полностью познаваема. Стоит выделить несколько зацепок, которые Нолан настойчиво повторяет (существенные узлы резервируются: а вдруг с первого раза не сработает?), как авторский вывод становится очевиден, формулируется как будто сам собой. (Для пушей гарантии он даже произносится в «Inception» вслух, хотя и не на основном языке фильма).

Забавно, что сам Нолан ясно видел эту избыточную «явность» ответа и честно попытался ее замаскировать вопросом — увы, совершенно второстепенным. Хотя даже здесь он находит изящный жест и превращает отвлекающий финт в почтительный поклон предтечам...

«Культурное кино»? Да, культ родился — создание Нолана обречено, благодаря теме и исполнению, на внимание популярных философов, которые в последнее время взяли моду использовать порождаемые масскультам образы для иллюстрации своих концепций, как правило, довольно банальных. «Inception» достаточно сложен и дает для таких толкований обширный материал, к тому же его тщательная выстроенность провоцирует на самозабвенное разбирание и собирание конструктора. Наверное, и пусть их. Да и зрителю приятно.

Я же на этом закончу, напоследок поставив всего одно воображаемое многоточие.

Все, что я сказал выше о логичности и инженерной выстроенности фильма, для меня очевидно. Неочевидно то, почему вопреки всему этому в архитектуре «Inception» все-таки чувствуется Гауди. В этой рассудочной прозе есть поэзия. Она слаба, но сердце бьется. Может быть, дело во мне, а не в Нолане. Может быть, правы те, кто утверждает, что смысл фильма кроется в разрывах между кадрами, над которыми не властны ни режиссер, ни оператор, ни монтажер.

Если я выдаю желаемое за действительное, я тем самым делаю его существующим.

Может быть, дело как раз в этом.

ПАВЕЛ БОЙКО

В ПОИСКАХ СИНЕЙ ТАБЛЕТКИ

Что бы Вы сегодня не прочитали на этой странице, главное — не паникуйте и ничему не удивляйтесь. Весь мир Ваших оценок, ощущений и вкусовых пристрастий — это всего лишь глобальная иллюзия, в центре которой сидит могущественный Некто и помыкает сложными нейронными импульсами Вашего мозга с помощью гигантской каучуковой киянки. Взгляд в сторону — боль, взгляд прямо — вкусная конфетка, и никак иначе. Только я очень прошу Вас не вскакивать резко со своего стула и не бежать сломя голову в неизвестном направлении, этим Вы только спугнете тех, кто за Вами наблюдает. А разве я еще не сказал? О, они наблюдают постоянно, и их глаза никогда не закрываются. Кто они? Чего от нас добиваются? Сложный вопрос, но мы с Вами попытаемся совместно отыскать на него ответ. Главное помните: до конца чтения этих строк у Вас еще есть классический выбор, состоящий из Синей и Красной таблеток. Примите синюю — и весь этот текст испарится из Вашего компьютера, оставив лишь приятное ощущение иллюзорности происходящего, будто бы все прочитанное случилось с Вами лишь в неприятном ночном кошмаре. Однако стоит вкусить красную — и весь мир иллюзий и чужих манипуляций с Вашими вкусами станет суровой и неотвратимой реальностью. Но еще не время паниковать: вытрите со лба предательскую струйку холодного пота, откиньтесь на спинку кресла, расслабьтесь перед Вашим монитором. Помните: пока перед глазами не иссякнут бесчисленные хоромоды этих строчек, у Вас еще есть время — и есть выбор...

*The Matrix has you
(Сами-знаете-откуда)*

Хотим мы это замечать или нет, но фильмов, книг, игр, музыкальных произведений на тему иллюзорности человеческого бытия снято/написано/сыграно/записано уже предостаточно. Однако количество их будет только неуклонно расти. Уж двенадцать лет минуло с тех пор, как отздоровался со всеми соседями наивный американский парень Труман Бирбонк, одиннадцать — как смолкло печальное соло джазовой трубы на нуарном «13 этаже», десять — со звука последнего выстрела, поставившего жирную точку в финале гениальной кронненберговской «Экзистенция». И это даже если не трогать само Святое Писание, по мнению некоторых

излишне впечатлительных фанатов, лучшее воплощение Ветхого и Нового Завета в одном флаконе (от себя добавлю — вероятно еще и Корана, Талмуда, Священных Вед, Книги перемен, Тхеравады и «Краткого курса истории ВКП (б)»), Альфу и Омегу... представлений современных школьников об иллюзорности, и наконец просто всем известную «Матрицу» братьев (по крайней мере — на момент создания сего фильма) Вачовски. Легкая и невесомая, словно жвачка с модными зелеными полосками, она брала зрителя за шкурку и подобно стремительному сюжетному броску главного героя в кроличью нору, швыряла его прямо в фокус эффектного слоу-мо,

с роскошно поставленными драками и молниеносными перестрелками. Стремительность операторских ракурсов и нарочитая рваность монтажных склеек так убаюкивала сознание при просмотре, что между этими зелеными вертикальными полосками, равномерно и стремительно движущимися вниз по экрану, начинало действительно мерещиться ОНО — Целое Кинематографическое Откровение.

Но, к счастью, уже на выходе из кинотеатра стремительный порыв свежего воздуха быстро освежал некоторых индивидуумов. Вдали от молниеносных рапидов и оглушительных звуковых эффектов они вдруг начинали понимать, что эти замедленные перестрелки с двух рук они уже раньше видели в ранних фильмах Джона Ву; новизна использования поединков кунг-фу сравнима разве что со свежестью последнего открытия Америки, а те самые шелестящие по экрану полоски переползли на экраны «Матрицы» напрямик из анимационного шедевра Момору Осии «Призрак в доспехах». Кровожадные машины шагнули в будущее из пробежавшего неподалеку «Терминатора», подземная база повстанцев опустилась на глубину геологических пластов непосредственно из далеких галактических просторов классической трилогии «Звездных войн». Если же попробовать истолочь в ступе бесформенные философские претензии, являющие собой почти бессистемную, эклектичную подборку образов из всех мировых религий (за исключением разве что Ктулху), философских и эзотерических учений, то на самом дне останется лишь жженный сахар — приторный, вязкий, с неприятным вкусом и еще более устойчивым послевкусием — бррррр... Впрочем, как водится, самым беспристрастным судьей для культового статуса оказалось Время. Сокрушительный провал заключительной части

матричной трилогии поставил жирный крест на дальнейших квадрологиях, пенталогиях и гексалогиях. Круглые черные очки и длинные плащи постепенно вышли из моды, полоски вернулись обратно к Азии, рапидные перестрелки — к Джону Ву, большинство фанатичных приверженцев «Церкви Нео» успели повзростеть и сейчас уже с иронией воспринимают свои былые увлечения. Впрочем, разумеется, кое-кто и по сей день пребывает в Матрице, разучивая прыжки с кухонных табуреток на фоне узнаваемого скринсейвера с зелеными полосками, но речь сейчас не о них. Ведь мировая индустрия развлечений в последние лет десять напоминает заряженный револьверный барабан: стоит одному патрону отправиться к своей цели для покорения очередных кассовых вершин, как его место занимает следующий. Так встречайте же преемника!

— *Сколько всего создано миров?*

— *Тысячи, но ваш — единственный, который создал имитацию внутри имитации.*

(The Thirteenth Floor)

Трудно представить себе более исчерпывающую информацию о фильме, его целях и используемом режиссерском инструментарии, чем огромная зазывная надпись на афише: «От режиссера «Темного рыцаря»». При смаковании ее лаконичной конструкции в ушах сразу же начинает играть громкий хор из незнакомых голосов: «Ой, Люсь, гляди, это же от того дядьки, что снял о махаче черного Бэтмена с этим, как его, Жогером, о! Слушай, я хочу сходить, ведь тот фильм был таким умным, там было стоко философии — даааа... Я в интернете читала». На самом деле этот слоган оказался палкой о двух концах: для аудитории, уверенной в качестве предыдущего нолановского «спедевра», даже спустя два года после окончания его тщательно продуманной и на редкость беспринципной рекламной кампании, это, безусловно, зеленый свет и билет на премьеру, причем в первый ряд. Ведь фильм — «на одиннадцать из десяти, а если кто че скажет — пусть со мной сначала встретится и попробует сказать это мне в лицо, если че, меня Лехой зовут!» Однако для тех, кто предпочел оценить сие произведение более взвешенно, не желая мириться с его многочисленными недостатками, лишь повод для нудных рассуждений из серии: под силу ли постановщику пересмыслить свой предыдущий урок, даже если его мировые кассовые сборы превысили миллиард долларов? Тем более, рекламная компания «Начала» уже с самых первых дней приобрела подозрительно знакомые очертания. Тут тебе и рейтинг пользовательских оценок 9.3/10, выставленный на крупнейшем американском киносайте IMDb при 52,050 проголосовавших, и третье место в топе самых лучших фильмов всех времен и народов, выше

таких всенародных кинохитов, как «Хороший, плохой, злой», «Крестный отец» и «Криминальное чтиво». А между прочим, два года назад «Гемный рыцарь» спикировал прямо на первое, причем после нескольких дней проката. Ай-ай-ай! Налицо недоработка, господи маркетологи! Что уж говорить про пафосные лозунги о лучшем фантастическом фильме ever ever ever, ну, или, на худой конец, последних десяти лет. Все это рождает смутно знакомые ощущения, будто мы уже недавно плавали в этих водах, кэп!

Но не так страшен Нолан, как его малюют. Над всем его кинотворчеством, незримо кружит в воздухе уже знакомая нам зеленоватая матричная дымка: в саму структуру «Помни» он заложил ответ на типичный вопрос братьев В. «что есть Матрица?», озвучив его сухим менторским тоном фрейдистского учебника по психоанализу. В «Престиже» каждый из двух героев, по сути, является Архитектором, создающим незримое полотно иллюзий на потеху скучающей публики, и когда ткань выдуманных образов слишком въедается в реальность — разрывающим его, с помощью экстренной «перезагрузки». Главный аттракцион «Начала» — это полная синхронизация Нолана с его внутренней Матрицей: ее расширение и углубление с помощью приемов, оставшихся в режиссерском инструментарии еще со времен Memento. Сюжет нового творения — снова Матрица по Фрейду: там, где Нео с товарищами скользили по компьютерному отражению человеческого сознания, нолановский герой Кобб (Леонардо ДиКаприо) и его команда предпочитают непосредственное внедрение вглубь чужой черепной коробки. Цитаты из полюбившегося режиссеру творения столь же демонстративны, как развешанные прямо по стенам огромные плакаты: Тринити — Ариадна, а вместо знаменитой Ложки-Которой-Нет, вашему вниманию предлагается нечто не менее символическое — значимый Волчок. Проникнув в здание просторного матричного комплекса, где с легкой руки Вачовски всегда было пусто, как в разграбленном склепе, Нолан меняет его под себя и проявляет фирменное внимание к деталям: чуть усложняет структуру, добавляет психологизма и выпадающих из своих шкафов скелетов. Одна беда: если смотреть на них с улицы, высоко задрвав голову, то оба здания: его и то, что создали почти одиннадцать лет назад братья-поляки, смотрятся абсолютно идентично.

Память обманчива.

Она интерпретирует, а не фиксирует.

(«Помни»)

Пиар-релизы давятся от умиления: впервые основная задумка фильма о преступлении, совершаемом в сознании другого человека, посетила Кристофера Нолана аж в двенадцатилетнем возрасте! Когда юный

вундеркинд подрост и превратился в преуспевающего режиссера, та самая юношеская забава начала постепенно превращаться в сценарий, на создание которого ушло почти десять лет! Спору нет — сама идея хороша, и придумавший ее мальчик бесспорно заслужил внеочередную порцию теплого молока с вкусным хрустящим печеньем. Только вот похвалить взрослого дядю, который в течение десяти лет ее утрамбовывал, утрамбовывал, да так и не доутрамбовал, при всем желании не получится. Разместив в первой половине несколько жирных отсылок к «Помни», Нолан тем самым убивает в своем фильме любое подобие интриги: с тем же успехом, ему можно было просто наклониться в темноте кинозала к уху ни о чем не подозревающего зрителя и сообщить радостную новость, что убийцей является парикмахер. Впрочем, финальный твист — это лишь дело десятое: в том же «Помни» знание концовки нисколько не мешало все новому и новому пересмотру, потому что кроме неожиданной развязки картина содержала запоминающиеся диалоги, убедительно прорисованных персонажей и оригинальную концепцию. И именно здесь кроется самый главный неприятный сюрприз «Начала»: увидев над головой фокусника огромные ниточки, знакомый с нолановской творческой кухней зритель решает повнимательнее приглядеться к окружающим типажам, но стоит лишь дотронуться пальцем, как они тут же распадаются в небольшие пепельные кучки. Все персонажи фильма, за исключением главного героя, напоминают аватаров из непропатченной компьютерной игры: за внешним обликом и дежурным набором реплик не скрывается ни проработанных характеров, ни интересных личностей, да и сами реплики по большей части скучны и вряд ли после окончания просмотра, украсят чей-то цитатник. Выстраивая в подсознании собственную модель всемогущей Матрицы, режиссер заменил хоть какую-то имитацию жизни театром одного актера в огромном зале, сплошь заполненном пластмассовыми манекенами. Когда от обилия людей без следов какой-либо мотивации и внутренних конфликтов уже начинает рябить в глазах, на ум приходит забавная филологическая загадка: каким словом, уместнее всего назвать человека, который потратил целых десять лет на развитие собственного сюжета, сумев при этом создать в нем лишь одного по-настоящему живого персонажа. Хммм, дайте подумать...

Не сумев добавить ничего нового к собственным психологическим пазлам десятилетней давности, режиссер решает слегка разнообразить их жанровую структуру. Если «Помни», несмотря на режиссерские игры в «начало-конец, конец-начало», все же оставался в четких рамках психологического триллера, то в «Начале» таких границ не существует вообще: фильм о коллективном ограблении, футуристический триллер, фантазия о путешествии в вымышленные миры, психологическая драма, слишком подозрительно отдающая в голове описанием соответствующих сцен из бессмертного лемовского «Соляриса». Слишком уж эклектичен набор местных ингредиентов, а ведь вдобавок к ним, фильм еще частенько вспоминает о

том, что по жанровому паспорту он значится фантастическим боевиком. И зря, потому что боевые сцены с прыжками, кульбитами и перестрелками — это самое скучное, что есть во всем фильме: неудачные операторские ракурсы и вялая постановка этих эпизодов, неуклонно заставляет ползунок на шкале «зрелищность» перемещаться к позорной отметке «ноль». Вот где мог пригодиться опыт с подражанием братьям В., благо великолепные операторские ракурсы и замедленные рапиды с нанесением удара пяткой в нос — это было одно из тех редких достоинств «Матрицы», которое невозможно оспорить. Но Нолан — не Вачовски и даже не Бэй, что, впрочем, было отчетливо видно еще по квелой постановке сцен, которыми он два года назад пытался предать зрелищности своему «Темному рыцарю». Непонятен смысл этого повторного демарша по одним и тем же граблям, разложенным в том же месте и все той же заботливой рукой. Однако сама настойчивость сорокалетнего британца не может не восхищать.

Мы принимаем реальность такой, какой нам ее подносят. Элементарно.

(Шоу Трумана)

Впрочем, хождение по граблям, разложенным добрым и заботливым ЧеловекоМышдем, на этом не заканчивается. Помнится, два года назад в редких по-настоящему критических обзорах на «Темного рыцаря» отмечалось, что чрезмерно увлекшись концепцией, Нолан позабыл про задействованных в фильме шикарных актеров (за исключением лишь одного, который все время удивлялся, почему все вокруг такие серьезные), которые на протяжении всего фильма стояли неподвижными столбами, лишь изредка радуя репликами наподобие «Купать подано». Дабы подчеркнуть непохожесть на предыдущий фильм Нолана, в актерский состав «Начала» не завезли ни Кристиана Бэйла, ни Гэри Олдмана, ни Моргана Фримана, трагически ушедшего Хита Леджера заменили очень внешне похожим на него Джозефом Гордоном-Левитом, и только Киллиану Мерфи и Майклу Кейну похоже не дали даже переодеться. Но старые болячки, по-прежнему с нами: 90 % задействованных звезд, как и прежде, играют лишь роли говорящей мебели. Изначально, режиссер дарует право на раскрытие своего персонажа исключительно исполнителю главной роли: у Кобба, в отличие от прочих болванчиков, населяющих 148-минутный мир «Начала» есть биография, жизненные цели, черты характера, наконец. Однако самую злую шутку над очередной нолановской концепцией сыграли даже не зрители и не придирчивые критики, а его прославленный коллега Мартин Скорсезе, выпустивший в феврале этого года фильм «Остров проклятых», где по несчастливому для режиссера «Начала» совпадению главную роль

исполнил... все тот же Леонардо ДиКаприо. Злой рок и всего шестимесячный перерыв между выходами двух фильмов на экран оказали детищу Кристофера Нолана медвежью услугу: имея общее лицо на двоих, персонажи «судебного исполнителя» Тедди Дэниелса и «ментального взломщика» Дома Кобба сливаются в единое целое, и отодрать одного от другого уже не под силу ни автору литературного первоисточника «Острова» Деннису Лихейну, ни самому сценаристу Кристоферу Нолану. Напоминает сцену из детства, когда друзья родителей дарят вам на день рождения подарок в необычайно красивой и яркой упаковке. Предвкушая огромное наслаждение, вы его распаковываете и под всеми этими завлекательными ленточками, завитушечками и очень красивой оберточной бумагой... обнаруживаете подарок, который у вас уже есть. Нет, нет, разумеется, сами дарители ни в чем не виноваты, но вот как быть с оставшимся неприятным осадком?

Пришла пора подводить итоги, и они, признаться, слегка разочаровывают. Первый фильм Нолана, снятый им по самостоятельному сценарию, увы, обернулся лишь дорогостоящим перефразом его самого лучшего творения. Слепой Нео, незримым духом в виде зеленых строчек, по-прежнему витает себе в своей Матрице, а покрытый татуировками по самые брови Леонард все еще бродит по белу свету, тщетно пытаясь настичь убийц собственной жены. Превосходная задумка, яркая идея корчатся в мучениях на грязном полу, получив под дых от не самой качественной реализации, рождая в голове незамутненные каламбуры о том, что лучше бы Нолану забросить подальше весь этот матрично-бэтменовский Голливуд и вернуться назад, к малобюджетному кино с четкой структурой и полным отсутствием необоснованных амбиций. Впрочем, посмотрим правде в глаза: какой здравомыслящий человек захочет добровольно слезть с кассового Олимпа, на котором он восседает рука об руку с самыми яркими кинозвездами и баснословными гонорарами, чтобы вернуться обратно — к блеску и нищете низкобюджетного кинематографа, пусть и в поисках давно утраченных творческих ориентиров? Нет, господа, такое возможно лишь в кино. Или в какой-нибудь вечно зеленой Матрице.

Вы начинаете искать разгадку, но не находите, потому что не особенно стараетесь. Вы не хотите ее знать.

Вы хотите быть обманутым.

(«Престиж»)

Заранее предвижу, как у читателей, добежавших глазами до этих строк, начинают стремительно расширяться зрачки. А как же Синяя и Красная Таблетки, как же мировой заговор и кто те самые загадочные ОНП, с помощью которых Автор попытался построить дешевую интригу, дабы заставить несчастного читателя дочитать до конца свой скучнейший обзор? Спокойно, дорогие мои. Как и подобает интриге

Настоящего Фильма о Выдуманной Реальности, в роли тех самых ПХ, контролирующих и навязывающих Вам некие вкусовые пристрастия выступаете... исключительно Вы сами. Радио, телевидение, интернет, сарафанное радио, мнение знакомых, коллег и знакомых наших знакомых — это и есть та образная каучуковая киянка, которой мы сами себя загоняем в прокрустово ложе общих представлений о прекрасном/безобразном/ужасном — общих, но не персональных. И за длинной пространной и насквозь субъективной статьёй о том, почему одному человеку не понравился этот фильм, обязательно нужно сказать пару слов о том, почему он понравится лично Вам, отчего Вы дважды (нет, лучше трижды) посмотрите его в кинотеатре, потом обязательно приобретете на DVD и будете всем рассказывать, что это лучший фильм в Вашей коллекции! Вы никогда не задумывались, почему ни «Темному городу» Профайса, ни «13 этаж» Руснака, ни «Экзистенции» Кроненберга, ни гениальному «Авалону» Осии, вроде рассказывающим каждый по-своему одну и ту же историю, так и не удалось покорить таких вершин, какие открылись пресловутой «Матрице» братьев В.? Потому что, ловко сочетая в себе весь опыт предыдущих наработок, братья-поляки сняли именно тот фильм, который в 1999 году хотел увидеть массовый зритель: от темы — одна оболочка, обертка, зато обертка настолько красочная и привлекательная, что ее так и не терпится потрогать. Та же участь уготовлена и «Началу», ведь из фильма Вачовски Нолан усвоил наиболее главный принцип: «Главное — это не то, что в фильме есть на самом деле, главное — это то, что в нем увидит каждый, отдельно взятый среднестатистический зритель». И пока фильм с сильной идеей, но прихрамывающей реализацией отчаянно ковыляет к вершинам кассовых сборов и всевозможных топов, перед просмотром у Вас по-прежнему есть право на две таблетки.

Красная таблетка

Активирует скрытый в голове каждого зрителя ген, отвечающий за критичность мышления. Открывая его, Вы автоматически перестаете слушать других людей, читать обзоры и рецензии (включая и эту), подмечаете все неточности, недолелки и недостатки, одним словом — раз и навсегда, бесповоротно покидаете Матрицу Общественного Сознания.

Синяя таблетка

Ничего не активирует. Да и незачем: и так все хорошо. Надо почаще слушать мнения других людей, читать рецензии критиков или отзывы рядовых пользователей, там люди умные сидят, если че непонятно — сразу объяснят. Сама статья — редкое УГ, ее автор — идиот с сильно завышенной самооценкой и комплексом не реализовавшегося критика. Нолан — молодчина, самый лучший режиссер на планете. А фильм — гениальный, гениальный, ГЕНИАЛЬНЫЙ!!!!!!!!!!!!

СЕРГЕЙ ПАЛЬЦУН

ТРИ ДНЯ ТРИКОНА

Тридцать второй Еврокон проходил в одном из старейших городов Польши — Цешине (Cieszyn), который в этом году отмечает свое 1200-летие. Согласно легенде, Цешин основали в 810 году три брата: Болько, Лешко и Цешко. Они встретились после долгой разлуки и в память об этой встрече заложили на ее месте город. В 1920 году, после распада Австро-Венгерской империи распался и Цешин — часть города отошла к Чехии, получив название Чески Тешин (Český Těšín).

Теперь Цешин вновь стал символом единства. Недаром второе название Еврокона-2010 — Трикон. Три конвента в одном флаконе: общеевропейский Еврокон, чешский Паркон и польский Полкон. И организовали это воистину грандиозное событие три фэндома: польский, чешский и словацкий.

Основная масса мероприятий конвента проходила в главном корпусе Силезского университета, в общежитиях которого проживала и большая часть участников. Встречи любителей фантастического кино, аниме, манги, песен, игр и прочего проходили и в других местах по обе стороны пограничной реки Ользы.

Фантастические персонажи и фантазийные существа смотрят на местных колдуний, исполняющих средневековые танцы
(фото Владимира Пузизя)

По всему городу висели указатели, показывающие дорогу на Трикон

Кстати, открылся Еврокон встречей на Мосту Дружбы мэров Цешина и Ческого Тешина. Каждый из мэров пришел в окружении свиты фантастических персонажей и фэнтезийных существ, среди которых были замечены доблестные рыцари и благородные дамы, имперские штурмовики и повстанцы из «Звездных войн», прекрасные эльфийки, огромный многоногий дракон и даже кролик от «Плейбоя».

После кратких речей градоначальников присутствующие направились на главную площадь польского Цешина, где начался показ средневековых танцев, рыцарских поединков и прочих молодецких забав. Закончилось открытие выступлением группы «Братство трезвых хоббитов» из Белявы, после чего участники конвента разошлись и занялись составлением индиви-

дуальных программ. Задача, между прочим, не из простых, поскольку с десяти утра до восьми вечера параллельно проводились мероприятия двенадцати разных секций или блоков (см. Приложение 1). Доклады, встречи, круглые столы, просмотры фильмов, автограф-сессии... общим числом более трехсот. Глаза разбегались, и очень хотелось овладеть искусством создания дублей. Искусство это, увы, осталось тайной сотрудников НИИЧАВО. Пришлось ограничиться самыми интересными, с моей точки зрения, мероприятиями, вроде встреч с наиболее известными почетными гостями Трикона: Анджеем Сапковским, Орсоном Скоттом Кардом и Стивеном Эриксоном.

Тут хочется отметить великолепную организацию — все мероприятия, на которых мне довелось побывать, начались и заканчивались точно по расписанию, а докладчики четко укладывались

Secret Master of Fandom Пемп Халева

Стивен Эриксон

в отведенное время. На автограф-сессиях жаждущим автографов выдавались специальные листочки, на которых нужно было написать свое имя, дабы не затруднять метров спеллингом и догадками, какое из имен, указанных на бейджике, собственно имя, а которое фамилия. А на одной из автограф-сессий, кроме листиков, всем давали еще и по кусочку торта!

Наибольшее впечатление на меня лично произвели выступления Анджея Сапковского и Орсона Карда. Более подробное изложение сказанного польским метром, возможно, появится в одном из следующих номеров «РФ», а здесь я приведу лишь пару пунктов, вызвавших оживленную реакцию

публики. Сейчас в Польше, как и в Украине, весьма высокая политическая активность населения, и метра не преминули спросить о его политических симпатиях. Сапковский ответил: «Политические взгляды, как задница: она есть у всех, но не стоит ее выпячивать». Думаю, этому совету стоило бы последовать многим фантастам из бывшего СССР. И не только им.

Порадовал метр поклонников Гарри Поттера. Пан Анджей прочитал все романы о Мальчике, Который Выжил, и снимает шляпу перед Джоан Роулинг. При этом было отмечено, что переводы саги — полное (нрзб.).

Некий юный поклонник Сапковского настойчиво пытался выяснить, читал ли метр того или иного автора. Оказалось, что он, в отличие от многих МГА не только писатель, но и читатель. Любимым фантастом Анджея был и остается Роджер Желязны, а из новых метр выделил Нила Геймана и Чайну Мьевиля, добавив, впрочем, что мог бы назвать еще с десяток имен.

В заключение хочу порадовать киевских любителей фантастики: Сапковский подтвердил свое согласие на участие в «Днях фантастики в Киеве», которые

Анджей Сапковский:

– В вине – мудрость. В пиве – сила. А в воде – бактерии!

*Орсон Кард рассказывает автору, почему он сам не написал сценарий «Игры Эндера»
(фото Антона Лапача)*

должны пройти 11—14 ноября этого года.

Орсон Скотт Кард продемонстрировал прекрасное умение владеть вниманием присутствующих и порадовал настолько четким английским языком, что даже неанглоязычной аудитории (за исключением, пожалуй, чрезмерно

смущенной переводчицы) было понятно практически все, сказанное метром.

Прежде всего, Кард рассказал о перспективах экранизации «Игры Эндера». По словам писателя, роман хотят экранизировать едва ли не все компании, специализирующиеся на спецэффектах. Но ведь самое главное происходит в душе главного героя! К счастью для поклонников саги, Карду попался грамотный адвокат, который так составил договор о передаче прав на экранизацию, что сделать из книги очередную стандартную голливудскую поделку затруднительно. Каждый следующий сценарий (а их было уже пять) нарушает как минимум один из десяти пунктов договора, и автору пока удастся отстоять свое детище от опошления. В ближайшее время будет готов еще один сценарий, который, возможно, удовлетворит метра, и тогда мы через некоторое время увидим, наконец, Эндера на экране.

Поклонникам Стивена Кинга, вероятно, будет интересно узнать, что Орсон Кард, хоть и считает Кинга выдающимся писателем, не разделяет их любви к его творчеству. Особенно это касается романа «Кладбище домашних животных», с идеями которого Кард дискутирует во многих своих произведениях.

Ближе к концу встречи, отвечая на казуистический вопрос о причинах, по которым он из трех своих циклов закончил только один, Кард дал не менее казуистический ответ, из которого слушатели узнали четыре вещи:

- 1) якобы законченная «Сага о Вортинге» вовсе не закончена — закончился только контракт на этот цикл с издательством;
- 2) цикл про Эндера закончен, причем уже три раза;
- 3) до окончания «Сказания о мастере Элвине» осталась всего одна книга. Правда, это будет трехтомник объемом семь тысяч страниц;
- 4) каким бы объемным не был цикл, в нем всегда найдется место еще для одной книги.

Шведская делегация со знаменем Еврокона

Кроме того, Кард признался в использовании неоплаченного труда читателей, которые через интернет напоминают автору о позабытых деталях его произведений.

Мне бы очень хотелось, чтобы любители фантастики смогли сами увидеть Карда на одном из украинских конвентов.

Стивен Эриксон, известный нам по нескольким романам Малазанского цикла, ответил на многочисленные вопросы поклонников этой саги (скрыв, однако, детали, касающиеся новых романов) и, между прочим, об отношении автора к персонажам, в частности, к негативным. Интересующимся подробностями рекомендую интервью с Эриксоном Владимира Пузья, которое должно появиться в одном из ближайших номеров «Мира фантастики».

Кроме включенных в программу, на Евроконе происходили и неформальные мероприятия, самым заметным из которых стала традиционная украинская вечеринка, прошедшая в расположенном через дорогу от кампуса ресторанчике «Academicus». Гостей угощали лучшими отечественными винами и водкой с перцем, а поскольку закуска практически отсутствовала, к концу мероприятия наблюдалось полное единение европейского фэндома. Приехавший из Испании российский писатель Юрий Иванович играл на гитаре, а украинская делегация пела «Червону руту» и «Ти ж мене підманула». Затем по просьбе венгров интернациональный хор на нескольких языках спел песенку крокодила Гены, а потом хорватская делегация попросила исполнить «Катюшу», после чего перехватила певческую инициативу. Вообще, похоже, украинская вечеринка сыграла важную роль в популяризации идеи проведения Еврокона-2012 в Загребе, которая в конечном итоге овладела массой и победила при голосовании.

На закрытии, которое состоялось в местном Дворце спорта под охраной имперских штурмовиков во главе с Дартом Вейдером лично, были объявлены победители в различных номинациях, вручены награды (см. Приложение 2), и знамя Еврокона передано делегации Швеции, где в июне следующего года пройдет Еврокон-2011.

Еврокон закончился. Да здравствует Еврокон!

Трикон в очередной раз продемонстрировал, что фэндом — это сообщество, для которого не имеют значения язык, гражданство, политические, идеологические и прочие различия, вплоть до видовых. Любители фантастики частично живут в завтрашнем дне и, возможно, их сообщество является прообразом этого завтра, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Однако это будущее далекое. Пока же, заглядывая в будущее ближнее, скажем друг другу:

— До встречи в Стокгольме!

Приложение 1. Секции Трикона

Литературная
 Научная
 Толкиенистика
 Ролевые игры
 Кино
 Аниме и манга
 Комиксы
 Соревнования
 «Звездные войны»
 Фэнская
 Детская
 Игры

Приложение 2. Награды Трикона

Почетная награда Еврокона «Гранд Мастер»: Анджей Сапковский (Andrzej Sapkowski), Польша

Лучший писатель: Стивен Бакстер (Stephen Baxter), Великобритания.

Лучший переводчик: Петр Холева (Piotr Cholewa), Польша.

Лучший промоутер: Роберт Зиттнан (Robert Zittnan), Словакия.

Лучший журнал: SRSSF (<http://www.srsff.ro/>), Румыния.

Лучший издатель: Newcon Press, Великобритания.

Лучший художник: Мартина Пилперова (Martina Pilcerova), Словакия.

Лучший фильм/постановка: Фредерик Эдин, Мартин Хултман, Стиг Ларссон, Тарик Салех (Fredrik Edin, Martin Hultman, Stig Larsson, Tarik Saleh), «Metropia», Швеция.

Лучший дебют: Наталья Щерба, Украина,

Карина Шаинян, Россия,

Михал Иван (Michal Ivan), Словакия,

Луциана Бриндуза Гросу (Luciana Brîndusa Grosu), Румыния,

Мацей Гузек (Maciej Guzek), Польша,

Адриан Лазаровски (Adrian Lazarovski), Болгария.

Лучшему Дмитрию Можяеву. Поощрительную награду как промоутер получил Дмитрий Можяев, Украина

Приложение 3. Шутки Трикона

Попробуйте найти различие между этими двумя фотографиями, снятым с разницей в один день.

Фото автора (если не указано иначе)

OPUS MIXTUM

ПРЕМИАЛЬНЫЙ МЕСЯЦ

Осень, как известно, прекрасное время для счета цыплят, ну, и вообще для того, чтобы приятно проводить время на конвентах. Вот премии и посыпались из неиссякающего рога изобилия. Начнем с южного полушария.

Ditmar

Одну из двух главных австралийских премий в области фантастики вручали на Австралийском национальном конвенте 3 сентября. Не будем перечислять всех лауреатов — все равно большинство имен, к сожалению, ничего не скажет нашим читателям; скажем только, что премию за лучший роман получила дебютантка **Каарон Уоррен**, автор книги **«Оскорбленные»** (*Sights*).

Hugo

...И тут же до Австралии впервые за 11 лет добрался Worldcon, почетными гостями которого стали писатель Ким Стенли Робинсон, художник Шон Тэн и фэн Робин Джонсон.

Через два дня после вручения «Дитмара» в Мельбурне были объявлены лауреаты премии «Хьюго», основанной, между прочим, еще в 1953 году, и все еще живой, потому что от нее всегда можно ожидать сюрпризов. Все гадали, «кто кого соборет» в номинации «роман», а голосование присудило победу сразу двум книгам — **«Город и город»** (*The City & The City*) **Чайны Мьевиля** и **«Заводная девушка»** (*The Windup Girl*), дебют **Паоло Бачигалупи** в крупной форме. Такое за всю историю премии случается в третий раз: в 1966 году «Хьюго» разделили «Дюна» и «Этот бессмертный», а в 1993-м — «Пламя над бездной» Вернора Винджа и «Книга Судного Дня» Конни Уиллис. Станут ли нынешние лауреаты классикой? Посмотрим.

Другие номинации:

- ✓ повесть — **«Палимпсест»** (*Palimpsest*) **Чарльза Стросса**,
- ✓ короткая повесть — **«Остров»** (*The Island*) **Питера Уоттса**,
- ✓ рассказ — *Bridesicle* **Уилла Макинтоша**,
- ✓ нехудожественная книга — автобиография сами-понимаете-кого **«Это я, Джек Вэнс»** [*This is Me, Jack Vance! (Or, More Properly, This is «I»*)],
- ✓ комикс — **«Девушка-гений», том 9** (*Girl Genius, Volume 9*),
- ✓ фильм (крупная форма) — **«Луна 2112»** (*Moon*),

- ✓ фильм (малая форма) — «Доктор Кто», серия «Воды Марса» (*Doctor Who: The Waters of Mars*),
 - ✓ редактор (крупная форма) — **Пагрик Нильсен Хейден**, издательство «Тор»,
 - ✓ редактор (малая форма) — **Эллен Дэтлоу**,
 - ✓ художник — **Шон Тэн**,
 - ✓ полупрофессиональный журнал — *Clarkesworld*,
 - ✓ фэн-писатель — Фредерик Пол (да-да, 91-летний Фред Пол впервые получил премию как фэн за мемуары в своем чрезвычайно интересном блоге: <http://www.thewaythefutureblogs.com/>),
 - ✓ фэнзин — сайт аудиоподкастов *StarShipSofa*,
 - ✓ фэн-художник — **Бред Фостер**.
 - ✓ Премию Джона В. Кэмпбелла (лучшему дебютанту) получила писатель и музыкант Шонан Макгуайр.
- Голосование за право проведения Worldcon'a в 2012 году выиграло Чикаго.

British Fantasy

Тем временем британские поклонники темной фэнтези и хоррора собрались на свое мрачное празднество и вручили свои зловещие награды.

- ✓ Роман (премия Огюста Дерлета) — «**Один**» (*One*) **Конрада Уильямса**.
- ✓ Повесть — «**Речь умирающих**» (*The Language of Dying*) **Сары Пинборо**.
- ✓ Рассказ — «**Что бывает, если проснешься ночью**» (*What Happens When You Wake up in the Night*) Майкла Маршалла Смита.
- ✓ Антология — «**Огромная книга лучшего нового хоррора**», выпуск 20 (*The Mammoth Book of Best New Horror 20*) под редакцией **Стивена Джонса**.
- ✓ Сборник — «**Любовные песни для застенчивых и циничных**» (*Love Songs for the Shy and Cynical*) **Роберта Шермана**.
- ✓ Малое издательство — *Telos Publishing*.
- ✓ Комикс — «**Что случилось с крестоносцем в плаще?**» (*Whatever Happened to the Caped Crusader?*) — в этот раз над Бэтменом поизгалялся **Нил Гейман**.
- ✓ Художник — **Винсент Чон**.
- ✓ Нехудожественная книга — «**Связь через ансибль**» (*Ansible Link*), **Дэвида Лэнгфорда**,
- ✓ Журнал — *Murky Depths*.
- ✓ Телефильм — «**Доктор Кто**» (*Doctor Who*).
- ✓ Фильм — «**Впусти меня**» (*Let the Right One In*).
- ✓ Премия Карла Эвадара Вагнера за вклад в историю жанра была присуждена — к сожалению, посмертно — **Роберту Холдстоку**.
- ✓ Лучший дебютант — **Кэри Сперринг**.

Думаете, это все?

Две фантастические премии («Ауреалис» и «Дитмар») есть в Австралии, и Канада решила не отставать. Премию «Аврора» в этом году уже вручали (победителем стал роман Роберта Сойера «*Wake*»), а вот и лауреаты премии **Sunburst**:

✓ Книга для взрослых — «**Индиго-спрингс**» (*Indigo Springs*)

А. М. Делламоники. «А.М.» означает «Александра Маргарет», вот как.

✓ Книга для подростков — «**Полумир**» (*Half World*) **Хироми Гото**.

И вести нерадостные

76-летний Харлан Эллисон посетил конвент в городе Мэдисон, штат Висконсин, и объявил, что этот кон станет для него последним. По словам Эллисона, он чувствует приближение неминуемой смерти («Я таю, как Бастинда»)… Пожелаем писателю долгих и продуктивных лет жизни.

В Лондоне, в возрасте 90 лет скончался британский фантаст Эдвин Чарльз Табб, автор 140 романов, самые известные из которых составили цикла «Дюмарест с Терры», и 230 повестей и рассказов. Мир праху.

Тяжелая потеря для мира фантастики — смерть литературного агента Ральфа Вичинанцы, который неожиданно для всех скончался во сне в своем нью-йоркском доме. Ему было всего 60 лет. Клиентами Вичинанцы были Хайнлайн, Силверберг, Кинг, Джордж Мартин, Пратчетт и многие другие замечательные авторы.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 9 (85), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» – 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж – 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.